

ISSN 2522-1787

Новые горизонты русистики

2024

№ 2 (24)

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственный секретарь — канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — канд. филол. наук **В. А. Рязанова, А. С. Бурляй**.

Члены редколлегии: канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova, A. S. Burlyai**.

Members of the Editorial Board: Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Bezrukov** (Birk branch of the Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. G. Yevseeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology **A. V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Prof. **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS); Candidate of Philology, Associate Prof. **V. I. Mozgovoi** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Prof. **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University); Candidate of Philology, Associate Prof. **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Prof. **M. Yu. Sidorova** (Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration); Candidate of Philology, Associate Prof. **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State Pedagogical University); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State Pedagogical University); Candidate of Philology, Associate Prof. **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 308-07/2018).

Издание зарегистрировано Министерством информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ААА № 000148 от 20.06.2017 г.)

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк.

Тел.: +7 856 302-92-33.

E-mail: donrus452@yandex.ru, terkulov@rambler.ru, Nata.gladkaya25@yandex.ru

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 6 от 31.05.2024 г.

© Донецкий государственный университет, 2024

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 2 (24)
2024

С о д е р ж а н и е

Лексикология и стилистика

- Шевченко В. Н.** Русские феминитивы в историческом аспекте 4
Яковлева В. А. Специфика функционирования лексемы ху в казачьих
говорах ростовской области 11

Дискурсология и генристика

- Жигалова Д. В.** Функционирование криптотипа 'контролируемость/некон
тролируемость' в малых комических жанрах 19
Илюхина А. В. Риторический идиостиль политика: приёмы речевого
воздействия в интервью В. В. Путина Т. Карлсону 25
Шацкая А. Д. Человек в зеркале интернет-мемов 32

Словообразование и грамматика

- Рязанова В. А.** Особенности исследования композитных слов в рамках
синхронно-эквивалентностного подхода 41
Смирнова И. Р. Исконные аббрекконструкции: общая характеристика 49

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Вишнякова Н. М.** Пространственно-ориентационная основа
метафорического переноса в современном поэтическом тексте 56
Дашинский В. В. Функциональный анализ предтекстового и
внутритекстового библионимов (на материале романа «Слепые поводыри» Е. Ю.
Лукина) 62
Марченко А. С., Курмакаева Н. П. Динамические процессы в
поэтическом дискурсе Донбасса последних лет: лексико-семантический и
стилистикальный аспекты 68
Михалев А. А., Логвинова И. В. Музыкальные рисунки в рассказах
сборника «Грех» Захара Прилепина 75
Сидоренко Д. Г. Функционально-семантическая характеристика
колоративов в повести Саши Черного «Чудесное лето» 82
Правила оформления материалов 88

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

№ 2 (24)
2024

C o n t e n t s

Lexicology and Stylistics

- Shevchenko V. N.** Russian feminatives in the historical aspect 4
Yakovleva V. A. Specificity of functioning of the lexeme hu in 4ossack dialects of the Rostov region 11

Discourse and Genristics

- Zhigalova D.V.** The functioning of the cryptotype 'controllability/uncontrollability' in small comic genres 19
Ilyukhina A. V. The rhetorical individual style of politics: techniques of speech influence in T. Carlson's interview with V.V. Putin 25
Shatskaya A. D. The man in the mirror of internet memes 32

Derivation and Grammar

- Ryazanova V. A.** Peculiarities of compound word research within the framework of synchronic-equivalence approach 41
Smirnova I. R. Primordial abbroconstructions: general characterisation 49

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Vishnyakova N. M.** Spatial orientation basis of metaphorical transference in a modern poetic text 56
Dashchinsky V. V. Functional analysis of the pre-text and intra-text biblionyms (based on the novel «Slepye povodyri» by E.Yu. Lukin) 62
Marchenko A. S., Kurmakaeva N. P. Dynamic processes in the poetic discourse of Donbass in recent years: lexico-semantic and stylistic aspects 68
Mihalev A. A., Logvinova I. V. Musical drawings in the Zakhar Prilepin's short stories of the series «Sin» 75
Sidorenko D. G. Semantics and functioning of colorative vocabulary in the story of Sasha Cherny «Wonderful summer» 82
Rues for the design of materials 88

Лексикология и стилистика

УДК 811.161.1.

В. Н. Шевченко © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)*

РУССКИЕ ФЕМИНИТИВЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматриваются особенности толкования понятия “феминитив” в русской лингвистике, модели образования устаревших лексем, использующихся для номинации женщин, их семантические изменения в процессе развития русского языка, проанализированы лексико-семантические группы существительных со значением женскости. Сделан вывод о перспективе изучения устаревших феминитивов в рамках влияния на современный русский литературный язык.

Ключевые слова: феминитив, лексема, семантика, лексико-семантическая группа, аффикс, коррелят, словообразовательная модель.

Язык и общество неразрывно связаны. Доподлинно известно, что общество не может функционировать без языка, но и язык всегда обоснован социальными явлениями — историческими фактами, политической и экономической ситуацией, идеологией, религией и т. д. Впитывая в себя действительность, он является ее динамически изменяющимся “отражением”, выражая социальное через словарный состав языковой системы.

Многоаспектное изучение русского языка невозможно без учета различных пластов лексики. В процессе развития языка слова, используемые для дифференциации людей по половому признаку в различных сферах общественной жизни, претерпели значительные изменения. Несмотря на то, что социальное влияние на языковую сферу в большинстве своем рассматривается на базе номинации материальной части жизни человека (изменения в предметной сфере всегда наиболее показательны), «нематериальная часть», роль которой в нашем случае играет номинация женщины, способна более объективно отразить преобразования общественного устройства. Феминитивы как одно из главных средств номинации женщины находится в кругу научных интересов современного языкознания, так как в последние годы наметилась тенденция к активному словообразованию в этой сфере, что невозможно без изучения словообразовательных моделей вообще и исконных словообразовательных моделей в частности, эволюции семантики лексем, сохранившихся в составе языка, и специфика семантического наполнения неологизмов.

Феминитивы являются спорной языковой единицей в русском языке; ежедневно возникают дискуссии по поводу того, как правильно обозначить это языковое явление — языковая норма, безграмотность или тенденция? Несмотря на то, что первые феминитивы были выявлены еще на древнерусском этапе развития языка, единого мнения в толковании термина в лингвистическом сообществе долгое время не существовало.

Впервые наиболее приближенное к современному толкованию определение встречается в первом томе «Русской грамматики», но понятие «феминитив» в нем пока не используется: «Существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода со значением лица; слова этой

группы могут иметь также значение «жена лица, названного мотивирующим словом» [20, с. 200]. В научной литературе на постсоветском пространстве термин «феминитив» встречается только в 2013 г. в трудах доктора филологических наук И.Н. Жуковой: «Феминитивы — наименования лиц женского пола, альтернативные номинациям мужского рода» [10, с. 430].

Стоит отметить, что долгое время основной частью толкования феминитива являлась отсылка к форме лица мужского пола, от которой посредством присоединения аффикса к корневой морфеме происходило образование номинации лица женского пола. Только в последние годы в отечественной лексикологии стал обсуждаться вопрос о самостоятельности наименований, обозначающих женщин, а значит, и включении в разряд феминитивов не только тех слов, которые были образованы от мужского коррелята, но и самостоятельных единиц, таких как *мать*, *дочь*, *тётя* и др.

Рассматривая феминитивы, как лексико-семантическую группу слов, обозначающих лиц женского пола по профессиональной, социальной, религиозной и иной принадлежности [Беркутова, Лукина, Гурова и др.], в рамках данного исследования необходимо учитывать, что вопрос классификации феминитивов внутри большой ЛСГ «феминитивы» в настоящий момент остается открытым, нет единой разработанной классификации, которая принята научным сообществом.

В. В. Беркутова в работе «Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект» [4, с. 7–26] группирует феминитивы по причастности человека к определенному социальному слою/социальной группе и получает следующие группы:

1) по названию профессиональной деятельности: *актриса*, *учительница*, *писательница* и т. д.;

2) по названию непрофессиональной деятельности: *студентка*, *спортсменка*, *владелица* и т. д.;

3) по принадлежности к мировоззрению/вероисповеданию: *демократка*, *христианка*, *анархистка*, *коммунистка* и пр.;

4) по названию социальной группы: *бюджетница*, *королева*, *рабыня* и т. п.;

5) по названию личных качеств: *эгоистка*, *фетишистка*, *активистка*, *бунтарка* и т. п.;

б) по социальному статусу мужа: *генеральша*, *купчиха* и т. п.

А. М. Архангельская подходит к типизации феминитивов с точки зрения их возможности образовывать большие лексико-семантические группы, которые в свою очередь могут делиться на подгруппы: в это исследование включаются не только уже рассматриваемые нами названия лиц женского пола по социальной, профессиональной, религиозной принадлежности и иным признакам, но и названия женских особей животных (самок) и существительные общего рода, которые возможно использовать при номинации женщины [2, с. 328]. В данном случае феминитивами считаются любые слова, используемые для обозначения лиц женского пола, не только являющихся производными от основ мужского рода, альтернативами мужского коррелята (*учитель* - *учительница*), но и самостоятельные лексические единицы (*мать*, *дочь* и т. п.).

В научном сообществе в настоящий момент отсутствует общепринятая классификация существительных со значением женскости, что позволяет не только использовать различные варианты языковедов, но и сгруппировать феминитивы с точки зрения частного исследования.

Так, группу номинативов, обозначающих лиц женского пола, можно разделить на стилистически нейтральные и стилистически маркированные. Первые входят в активный словарный запас и используются в нейтральных контекстах. Чаще всего к ним относятся

слова, используемые главным образом в сферах, где женщины исторически были задействованы чаще, чем мужчины (*няня, балерина, горничная*), в данном случае наблюдается редеривация: номинатив, используемый для обозначения лица мужского пола, образовывался от феминитива параллельно с ним, либо в процессе исторического развития, по мере того как мужчины получали распространение в этой деятельности.

Группа стилистически маркированных феминитивов в количественном отношении гораздо больше. Как отмечает Р. Р. Гузаерова, «область преимущественного распространения феминитивов — разговорный стиль речи» [5, с. 12]. В. В. Беркутова видит причину стилистической ограниченности в словообразовательном аспекте, обращая внимание на то, что феминитивы чаще всего образуются с помощью стилистически окрашенных аффиксов [2, с. 19]. Наиболее выразительным в данном случае являются суффиксы *-ш(а)* (*докторша*) и *-их(а)* (*врачиха*), используемые на старорусском этапе развития языка для образования слов, типа номинации женщины по мужу (*генеральша, купчиха*). В современном русском языке этот оттенок значения был утрачен, но неологизмы, образованные по той же словообразовательной модели, обладают разговорной пренебрежительной коннотацией. Но и в данном утверждении есть исключения, причину которых мы уже рассматривали, к ним относятся слова, обозначающие лицо женского пола по профессиональному признаку, то есть по профессии, в которой женщины имеют изначально большее распространение, нежели мужчины (*секретарша, повариха* и т. п.).

Несмотря на то, что история литературного русского языка указывает на использование феминитивов с давних времен, как, например, номинативы *графиня, княгиня, государыня, боярыня, царица* и подобные, навсегда вошедшие в словарный запас, перечень их исследований достаточно малочислен. Долгое время они воспринимались, как формы слов мужского рода, что отмечено в «Российской грамматике» Ломоносова 1755 года: «Женские, от мужеских происходящие, по большей части кончатся на *ка, ха, ца, ша, ня: пастухъ, пастушка; щеголь, щеголиха; генераль, генеральша; мастеръ, мастерица; князь, княгиня*» [11, с. 97], а значит и изучались в рамках исследований номинативов мужчин.

В середине прошлого века в отечественной науке получило развитие новое направление — гендерная лингвистика, изучающая языковые явления, связанные с различием носителей языка по полу, отражение в языке категории рода, занимающаяся описанием и объяснением того, как в языке манифестируется наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях эти оценки наиболее выражены [11, с. 293]. В этот же период появились первые работы, посвященные исследованию феминитивов.

Несмотря на активизацию словообразовательного процесса в рамках феминитивов в последнее десятилетие XXI, основная часть феминитивов относится к XIX–XX веку и в современном русском языке относится к пласту пассивной лексики.

Большинство устаревших лексем, образованных в древнерусский и старорусский периоды, были направлены на номинацию женщины по титулу и профессии, что реализовывалось в рамках двух обобщенных значений — ‘лицо женского пола по признаку, тождественному тому признаку, который свойствен производящему лицу мужского пола’ и ‘жена лица, названного производящим’. Несмотря на существенные ограничения в словообразовательном процессе того периода, количество феминитивов, называющих женщину по титульной или сословной принадлежности достаточно велико. Кроме того, в процессе изучения различных словарей было выявлено множество слов, характеризующих женщину по различным внутренним и внешним характеристикам.

Материал исследования был создан на основе лексикографических источников и включает в себя 105 устаревших существительных, условно распределенных нами по шести лексико-семантическим группам.

1. Номинации женщин по профессиональной деятельности.

Номинации данной лексико-семантической группы образованы от наименований рода профессиональной деятельности или производимого в процессе этой деятельности продукта и составляют 36 лексем, что связано с появлением права активного включения женщин в трудовую деятельность. Рассмотрим некоторые из данных существительных. Лексема *рукошленница*, имеющая значение ‘ремесленница’ [9, с. 429], то есть женщина, занимающаяся каким-либо ремеслом, как и большинство феминитивов русского языка, образована от мужского коррелята ‘рукошленник’ за счет чередования аффиксов *-ик/-иц-*. По той же модели (образования лексем от мужского коррелята со значением рода деятельности) были образованы номинации *актёрка*, *балетчица*, *артельщица*, *берендеечица*, *живописица*, *изобретчица*, *обучательница*, *пекарка* (*пекариха*, *пекарка*) и т. д.

В основе ряда слов этой лексико-семантической группы лежит наименование продукта, производимого в процессе деятельности и/или используемого в труде. Например, лексема *басонщица* — ‘*мастерица по изготовлению басона*’ [7, с. 29] образована от основы *-басон-* со значением ‘разнообразные плетеные изделия для украшения одежды, мебели — тесьмы, шнура, бахромы и т. п.’ [9, с. 29] при помощи продуктивного аффикса русского языка *-щиц(а)*. Та же словообразовательная модель использовалась и для образования лексем *армячница*, *армячинница*, *белильница*, *сковородница* и т. д.

Кроме того, в основу номинации может быть заложено действие (процесс), производимый лицом: например, лексема *вешальница* в значении ‘гардеробщица’ [7, с. 55] образована от глагола *вешать*; номинация *вправщица*, то есть женщина-врач, занимающаяся репозицией костей, включает в основу лексему *вправлять*; *пищеварница* образовано путём сложения основ *-пищ-* и *-вар-* с интерфиксацией с ведущей семантикой *варить*. Тот же принцип лежит в основе образования номинаций *стиральщица*, *стригунья* (*стригуша*), *изобретчица*.

Со временем в процессе развития языка наблюдается появление форм женского рода слов, номилирующих женщину по отношению к традиционно женскому труду (*баюкальщица*, *мытея*). Ю. С. Азарх объясняет появление подобных личных дериватов женского рода влиянием внеязыковых причин — развитием новых форм женского труда, а возможность производства наименований лиц женского пола по образцу, а не непосредственно от личных имен мужского рода или от общей с ними основы — развитием категории одушевленности/неодушевленности” [1, с. 123]. В подобных лексемах образование коррелятов мужского рода было невозможным.

2. Номинации женщин по отношению к мужу.

Номинации данной лексико-семантической группы характеризуют женщину по отношению к мужчине/мужу, его деятельности и/или социальному статусу. Так, лексема *попадья*, употреблявшаяся в значении ‘жена попа’ [9, с. 342], образована от основы *-поп-* с помощью непродуктивного аффикса *-adj(a)*, носящего нейтральную стилистическую окраску.

Часть слов этой группы, также являясь парными коррелятам мужского рода, были заимствованы русским языком из иностранной лексики. В большинстве своем к ним относятся лексемы, характеризующие женщину по социальному статусу/чину мужа. Например, феминитив *герцогиня*, заимствованный из немецкого языка в середине XVII в. и являющийся суффиксальным производным от *Herzog* — ‘герцог’ [19, с. 63]. Похожая ситуация наблюдается в слове *графиня* — ‘жена графа’, основа

которого — *Graf* - ‘граф’ — была заимствована из немецкого языка и адаптирована на русской почве по аналогии со словами с аффиксами *-ын(я)/-ин(я)* [14, I, с. 453].

К данной лексико-семантической группе можно отнести лексемы *артельщица, боярышня, боярыня, графиня, лекарша* и т. д.

3. Номинации женщин по принадлежности к социальной группе или титулу.

В этой лексико-семантической группе слова со значением женскости имеют оттенок значения ‘номинации по принадлежности к социальной группе/титулу’. Отобранные нами в процессе выборки лексемы частично повторяют состав группы с оттенком значения ‘номинации женщин по отношению к мужу’, что объясняется развитием у лексем второго значения вследствие социального развития общества и влияния его на систему языка, но наблюдаются и самостоятельные единицы, не являющиеся семантически парными коррелятам мужского рода.

Так, лексема *дедила (дедилка)* со значением ‘бабушка’ [9, с. 94], образованная от основы *-дед-* с помощью непродуктивного в рамках образования феминитивов аффикса *-ил-*, обозначает отношение женщины к семье. Лексема *государыня* с равноправными значениями ‘женщина, возглавляющая монархическое государство (царица, императрица, правящая княгиня)’ и ‘жена государя (правителя монархического государства)’ [7, с. 57] образована от основы слова мужского рода *государь* с помощью аффикса *-ын(я)*, продуктивного для образования существительных со значением ‘наименование женщины’.

К данной лексико-семантической группе можно отнести феминитивы *барышня, госпожа, властодержица, градожительница, королица (короличка), экономка, болдырка, братанна, вазеземка, выкормленница, голиха, другиня, дщерица, живовидица, иноземка, полонянка, предместница*.

4. Номинации женщин по роду занятий.

Лексико-семантическая группа феминитивов со значением ‘номинации женщин по роду занятий’ является одной из наиболее многочисленных, что объясняется обилием видов деятельности женщины вне профессионального труда. Здесь могут быть отмечены образования феминитивов путём прибавления аффикса к основе со значением рода занятий или инструмента, используемого во время деятельности.

Лексема *аккомпанировщица* со значением ‘женщина, аккомпанирующая кому-л. (исполняющая музыкальное сопровождение)’ [9, с. 16] образована от названия рода деятельности *аккомпанировать* с помощью добавления аффикса *-щиц(а)*. По той же словообразовательной модели образован феминитив *боронильщица* — ‘женщина, боронящая землю (рыхлящая вспаханную землю специальным инструментом — бороной)’ [9, с. 42]. Номинация *хожалка* в значении ‘сиделка’ [9, с. 546] образовано от основы *-хож-* в значении проявления заботы по отношению к больному или любому нуждающемуся в этом. Устаревшие номинации *благовница (благунья)* в значении ‘проказница’ образованы от лексемы *блажить* в значении ‘вести себя своенравно, сумасбродно’ [9, с. 37]. Эти слова интересны с точки зрения семантической вариативности корня *-благ-/благж-*, имеющего противоположные семантические эмоционально окрашенные значения (ср. со словом *благоговейница*). Лексема *дароимка* — ‘взяточница’ [9, с. 91] — имеет негативную стилистическую окраску за счёт суффикса *-к(а)-*, семантика суммы основ сводится к значению ‘даром иметь’. Наименование взяточницы относится и к слову *цапунья*, образованного от междометия *цап*, употребляемого по значению глаголов: *цапать* и *цапнуть* [7, IV, с. 631].

К этой же группе можно отнести лексемы *благотворительница (благотворица), домоблюстительница, шпичиха, бессудница, возлюбленница, вояжерка*,

враждотворица, встречница (сретница), выглядчица, вызорница, выместчица, глумословка, голосница, домашка (домовня) и т. д.

5. Номинации женщин по внешним качествам.

Эта лексико-семантическая группа является малочисленной. Можно предположить, что причина заключается в активном использовании прилагательных для характеристики женщины по внешнему виду и/или утраты подобных лексем из-за низкой частотности в их использовании. Так, лексема *ботянка* со значением ‘толстушка’ [9, с. 42] не только вышла из активного словарного запаса, но и потеряла этимологическую ясность из-за утраченного производящего. Подобная ситуация наблюдается в феминитиве *пигалица* — ‘невзрачная и низкорослая женщина’, образованного посредством суф. *-иц(а)* от исчезнувшего *пиголь* производного с помощью суффикса *-ль* от звукоподражательного *пиг* [19, с. 337].

6. Номинации женщин по внутренним качествам.

Данная лексико-семантическая группа характеризуется образованием лексем не от коррелятов мужского рода, а от глаголов и/или существительных, лежащих в основе значения лексем. Например, феминитив *блажница*, сохранившийся со значением ‘шалунья’ [9, с. 38], происходит от существительного *блажь* — ‘нелепая причуда, прихоть’ [6, I, с. 96], лежащего в основе значения лексемы. Феминитив *волочайка* же со значением ‘распутница’ [9, с. 61], предположительно происходит от глагола *волочь* со значением ‘увлекать за собой’ с помощью аффикса *-айк(а)*, что определяет оттенок значения произведенной лексемы.

К феминитивам данной лексико-семантической группы можно отнести лексемы *экономка, вертоплётка (вертоплюйка), враха (врахотка, вруха)* и т. д.

Как показал проведенный анализ устаревших наименований лиц женского пола, наибольшую численность (36 номинаций) имеет ЛСГ “Номинации женщин по профессиональной деятельности”, что может быть связано с отражением социального развития на системе языка древнерусского периода, то есть активного участия женщин в трудовой деятельности. Наименьшую численность (2 номинации) в лексико-семантической группе “Номинации женщин по внешним качествам”, на наш взгляд, такая численность связана с утратой продуктивности подобных единиц и выходом из употребления большего их числа.

Анализ семантических и словообразовательных особенностей устаревших лексем может помочь решить вопрос о введении феминитивов в словарный запас современного русского языка, исключения связанных с ними предрассудков и негативных коннотаций, актуализировать интерес к изучению не только новейшей лексики, но и её истоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. — М: Наука, 1984. — 248 с.
2. Архангельская А.М. Сексизм в языке: Мифы и реальность. — Оломоуц, 2011. — 328 с.
3. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: исторический аспект // Филологический аспект. 2018. № 11 (43). — С. 6–22.
4. Беркутова В.В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. — 2019. — № 1 (45). — С. 7–26.
5. Гузаерова, Р. Р. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. — 2017. — №4. — С. 11–15.
6. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. — 3-е, стер. изд. — М.: Рус. яз., 1985. — Т. 1. — 696 с.
7. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. — 3-е, стер. изд. — М.: Рус. яз., 1988. — Т. 4. — 800 с.
8. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. — М.: Флинта. Наука, 2013. — 632 с.

9. Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин: Более 7000 единиц. — М: АСТ: Астрель, 2002. — 608 с.
10. Коновалова Н.И., Имена существительные в русском языке, обозначающие профессию женщины // История русского языка: Словообразование и формообразование, — Казань, 1997. — С. 72–79.
11. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. — М. : АСТ, 2003. — С. 510.
12. Лингвист развеивает мифы о феминитивах с научной точки зрения // Газета.ру. — 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77774/14223349.shtml> (дата обращения 25.02.2023).
13. Ломоносов М.В. Российская грамматика: учебник. — СПб: Императорская академия наук, 1755. — 213 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — 2-е, стер. изд. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1. — 576 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — 2-е, стер. изд. — М.: Прогресс, 1987. — Т. 3. — 832 с.
16. Феминитивы в русском языке: хорошо забытое старое // Субботний Рамблер. — 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://weekend.rambler.ru/read/50333445-feminitivy-v-russkom-yazyke-horosho-zabytoe-staroe/> (дата обращения: 20.10.2023).
17. Шанский Н.М. Из русского словообразования. О словообразовательных связях и происхождении суффикса -ша // Русский язык в национальной школе. 1959. — № 4 (3). — С. 65–67.
18. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. — М.: Учпедгиз, 1959. — 245 с.
19. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1971. — 542 с.
20. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — 788 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

V. N. Shevchenko

RUSSIAN FEMINITIVES IN THE HISTORICAL ASPECT

The article examines the peculiarities of the interpretation of the concept of “feminitive”, models of the formation of outdated lexemes used to nominate women, their semantic changes in the development of the Russian language, and analyzes lexical and semantic groups of nouns with the meaning of femininity. The conclusion is made about the prospect of studying outdated feminitives in the framework of their influence on the modern Russian literary language.

Key words: *feminitive, lexeme, semantics, lexico-semantic group, affix, correlate, word-formation model.*

Шевченко Валерия Николаевна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет». г. Волгоград, РФ.
Студент.
E-mail: deadstoryteller7@gmail.com

Shevchenko Valeria Nikolaevna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University.
Volgograd, RF.
Student.
E-mail: deadstoryteller7@gmail.com

Шацкая Марина Фёдоровна.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fedorovna.

Doctor of Philological Sciences.
Volgograd State Social and Pedagogical University,
Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian language and methods of its teaching.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

УДК 811.161.1

В. А. Яковлева © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Е. В. Кузнецова)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ ХУ В КАЗАЧЬИХ ГОВОРАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье проводится детальный анализ лексемы ху, которая функционирует в казачьих говорах Ростовской области. Автор исследует актуальные значения данной лексемы, а также выявляет интонационные особенности её использования в речи. Кроме того, определяется частеречная принадлежность лексемы и рассматриваются её синтаксические функции. Данные об интонационном оформлении междометия ху можно использовать при исследовании интонационных конструкций предложений с междометиями в русском языке.

Ключевые слова: диалектизм, интонация, междометие, экспрессивность, эмоциональность.

Важность изучения современных диалектов нельзя недооценивать. Территориальные диалекты сохраняют в себе дух народа. В некоторых случаях даже одно слово (особенно если оно имеет яркую эмоциональную окраску) скрывает в себе особенность национального менталитета.

Часто при неформальном общении с жителями Ростовской области можно услышать лексему ху, которая сопоставима со словом фу. Замена согласного обусловлена типичной чертой южнорусских говоров: «|ф| на [х], [хв] ([Хв]ёдор, [Хв]илипп, ко[х]та)» [4, с. 14]. Тем не менее, между диалектным ху и общерусским фу заметны некоторые различия в специфике использования. Лексема ху упоминается в некоторых словарях южнорусских говоров. Так, в «Большом толковом словаре донского казачества» указаны следующие значения слова: 1. межд. Выражает удивление, неудовольствие *Ху, да и тяплыня какая стала У-Б-Калитв. (Дороговский)* 2. ~ Ни ху ни да (ни кукареку). Совершенно ничего *Ой, ни ху ни да ни кукареку — нищиво ни сказала (Буг) Ни можыть зделать ни ху ни да (Кчт)* [1, стр. 563]. Согласно «Донскому словарю» А. В. Миртова, лексема ху обладает значением ‘междометие удивления, неудовольствия’ [5, стлб. 346]. Несмотря на то, что анализируемая лексема была зафиксирована, в рассмотренных словарях были указаны не все её значения, т. к. диапазон ситуаций, в которых она используется, гораздо шире.

Материал настоящего исследования был собран в хуторах Верхняковском, Мещеряковском, станице Казанской Ростовской области в 2023 году. В этой местности бытует говор донского казачества. Проявляются такие черты говора как фрикативный [χ], аканье, яканье. В речи старшего поколения местоимение ты в форме Дательного падежа имеет форму [таб'э]; на месте литературного мягкого шипящего произносится твёрдый долгий шипящий (напр., [ишо], [даждишша]); употребляется мягкий [т'] в окончаниях глаголов третьего лица. В составе диалектной лексики также функционируют украинизмы (напр., нехай и др.). Возраст информаторов находился в диапазоне 40–78 лет. Было подобрано 24 контекста использования лексемы ху.

В ходе исследования решались следующие задачи:

1. Сформулировать актуальные для казачьих говоров Ростовской области значения лексемы ху
2. Выявить интонационные особенности использования лексемы.
3. Уточнить частеречную принадлежность лексемы ху.

Ниже представлена таблица, в которой даны контексты употребления изучаемой лексемы, указаны особенности интонации, используемой в каждом конкретном случае (см. табл. 1).

Таблица 1.

Контексты использования лексемы *ху*
с указанием выражаемого значения и описанием интонации

№	Контекст	Значение	Интонация при произнесении лексемы <i>ху</i>
1.	<i>Ху-у, да будя табе брехать!</i>	сомнение, недоверие	Гласный <i>у</i> протягивается, тон голоса при произнесении слова выше, чем при произнесении остальной фразы, интонация нисходящая. После лексемы следует недолгая пауза.
2.	– <i>Димка-то в одиннадцатый пойдёт?</i> – <i>Ху-у, куда ему.</i>	сомнение	Гласный протягивается, тон голоса при произнесении слова выше, чем при произнесении остальной фразы, интонация нисходящая. После лексемы следует недолгая пауза.
3.	<i>Ху да... Он и таких делов наворотит, башки-то нет.</i>	недовольство кем- л. или чем-л.	<i>Ху</i> произносится с восходящей интонацией, <i>да</i> — с нисходящей (слово произносится как энклитика). Высота тона голоса не отличается от остального высказывания. После сочетания <i>ху да</i> следует пауза.
4.	<i>Ху да... С него толку не будет, так, продукты только перевела.</i>	недовольство кем- л. или чем-л.	<i>Ху</i> произносится с восходящей интонацией, <i>да</i> — с нисходящей (слово произносится как энклитика). Тон имеет ту же высоту, что и остальная часть фразы. После сочетания <i>ху да</i> следует пауза.
5.	<i>Ху да... Она ж башкой не думать.</i>	недовольство кем- л. или сем-л.	<i>Ху</i> произносится с восходящей интонацией, <i>да</i> — с нисходящей (слово произносится как энклитика). Высота тона голоса не отличается от остального высказывания. После сочетания <i>ху да</i> следует пауза.
6.	(о свадьбе) – <i>Надо ж кольца дитям найти, подумать, куда гостей класть будем.</i> – <i>Ху да не колотись, всё успеем. Месяц ещё.</i>	ерунда, не стоит переживания	Гласный <i>у</i> не протягивается, <i>да</i> произносится как энклитика. Высота тона голоса не отличается от остального высказывания.

7.	(увидел, что нужно очень мало сделать) <i>Ху-у, да тут и делать нечего. Быстро управимся.</i>	ерунда, не стоит переживания	Гласный у протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
8.	– <i>Бумагу найти не могу, везде позаканчивалась.</i> – <i>Ху, так пошли, я дам, у меня её вагон.</i>	ерунда, не стоит переживания	Произносится с нисходящей интонацией. Высота тона голоса не отличается от остального высказывания. После лексемы следует недолгая пауза.
9.	– <i>Чего бы холодного выпить...</i> – <i>Ху-у, так пойдём компот достанем с погреба.</i>	ерунда, не стоит переживания	Гласный у протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
10.	– <i>Вареников надо налепить, сын придет.</i> – <i>Ху-у, пойдём, я помогу, за три секунды налепим.</i>	ерунда, не стоит переживания	Гласный у протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
11.	<i>Ху-у, ну и жарница сегодня!</i>	усталость	Гласный протягивается, интонация нисходящая. Тон голоса не повышается. После лексемы следует недолгая пауза.
12.	<i>Ху-у, заморилась, в хату пойду.</i>	усталость	Гласный протягивается, интонация нисходящая. Тон голоса не повышается. После лексемы следует недолгая пауза.
13.	<i>Ху-у, заскирдовали, пошли купаться.</i>	усталость	Гласный протягивается, интонация нисходящая. Тон голоса не повышается. После лексемы следует недолгая пауза.
14.	– <i>Мяса вон, полная морозилка.</i> – <i>Ху! Та шо ж ты раньше не сказала, я б курицу не рубала.</i>	досада	Слово произносится с восклицательной интонацией, после следует пауза.
15.	<i>Ху! Масло, оказывается, было, а я ещё пачку взяла!</i>	досада	Слово произносится с восклицательной интонацией, после следует пауза.
16.	<i>Ху-у, я-то думала там черт-те знает что за история, а это...</i>	досада	Слово произносится с нисходящей интонацией, гласный протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.

17.	– Я кошелёк дома забыла. – Ху! тудыть!..	раздражение, злость, гнев	Слово произносится с восклицательной интонацией, после следует пауза.
18.	(резьба сорвалась) Ху! Твою в коромысло...	раздражение, злость, гнев	Слово произносится с восклицательной эмоциональной окраской, после следует пауза.
19.	Ху, я ж тебе показываю, вот так надо. А ты шо делаешь.	раздражение	Слово произносится с нисходящей интонацией. Высота тона голоса не отличается от остального высказывания. После лексемы следует недолгая пауза.
20.	– Говоришь, пойдёт на гулянку? – Ху-у, ещё бы. Он об этом всю неделю талдычил.	очевидность чего-либо	Слово произносится с восходяще-нисходящей интонацией, гласный протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
21.	– Ху-у, да кто ж Мишку не знает.	очевидность чего-либо	Слово произносится с восходяще-нисходящей интонацией, гласный протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
22.	Ху-у, так это они были? А я тут уже голову сломала, хто такие.	удовлетворение	Слово произносится с нисходящей интонацией, гласный протягивается. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.
23.	Ху, так вон оно что! А я уж с три короба понадумала.	удовлетворение	Произносится с нисходящей интонацией. Высота тона голоса не отличается от остального высказывания. После лексемы следует недолгая пауза.
24.	Ху-у, так ты в наш хутор! А я гадаю, чего такую девку сюда занесло. К кому приехала?	удовлетворение	Гласный у протягивается, слово произносится с нисходящей интонацией. Тон голоса выше, чем при произнесении остальной части фразы. После лексемы следует недолгая пауза.

Весь отобранный материал сгруппирован по значениям лексемы *ху* в отобранных контекстах. Сравнивая выделенные значения со значениями лексемы *фу*, указанными в «Словаре современного русского языка в 17 томах» (БАС), можно прийти к выводу, что

значения пересекаются, но ху в некоторых случаях имеет более конкретные оттенки значения (см. табл. 2)

Таблица 2.

Сопоставление значений лексем *фу* и *ху*.

ФУ (БАС)	ХУ
1. Используется звукоподражательно для обозначения короткого звука, издаваемого при тушении, охлаждении чего-либо; фук.	1. —
2. Разг. Употребляется для выражения презрения, досады, отвращения и т. п. — <i>Фу, какое скверное перо! — закричал Шумное, ударив в досаде им по столу. Дост. Слаб. сердце.</i>	2. Употребляется для выражения раздражения, злости, досады, гнева. <i>контексты №14-19 (табл. 1)</i>
3. Разг. Употребляется для выражения усталости, истомы или облегчения, удовлетворения. — <i>Фу, как ты меня испугал! Я думала, и бог знает кто! — заговорила она, поглядывая на Тимофея. Григор. Переселенцы, I, 10.</i>	3. Употребляется для выражения усталости, истомы или облегчения, удовлетворения. <i>контексты №11-13, 22-24 (табл. 1)</i>
4. Разг. Употребляется в значении: ерунда, не стоит внимания. <i>[Изот:] Провались оно совсем; не с мощной жить али не с нарядной куклой: жене нада муж, а мужу жена, а там все фу. Долгорук. Любовн. волшебство.</i>	4. Употребляется в значении: ерунда, не стоит переживания. <i>контексты №6-10 (табл. 1)</i>
5. —	5. Употребляется для выражения сомнения в чём-л., ком-л. (часто — недоверие к чьим-то словам). <i>контексты №1-2 (табл. 1)</i>
6. —	6. Употребляется в значении: некоторая информация очевидна; конечно. <i>контексты №20-21 (табл. 1)</i>
7. ~ Фу ты. У употребляется для выражения удивления, досады, раздражения: тьфу, вот ведь (обычно с ироническим оттенком). — <i>Ох, устала, — проговорила Вера, опускаясь на траву... — Фу, ты, безобразие! Как старуха, охает! сказала Наташа. Верес. Без дороги.</i>	7. ~ Ху да. Употребляется для выражения досады, раздражения или недовольства (кем-л. или чем-л.). <i>контексты №3-5 (табл. 1)</i>

Различия в значениях лексем очевидны: значение лексемы *фу* как звукоподражания при тушении или охлаждении не было найдено среди значений *ху*. Примечательно, что отсутствие этого значения у *ху* может быть следствием артикуляционных особенностей звуков. При произнесении губно-зубного [ф] губы и зубы образуют преграду для воздуха, создаётся небольшое давление воздуха на эту преграду и при её исчезновении воздух под давлением вылетает из ротовой полости. Звук [х] — заднеязычный фрикативный, а это означает не только то, что артикуляторы не создают достаточного препятствия для создания воздушного давления, но и то, что воздуху необходимо преодолеть пространство ротовой полости. Струя воздуха при произнесении сочетания

звуков [фу] мощнее, чем при произнесении сочетания [ху], это может являться причиной отсутствия значения звукоподражания при тушении или охлаждении у лексемы ху.

Пятое (сомнение) и шестое (очевидность) значения лексемы ху не были найдены среди значений фу. Идентично воплощено в слове ху лишь третье значение слова фу: «употребляется для выражения усталости, истомы или облегчения, удовлетворения». Остальные значения имеют различия. Если фу во втором значении связано с ощущением отвращения, то ху в схожем контексте имеет оттенок агрессивности. В значении ‘ерунда’ слово фу нацелено на то, чтобы отгородиться от проблемы, тогда как ху скорее нацелено на то, чтобы успокоить. Устойчивые сочетания различаются по составу и оттенкам значений. Если фу ты может обозначать удивление, то среди оттенков значений сочетания ху да такого найдено не было.

К вопросу об интонационных особенностях. Интонация складывается из сочетания движения тона, силы звука, тембра и длительности [2, с. 158]. При составлении Таблицы 2 было отмечено, что интонация зависит скорее от конкретного случая, чем от значения лексемы ху в конкретном контексте. Интонация может усилить экспрессивность высказывания. Экспрессивность характеризует степень выражения эмоции или проявления признака [3, с. 48]. Например, протягивание гласного у увеличивает экспрессивность высказывания почти во всех случаях, кроме тех, где лексема использована в значении ‘раздражение, злость, гнев’ (см. контексты №17-19, Табл. 1). В этом значении наоборот используется только произнесение без протягивания гласного.

Повышение тона голоса при произнесении слова ху является способом повышения уровня экспрессии во всех случаях, кроме тех, в которых слово использовано в значении ‘раздражение, злость, гнев’ (см. контексты №17-19, Табл. 1). Интонация при этом часто нисходящая (или восходяще-нисходящая). Восходящая интонация наблюдается в случаях использования исследуемой лексемы со значением ‘раздражение, злость, гнев’, но лишь в тех, которые выражают особо сильную экспрессию (см. контексты №17, 18, Табл. 1). В этих же случаях после слова следует пауза. В ином случае интонация также будет нисходящей, пауза после слова не наблюдается.

Следует уделить внимание сочетанию ху да, в котором второй компонент произносится как энклитика. Сочетание используется как неоконченное высказывание, после него следует пауза. Наиболее точно его значение можно охарактеризовать следующим образом: ‘отнестись к чему-либо или кому-либо с пренебрежением, с легкостью’.

Далее рассмотрим вопрос о частеречной принадлежности исследуемой лексемы. В русском литературном языке слово фу определяется как междометие (БАС). В результате проведенного сопоставления нашу лексему ху, можно отнести к той же части речи. Как междометие слово ху помечено и в «Донском словаре» Миртова [5, стлб. 346]. Тем не менее, учитывая, что значения лексем несколько разнятся, необходимо убедиться в этом предположении.

Слово ху не является самостоятельным, способно выразить различные эмоции при включении во фразу, но не выполняет номинативную функцию. Согласно классификации частей речи, Е. В. Середы, лексема ху может относиться либо к одной из сентиметивных частей речи (модальные слова, междометия, звукоподражания), либо — к одной из служебных (предлоги, союзы, частицы) [6, с. 20]. Каждая категория имеет ряд признаков.

Основным критерием, отличающим сентиметивные части речи от служебных, является эмоциональность, выражающаяся в богатой интонации в речи [6, с. 20]. Ранее в статье рассматривались интонационные особенности лексемы ху при использовании её в речи. Можно сказать, слово зачастую интонационно ярко выделяется. От предложения

лексема отделяется интонационно или представляет собой отдельное предложение. Эти позволяют отнести слово *ху* к сентиметивным частям речи.

Можно уверенно сказать, что исследуемое слово является междометием, т.к. служит для выражения чувств, не несёт в себе сему передачи звука, шума, а также не выражает отношение говорящего к высказываемому им факту.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о специфике употребления лексемы *ху* в донских говорах:

- 1) употребляется в пяти значениях:
 - раздражение, злость, досада, гнев;
 - истома или облегчение, удовлетворение;
 - ерунда, не стоит переживания;
 - сомнение в чём-л., ком-л. (часто — недоверие к чьим-то словам);
 - некоторая информация очевидна; конечно;
 - досада, раздражение или недовольство (кем-л. или чем-л.);
- 2) имеет богатую интонационную оформленность, которая зависит от степени уровня экспрессивности;
- 3) является междометием.

Полученные результаты могут быть использованы при изучении лексической системы донских говоров, а также при исследовании функционирования междометий в русских говорах в целом. Результаты исследования интонационной оформленности междометия *ху* могут быть учтены при изучении интонационных конструкций предложений с использованием междометий в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества: 18000 слов и устойчив, словосочетаний / Редкол.: В. И. Дегтярев и др. — М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 608 с.
2. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка : Пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами / Е. А. Брызгунова. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1963. — 306 с.
3. Крючкова, Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике / Т. М. Крючкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 1(1). — С. 48–51.
4. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа : На материале донских казачьих говоров Волгоградской области : автореф. дис. доктора филолог. наук : 10.02.01 — русский язык / Р. И. Кудряшова. — Волгоград, 1998. — 61 с.
5. Миртов, А. В. Донской словарь : материалы к изучению лексики донских казаков / А. В. Миртов. — Ростов-на-Дону, 1929. — Стлб. 346–347.
6. Серeda, Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи : учебное пособие / Е. В. Серeda. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : ФЛИНТА, 2022. — 184 с.
7. Словарь современного русского литературного языка. Том XVI / Гл. ред.: В. И. Чернышев, С. П. Обнорский, В. В. Виноградов и др. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1964. — 1610 стлб.

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

Yakovleva V. A.

SPECIFICITY OF FUNCTIONING OF THE LEXEME HU IN COSSACK DIALS OF THE ROSTOV REGION

The article provides a detailed analysis of the *hu* lexeme, which functions in the Cossack dialects of the Rostov region. The author explores the actual meanings of this lexeme, and also identifies the intonation features of its use in speech. In addition, the partial ownership of the token is determined and its syntactic functions are considered. Data on the intonation design of the interjection *xy* can be used in the study of intonation constructions of sentences with interjections in the Russian language.

Key words: dialectism, intonation, interjection, expressiveness, emotionality.

Яковлева Валерия Александровна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: yava610@mail.ru

Yakovleva Valeria Alexandrovna.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, RF.

Student.

E-mail: yava610@mail.ru

Кузнецова Елена Валентиновна.

Кандидат филологических наук.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.

Доцент кафедры русского языка и методики его преподавания.

E-mail: proverkadistancionka@mail.ru

Kuznetsova Elena Valentinovna.

Candidate of Philology sciences.

Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, RF.

Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching.

E-mail: proverkadistancionka@mail.ru

Дискурсология и генристика

УДК 81.42

Д. В. Жигалова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРИПТОТИПА 'КОНТРОЛИРУЕМОСТЬ/НЕКОНТРОЛИРУЕМОСТЬ' В МАЛЫХ КОМИЧЕСКИХ ЖАНРАХ

Статья посвящена анализу классифицирующей скрытой категории 'контролируемость/неконтролируемость': описаны нетривиальные случаи функционирования данного криптотипа в малых комических жанрах, установлены причины перехода признака «+контроль» в противоположный и наоборот, а также выявлена взаимосвязь лексической семантики со скрытой грамматической при формировании комического эффекта.

Ключевые слова: языковая игра, криптотип, контролируемость/неконтролируемость, скрытая категория, малые комические жанры, парадокс.

Семантика различных единиц русского языка многомерна. Так, помимо эксплицированных значений, существуют и имплицитные. «Введение в лингвистический обиход термина (и понятия) «скрытая грамматическая категория», или «криптотип», противопоставленного «явной, или открытой, категории», т. е. «фенотипу», связывается с именем Б. Уорфа» [3, 1980, с. 25]. Криптотип «выражается специальной морфемой или особой моделью предложения только в некоторых случаях и отнюдь не во всех предложениях, в которых представлен член этой категории» [14, 1972, с. 47]. Т. В. Булыгина отмечает, что криптотипы могут быть модифицирующими/флективными (т. е. переменными) и классифицирующими (т. е. постоянными) для некоторых единиц значения [3, 1980, с. 25].

В нашей статье пойдет речь об одном из классифицирующих криптотипов 'контролируемость/неконтролируемость', который мы будем рассматривать с позиции осознанности/неосознанности совершения действий. Данный криптотип изучали Т. В. Булыгина, А. А. Зализняк, Т. И. Стеклова, И. Б. Шатуновский и др.

Отображение действий человека связано с появлением «человеческого фактора» в языке, «если подходить к действиям как к феноменам человеческой деятельности, то следует отметить, что определяются они самыми различными мотивами, побуждениями человека, но часто оказываются обусловлены и такими факторами, которые никак от самого «деятеля» не зависят» [8, 2011, с. 3]. Все это позволило подразделить человеческие действия на *контролируемые* (т. е. намеренные) и *неконтролируемые* (т. е. произвольные).

В лингвистический обиход термин «контроль» одной из первых был введен Т. В. Булыгиной. А. Вежбицкая заметила, что «можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, «что делаю я», т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, «что случится со мной», следуя пассивной (пассивной, связанной с пациенсом) ориентации» [8, 2011, с. 5]. И. Б. Шатуновский описывает *контролируемость* «в качестве элемента лексической семантики глагола, определяемого через понятие *выбора*, что так или иначе "выводит" на интерпретацию обозначаемого глаголом действия в терминах «воля: отсутствие воли»» [8, 2011, с. 8]. Более того, «И. Б. Шатуновский практически напрямую связывает

намеренность и *контролируемость* действия: намеренное действие, по его мнению, всегда контролируемо, поскольку намерение совершить действие и контроль со стороны сознания субъекта — одно и то же» [8, 2011, с. 9].

Криптотип *контролируемость/неконтролируемость* имеет отношение к временной отнесенности действия и отражает «роль субъекта в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей. Так, все контролируемые явления называются «действиями», контролируемые процессы — «деятельностью», контролируемые события — «поступками» и т. д.» [3, 1980, с. 21].

Шкала *контролируемости* в жизни выглядит следующим образом: «Признак «+контроль» — всегда неустойчивый, т. е. он может подавляться контекстом: любое выражение, описывающее контролируемую ситуацию, может быть употреблено в том числе и в предложении, описывающем неконтролируемую ситуацию... Что же касается признака «-контроль», то у одних глаголов он может быть точно так же безболезненно устранен (таких, как опоздать), у других же он является неустранимым» [6, 2006, с. 522].

Рассмотрим, как функционирует предикатный криптотип *контролируемость/неконтролируемость* в условиях языковой игры в малых комических жанрах. Эмпирический материал для анализа был собран из таких электронных источников, как «Приличные анекдоты и шутки», «Анекдоты из России», «Анекдоты от Никулина», а также из сборников анекдотов «Русские, грузины, чукчи, евреи... и др.» и «Тонна анекдотов про преступников».

Врач говорит больному:

— *Примите сегодня две таблетки, а завтра, если проснетесь, еще две* [7, 1994, с.56].

Глагол *проснуться* несов. в. к глаголу *просыпаться* — 'очнуться ото сна; пробудиться' [11, т. 3, с. 523]. Само действие пробуждения является произвольным, то есть имеет признак «-контроль», однако появление компонента «+контроль» в данном случае связано с комбинацией противоположных компонентов. Принятие таблетки должно излечить больного, сделать ситуацию его болезни контролируемой, однако выражение *если проснетесь* свидетельствует о высокой вероятности проявления обратного результата и даже намёка на печальный исход (смерть).

В следующем комическом микродиалоге можно встретить расхождение семантики и прагматики:

— *Роза! Ты ничего не заметила? У меня давно выпадают волосы. Это ужасно! Как мне их сохранить?*

— *Не волнуйся! Это же пустяк. Складывай их в картонную коробочку* [7, 1994, с. 3].

Лексема *сохранить* (несов. в. к глаголу *сохранять* 'не дать пропасть, исчезнуть, сберечь' [11, т. 4, с. 213]), в то время как глагол *складывать* (несов. в. к *сложить* — 'положить в определённом порядке, придав какой-то вид, форму' [11, т. 4, с. 141]). В данном случае аномальность заключается в том, что глагол *сохранить* употреблен в контексте *оставить волосы расти на голове*, в то время как собеседник (Роза) дает совет, как *сохранить их в одном месте на память*. Процесс выпадения волос в данном анекдоте реализует компонент «-контроль», а процесс «коллекционирования» их в коробочке, в свою очередь, отражает признак «+контроль». Аномальность данного примера построена на многозначности лексемы *сохранить*, где каждая фраза микродиалога попеременно актуализировала то одно, то другое значение.

Следующий пример: *Промахнулся и попал в цель* [12]. В данной комической паремии сочетание глагола *промахнуться* с результатом *попал в цель* создают парадоксальность ситуации. Глагол *промахнуться* (несов. в. к глаголу *промахиваться* — 'не попасть в цель, стреляя, бросая и т.п.; сделать какую-нибудь оплошность, ошибиться'

[11, т. 4, с. 501]), а *попасть в цель* является частично контролируемым действием, связанным с проявлением воли субъекта. Более того, А. А. Зализняк подчеркивает, что «действительно контролируемых субъектом ситуаций нет, присутствует вероятность возникновения помех, однако абсолютно неконтролируемые ситуации наоборот существуют» [6, 2006, с. 521].

Братан:

— *Ну доктор, ты уж **определяйся** с диагнозом: либо я буду жить, либо ты не будешь* [13, 2005, с. 15].

Глагол *определяться* (несов. в. к глаголу *определиться* — определить свое местонахождение [11, т. 2, с. 630]). Предикат *определяться* является словообразовательным дериватом от *определиться*, в значении которого есть семный комплекс 'определить свое положение', в сочетании с существительным *диагноз* возникает аномальность, поскольку диагнозы не придумывают, а определяют, исходя из симптомов болезни. Именно наличие постфикса *-ся* переводит предикат *определяться* в разряд неконтролируемых процессов. Однако при обращении к контексту *либо я буду жить, либо ты не будешь* мы видим, что глагол *жить* становится частично контролируемым действием и зависит от воли иного человека. Эти доли значения свидетельствуют об актуализации компонента «+ контроль».

Аномалия, связанная с употреблением глагола *угораздить*, заключена в следующем примере:

— *Вы когда-нибудь видели детектор лжи?*

— *Я не просто видел, меня ещё **угораздило** на нём **жениться** [9]!*

Глагол *жениться* представляет собой процесс, подвластный контролю, поскольку это добровольное действие, таким образом, реализован признак «+контроль», однако в сочетании с глаголом *угораздило* признак «+контроль» переходит в «–контроль», т. е. данная ситуация в ироническом смысле становится неконтролируемой. Более того, А. А. Зализняк подчеркивает, что «в русском языке имеются средства, позволяющие... возложить на субъекта ответственность за неконтролируемую им ситуацию: это глаголы *умудриться* и *ухитриться* в их ироническом употреблении» [6, 2006, с. 209].

Обратимся к следующему анекдоту:

На перроне стоит в доску пьяный мужик с чемоданом и смотрит вслед уходящему поезду. К нему подходит один из провожающих и сочувственно спрашивает:

— *Что, брат, **опоздал**?*

— *Нет. ... **Спугнул** [9].*

Глагол *опоздать* (несов. в. к глаголу *опаздывать* — 'прибыть, прийти, позже, чем нужно' [11, т. 2, с. 625]) относится к неконтролируемым действиям («–контроль»), однако данный признак может быть устранен самим человеком. Кроме того, при обращении к следующей реплике этого диалога мы встречаем глагол *спугнуть* (несов. в. к глаголу *спугивать* — 'испугав, согнать с места, заставить уйти, улететь, убежать' [11, т. 4, с. 233]), который также указывает на умышленность совершения действия, т. е. указывает на проявление признака «+ контроль».

Рассмотрим такой комический микродиалог:

— *Ты что здесь делаешь, Абрам?*

— *Как что? Приехал с женой в театр!*

— *А почему не заходишь?*

— *Сегодня моя очередь охранять машину [10, 1996, с. 12].*

Лексема *заходить* — несов. в. к глаголу *зайти* ('идя по пути, побывать где-либо, посетить кого-либо, навеститься к кому-либо' [11, т. 1, с. 523]). Данное действие подвластно контролю самого человека, поэтому должно реализовывать признак «+контроль», но в данном комическом микродиалоге он приобретает признак «–

контроль», поскольку человек якобы вынужден охранять (сов. в. к глаголу охранить — 'ограждать, защищать кого-либо от чьих-либо нападений, посягательств, враждебных действий' [11, т. 2, с. 730].

Хозяин предупреждает гостей:

— *Ради бога, джентльмены! Только не садитесь на этот диван — он кишит клопами.*

— *Почему Вы не выкинете его?*

— *Пробовал, они его назад приносят* [1].

Лексема *кишит* ('беспорядочно двигаться в различных направлениях (о множестве животных, людей' [11, т.2, с. 52]) употреблена в значении 'быть переполненным множеством живых существ' [4]. Это действие относится к неконтролируемому («–контроль») или частично контролируемым, поскольку можно предпринять ряд действий для искоренения этой ситуации, что подтверждает использование глагола *выкинуть* (признак переходит в «+контроль»). Однако следующее предложение это опровергает: *Пробовал, они его назад приносят* — ситуация становится абсолютно неконтролируемой («–контроль»).

Рассмотрим следующий пример:

Все у них дома было краденое. И даже воздух какой-то спертый [13, 2005, с.15].

Причастие *краденый* ('добытый кражей, украденный' [11, т. 2, с. 118]) отражает последствие действия, совершенного по собственной воле, а значит, имеет признак «+контроль», однако далее в диктее читаем: *даже воздух какой-то спертый* и обнаруживаем, что прилагательное *спертый* употреблено в значении 'душный, несвежий, тяжелый (о воздухе)' [11, т. 4, с. 221]. Данный признак является неконтролируемым («–контроль») или же частично контролируемым, поскольку за запах в комнате отвечает множество факторов. Парадоксальность выражена омонимией лексемы *спертый*, которая имеет значение душного пространства, однако в данном контексте актуализировано значение чего-либо украденного.

Хронический неудачник даже в амфитеатре умудрится себя в угол загнать [2].

Глагол *умудриться* ('изловчившись, суметь что-либо сделать' [11, т. 2, с. 495]) свидетельствует о том, что человек предпринял какие-либо действия для достижения цели, однако парадоксальность возникает из-за необычного сочетания глагола *умудриться* с фразеологической единицей *загнать себя в угол* ('разг. экспрес. ставить кого-либо в тяжёлое или безвыходное положение' [15, 2008, с. 236]) (признак «–контроль»), т. е. лексема *умудриться* перекладывает ответственность за неконтролируемую ситуацию на самого человека.

О.П. Ермакова, исследуя механизмы «прагматической» энантиосемии на рубеже XX–XXI вв., не без основания отмечает влияние иронии на употреблении глаголов с модальными компонентами, такими, как *суметь, ухитриться, умудриться, изловчиться, удостоиться, обещать, грозить*, а также глаголов, называющих получение, приобретение чего-либо субъектом — *заработать, обрести, огрести, схлопотать* или наделение чем-либо субъекта — *наградить, одарить* и др. Ироническое употребление их «привело к сочетанию у одних и тех же глаголов противонаправленных прагматических компонентов — желательного и нежелательного результата, что особенно заметным стало в последние десятилетия XX века» [5, 2008, с. 65–66].

Адвокат:

— *Господин судья! Ну откуда эта несчастная женщина могла знать, что ее муж столь чувствителен к мышьяку* [1]?

Данный пример также отражает переход признака «+контроль» в «–контроль». Такое вещество как *мышьяк* ('химический элемент, твердое ядовитое вещество, входящее в состав многих минералов' [11, т. 2, с. 319]) опасно не только для животных,

но и для людей. Употребление данного вещества приводит живое существо к летальному исходу, это свидетельствует о приобретении признака «+контроль», однако в диктете *откуда эта несчастная женщина могла знать, что ее муж столь чувствителен к мышьяку* глагол *знать* ('иметь сведения о чем-либо' [11, т. 1, с. 617] приобретает признак «-контроль», поскольку работа адвоката заключается в защите обвиняемого и в его интересах убедить суд в невиновности подсудимого.

Как показывают наши наблюдения, проявление классифицирующего крипто типа 'контролируемость/ неконтролируемость' в условиях языковой игры может осуществляться в связи с употреблением глаголов *умудриться, угораздило, суметь, ухитриться, изловчиться, удостоиться, обещать, грозить*, а также глаголов, называющих получение, приобретение чего-либо субъектом — *заработать, обрести, огрести, схлопотать или наделение чем-либо субъекта — наградить, одарить*. Кроме того, наблюдается переход признака «+контроль» в «-контроль» и наоборот. В большинстве случаев постфикс *-ся* способствует переходу признака «+контроль» в «-контроль», маркируя тем самым неконтролируемость упоминаемого процесса. Переходу признака также зачастую способствует семантическое рассогласование компонентов в пределах одной синтагмы. Пресуппозиция играет важную роль для понимания парадоксальности малых комических жанров, поскольку служит дополнительным средством иронии, иногда наблюдается противоречие лингвальной и экстралингвальной пресуппозиций. Наше исследование показало, что в большинстве случаев аномальность вызвана игрой на многозначности, как, например, в комическом микродиалоге о выпадении волос (глагол *сохранить* употреблен в контексте *оставить волосы расти на голове*, в то время как собеседник (Роза) дает совет, как *сохранить их в одном месте на память*), однако парадоксальность некоторых примеров построена на омонимии слов, к примеру, *все у них дома было краденое. И даже воздух какой-то спертый* (спёртый (в значении украденный) и спертый (в значении душный)).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анекдоты из России. Составитель — Дима Вернер [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anekdot.ru/id/-9971866/> (дата обращения 10.10.23)
2. Анекдоты и шутки из Питера [Электронный ресурс]. — URL: <https://kopbl.ru/anekdoty-pro-neudachnikov/> (дата обращения 10.10.23)
3. Булыгина Т.В. Грамматические семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980
4. Грамота.ру [Электронный ресурс]. — URL: <http://gramota.ru/slovari/dic?word=кишеть&all=x> (дата обращения 10.10.23)
5. Ермакова О.П. Активные процессы в лексике и семантике. Семантические процессы // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 712 с. — 33–99 с.
6. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.
7. Никулин Ю. «Анекдоты от Никулина», 1994 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Nikulina_Anekdoty_ot_Nikulina.pdf (дата обращения 10.10.23)
8. Письмак Т.Г. Неконтролируемость как скрытая семантическая категория: учебное пособие / Т. Г. Письмак; Кемеровский государственный университет, — Кемерово, 2011. — 116 с.
9. Приличные анекдоты и шутки. Валерий Аллин [Электронный ресурс]. — URL: <https://proza.ru/2013/01/20/18>
10. Русские, грузины, чукчи, евреи... и др. : Анекдоты. — [Волгоград] : Коробков, Б. г. (1996). — 47,[1] с. ил.; 20 см.; ISBN 5-900243-09-4 : Б. ц.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988 гг. (МАС)
12. С миру по шутке (СИ) [Константин Валерьевич Захаров] [Электронный ресурс]. — URL: <https://coollib.net/b/658325-konstantin-valerevich-zaharov-s-miru-po-shutke-si/read> (дата обращения 10.10.23)

13. Тонна анекдотов про преступников/мост. Р. Трахтенберг. — М.: АСТ; СПб: Астрель-СПб, 2005. — 316 с.
14. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. — М.: Наука, 1972. — С. 44–60.
15. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц/ А.И. Фёдоров. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 878 с.

Поступила в редакцию 30.01.2024 г.

D. V. Zhigalova

**THE FUNCTIONING OF THE CRYPTOTYPE
'CONTROLLABILITY/UNCONTROLLABILITY' IN SMALL COMIC GENRES**

The article is devoted to the analysis of the modifying hidden category 'controllability/uncontrollability': non-trivial cases of the functioning of this cryptotype in small comic genres are described, the reasons for the transition of the sign "+control" to the opposite and vice versa are established, and the relationship between lexical semantics and hidden grammatical in the formation of a comic effect is revealed.

Key words: *language game, cryptotype, controllability/uncontrollability, hidden category, small comic genres, paradox.*

Жигалова Дарья Владимировна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, РФ.
Магистрант.
E-mail: zhigalovadasha@yandex.ru

Zhigalova Darya Vladimirovna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, RF.
Undergraduate student
E-mail: zhigalovadasha@yandex.ru

Шацкая Марина Фёдоровна.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fedorovna.

Doctor of Philological Sciences.
Volgograd State Social and Pedagogical University,
Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian language and methods of its teaching.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

УДК 82.085

А. В. Илюхина © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. М. Ф. Шацкая)

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДИОСТИЛЬ ПОЛИТИКА: ПРИЁМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНТЕРВЬЮ В. В. ПУТИНА Т. КАРЛСОНУ

Статья посвящена изучению языковой личности В. В. Путина на материале интервью американскому политику и журналисту Т. Карлсону. Рассматриваются актуальные на сегодняшний день в политическом и медиадискурсе приемы речевого воздействия журналиста и риторические тактики государственного деятеля, с помощью которых достигается убедительность и создается защита от негативного влияния.

Ключевые слова: языковая личность, идиостиль, идиополитический дискурс, речевое воздействие, суггестивность, приемы речевого воздействия.

В настоящее время вопрос функционирования языка, языковых и психологических механизмов порождения сообщений, эффективных способов воздействия на собеседника является актуальным. Значительный интерес и освещение в последнее время получило явление межличностного речевого воздействия, основной сферой действия которого является политический и медиадискурсы.

В период информационной войны объектом пристального внимания науки являются выступления, а также интервью политических лидеров. Причинами выступают спонтанность диалога между интервьюируемым и интервьюером, а также воздействие не только на участников диалога, но и на лиц, непосредственно не принимающих участия в беседе. Таким образом, политическая личность выступает в качестве оратора, способного оказать вербальное воздействие на слушателей и, как следствие, нацию.

Одной из самых влиятельных мировых политических фигур за последние несколько лет признан Владимир Владимирович Путин. Языковая личность российского лидера выступает объектом исследований многих ученых-лингвистов. Как отмечает А. П. Седых, «речевой портрет рассматриваемого политика моделируется на базе выявления типологии признаков языковых и коммуникативных доминант, а также связанного с ними выбора формата стратегий и тактик целенаправленного процесса передачи институционального содержания» [11, с. 40]. Языковед относит языковую личность В. В. Путина к доминантному типу коммуникантов, который способен оказать идеологическое воздействие на собеседника, используя приёмы речевого воздействия.

Мировую известность приобрело интервью В. В. Путина американскому журналисту и политическому деятелю Такеру Карлсону, опубликованное 9 февраля 2024 г.: через два дня видеоматериал набрал в сумме более миллиарда просмотров во всех источниках и на разных языках мира. Анализируемое нами интервью стало одним из самых комментируемых событий как политическими деятелями, так и гражданами различных стран, а личность В. В. Путина в очередной раз стала одной из изучаемых учеными разных сфер: психологии, политологии, лингвистики.

В силу того, что интервью отличается новизной, в нашей статье мы рассмотрим основные риторические приёмы, используемые Т. Карлсоном и В. В. Путиным в ходе диалога, а также эффективность их применения.

Речевое воздействие на сегодня — это область лингвистики, в рамках которой изучаются приемы влияния на людей за счет манипуляций и техник убеждения, а также нейролингвистическое программирование и многое другое. При речевом

взаимодействии — особенно, если идёт речь о коммуникации в рамках интервью, — предполагается речевое воздействие. В подходе Т. С. Комиссаровой речевое воздействие в политическом дискурсе задается признаками этого дискурса: институциональностью; варьированием; смысловой неопределенностью; иррациональностью и суггестией; театральностью [4, с. 120]. Таким образом, речевое воздействие включает в себя не только убеждение, но и манипулирование, целью которого является внедрение в сознание адресата не соответствующих ему изначально мнений и установок. В рамках политического дискурса важнейшей коммуникативной задачей речевого воздействия считается самопрезентация политического деятеля.

Суггестивность также является характерной чертой политического дискурса. Данное явление представляет собой скрытое словесное воздействие, информация после которого принимается реципиентом как истинная без соответствующей аргументации. Отсутствие контроля со стороны сознания при получении и обработке информации — отличительный признак суггестивности [1, с. 3]. Таким образом, понятие суггестивности взаимодействует с таким явлением, как убеждение. Стоит отметить, что манипулятивное воздействие тоже может сочетаться с суггестивным, поскольку для успешного достижения цели манипуляции необходимо преодолеть внутренние барьеры и фильтры реципиента, защищающие его сознание и волю [8, с. 118].

Рассмотрим подробнее приёмы речевого воздействия коммуникантов, которые направлены как на убеждение, так и на манипулирование собеседником, а также защиту от явного или скрытого влияния на собеседника.

1. «Игра в авторитеты».

Т. Карлсон: *Вы выступили перед нацией 24 февраля 2022 г., где пришли к выводу, что с помощью НАТО США могут начать внезапную атаку на вашу страну. Для американца это подобно паранойе. Почему Вы считаете, что Америка могла нанести неожиданный удар по России? Как Вы пришли к такому выводу [9]?*

В. Путин: *Да дело не в том, что Америка собиралась наносить неожиданный удар по России. Я так и не говорил. У нас с Вами ток-шоу или серьезный разговор [9]?*

Приём «игра в авторитеты» Е. А. Ножин рассматривает как намеренное искажение цитат и ссылки на несуществующие источники и мысли авторитетов [7, с.272]. Т. Карлсон в рассматриваемом фрагменте апеллирует к высказыванию В. В. Путина во время обращения к нации 24 февраля 2022 г. Мы проанализировали данное обращение и пришли к выводу, что российский лидер действительно такого не озвучивал в рамках своего монолога, что сам же В. В. Путин отмечает в своём ответе на вопрос. Кроме того, интервьюер использует в своём высказывании слово «паранойя», отличающееся отрицательной коннотацией, а также способствующее оказать эмоциональное воздействие на собеседника. У Т. Карлсона интенция — убедить главу государства в нецелесообразности принятых решений, однако В. В. Путин акцентирует внимание на уловке интервьюера и задает провокационный вопрос, заняв доминирующую позицию в диалоге.

Еще одну разновидность данного приёма можно увидеть в следующем ответе В. В. Путина, однако здесь наблюдается ссылка на мнение общих авторитетов, подкрепляемая апелляцией к фактам:

В. Путин: *Зачем Соединённые Штаты это сделали? Могут только объяснить это самонадеянностью. Думали, наверное, что всё рухнет, а ничего не рухнуло. Большие того, смотрите, другие страны, в том числе нефтепроизводящие страны, начинают говорить и делают уже, рассчитываются за продажу нефти в юанях. Вы понимаете, что такое происходит, или нет? Кто-то понимает это в тех же Соединённых Штатах? Что вы делаете? Сами себе обрезаете... У всех экспертов спросите, у*

любого умного и думающего человека в Штатах: что такое доллар для США? Сами его убиваете [9].

Т. Карлсон: Я думаю, что это действительно справедливая оценка [9].

В рассматриваемом примере глава государства отмечает, что доллар уже не является доминирующим на рынке валюты, аргументируя своё суждение фактом о продаже нефти другими странами в юанях. Более того, политик усиливает убедительность рядом риторических вопросов, а также фразой *У всех экспертов спросите, у любого умного и думающего человека в Штатах*, ссылаясь на мнение «любоых экспертов» и «любого умного и думающего человека». Очевидно, что в ходе интервью Карлсон не имел возможности «спросить экспертов» о достоверности этого факта, однако он соглашается с мнением В. В. Путина, что свидетельствует об эффективности данного приема.

2. Переложить бремя доказательства на оппонентов («истина в молчании»).

В. Путин: Можно спросить у всех — они же все, слава богу, живы-здоровы. И бывший Президент, и Кондолиза [Райс] жива-здоровая, и, по-моему, господин Гейтс, и сегодняшний директор Центрального разведуправления господин Бёрнс — он тогда был послом в России, по-моему, очень успешным послом. Они все свидетели этих разговоров. Спросите у них. То же самое и здесь: если Вам интересно, что ответил мне господин Президент Байден, спросите у него. Во всяком случае, мы с ним говорили на эту тему [9].

Данный приём заключается в отказе от аргументации собственного ответа, предлагая оппоненту самостоятельно обосновать предлагаемый тезис [6, с. 136]. Пример рассматривается в контексте сотрудничества России и США. В предыдущих репликах В. В. Путин отмечает, что никогда не отказывался от взаимодействия и переговоров с Западом, а также предлагал сотрудничать вместе над системой противоракетной обороны. Чтобы доказать свой тезис, политик прибегает к «молчанию», заключающемуся в ссылках на личности, являющиеся свидетелями разговора с Джо Байденом. Такую тактику может применить коммуникант только абсолютно уверенный в своей правоте или знающий точно, каков будет ответ.

3. Тактика намек на негативные обстоятельства + градация.

Т. Карлсон: Я прекрасно это понимаю, но со стороны, для внешнего наблюдателя, может показаться, что всё это может вылиться в такую ситуацию, когда весь мир окажется на краю войны, может быть, даже будут ядерные удары нанесены. Почему Вы не позвоните Байдену и не скажете: давайте как-то решим этот вопрос [9].

В. Путин: А что решать-то? Всё очень просто. У нас, повторяю, есть контакты по линии различных ведомств. Я Вам скажу, что мы говорим на этот счёт и что мы доводим до руководства США: если вы действительно хотите прекратить боевые действия, вам нужно прекратить поставки вооружения — всё закончится в течение нескольких недель, вот и всё, и тогда можно договариваться о каких-то условиях, перед тем как вы это сделаете — прекратите [9].

Чего проще? Чего мне ему звонить? О чём говорить или о чём спрашивать? «Вы собираетесь поставить такое-то оружие на Украину? Ой, боюсь-боюсь, пожалуйста, не поставляйте». О чём говорить-то [9]?

В рассматриваемом примере Такер Карлсон прибегает к тактике использования намека для реализации речевой стратегии доминирования. Цели намеков бывают самые разнообразные: указать на какие-то качества человека, повлиять на действия, изменить эмоциональное состояние, вызвать определенную реакцию и др. [3, с. 112]. В анализируемом фрагменте интервьюер перед провокационным вопросом намекает на негативные обстоятельства, а именно на мировую войну и ядерные удары. Основная стратегия Т. Карлсона — персуазивная, целью которой является внушить собеседнику

чувство вины, заставить его переосмыслить свои мнения и действия, как следствие, позвонить Джо Байдену. Однако В. В. Путин не реагирует ожидаемым образом на провокацию, напротив, использует в своём ответе ряд риторических вопросов, прибегая к приему градации для усиления смыслового и эмоционального значения: *А что решать-то? Чего проще? Чего мне ему звонить? О чём говорить или о чём спрашивать?*. Таким образом российский лидер уходит от прямого ответа на вопрос, однако четко даёт понять, что звонок президенту США не является целесообразным, чем снова занимает доминирующую позицию в коммуникации. Это позволяет нам сделать вывод, что использование риторических вопросов и градации способствуют эффективному противодействию тактики намека на негативные обстоятельства.

4. «Чтение в сердцах».

Т. Карлсон: *Как Вы думаете, почему? Каковы мотивы этого? Я чувствую, что Вы испытываете горечь по этому поводу, я понимаю. Но почему, как Вы думаете, Запад тогда так вас оттолкнул? Откуда эта враждебность? Почему не удалось улучшить отношения? Каковы были мотивы этого, с Вашей точки зрения [9]?*

В. Путин: *Вы сказали, что я испытываю горечь от ответа. Нет, это не горечь, это просто констатация факта. Мы же не жених и невеста, горечь, обиды — это не те субстанции, которые в таких случаях имеют место быть [9].*

Прием «чтение в сердцах» заключается в разборе спорщиком не столько слов противника, сколько в ссылке на те мотивы, которые заставили их высказать [2, с. 409]. Помимо этого, данный прием способен оказать эмоциональное воздействие, которое может спровоцировать честный, прямой ответ. В рассматриваемом примере интервьюер говорит: *Я чувствую, что Вы испытываете горечь по этому поводу, я понимаю*, имея персуазивную интенцию — внушение эмоций горечи и обиды. Далее следует ряд вопросов, касающихся отношений с Западом, и ожидается прямой ответ. Однако В. В. Путин замечает используемый прием и опровергает его: *Вы сказали, что я испытываю горечь от ответа. Нет, это не горечь, это просто констатация факта*. Более того, глава государства дополняет свой ответ часто используемым им фразеологизмом *мы же не жених и невеста*, возвращающий коммуниканта в исходную сферу их беседы — с бытовой на политическую, официальную. Стоит отметить, что В. В. Путин в последующих репликах не дал прямого ответа на вопрос Карлсона, а «переложил бремя доказательства на оппонента» [6, с. 136]: *Почему мы получили такой негативный ответ, это Вы спросите у своих руководителей*. Таким образом, можно сделать вывод, что использование Т. Карлсоном приема «чтение в сердцах» не является эффективным в данном случае.

5. Апелляция к чувству юмора аудитории.

Т. Карлсон: *Кто взорвал «Северный поток» [9]?*

В. Путин: *Вы, конечно [9].*

Т. Карлсон: *В смысле «Вы»? Я был занят в тот день [9].*

В. Путин: *У Вас лично, может быть, есть алиби, но у CIA (ЦРУ) такого алиби нет [9].*

«Иногда единственно правильным решением в споре или в ответах на вопросы, особенно провокационные, является апелляция к чувству юмора аудитории» [7, с. 269]. Очевидно, что В. В. Путин имел в виду не лично Карлсона, а США в целом. Конечно, и Карлсон это понял. Но так как ответ В. В. Путина был достаточно прямолинейным и провокационным, Карлсон тоже использует юмор с целью ухода от комментирования, а также выигрыша времени для дальнейшего продолжения дискуссии по заданной теме.

6. «Подмазывание довода».

В. Путин: *Совершили госпереворот, хотя нам из Соединённых Штатов, не буду сейчас говорить в деталях, считаю это некорректным, но всё-таки было сказано: вы*

там Януковича успокойте, а мы успокоим оппозицию; пускай всё идёт по пути политического урегулирования [9] <...>

Т. Карлсон: При поддержке кого (США совершили госпереворот) [9]?

В. Путин: При поддержке ЦРУ, конечно. Организация, в которой, как я понимаю, Вы когда-то хотели работать. Может быть, слава богу, что Вас не взяли. Хотя это серьёзная организация, я понимаю <...> В 2014 году провели госпереворот, при этом тех, кто не признал госпереворот, а это госпереворот, начали преследовать, создали угрозу для Крыма, который мы были вынуждены взять под свою защиту. Начали войну в Донбассе с 2014 года, применяя авиацию и артиллерию против мирных граждан. <...> Ведь с этого всё началось. Ну как же нам не проявлять обеспокоенность тем, что происходит [9]?

«Подмазывание довода» заключается в использовании комплимента, даже неоднозначного, в адрес противника при доказательстве довода [7, с. 275]. В анализируемом примере В. В. Путин отмечает неуспех Т. Карлсона при попытке попасть на работу в ЦРУ. Стоит отметить, что глава государства акцентирует внимание на том, что журналиста туда не взяли, а не сам он отказался от работы (форма страдательного залога), что усиливает эмоциональное воздействие. Однако данная часть интервью посвящена представлению ЦРУ с негативной стороны, поэтому неуспех Т. Карлсона рассматривается как положительный исход дела. Таким образом, используя имплицитный комплимент, В. В. Путин подчеркивает свое отношение к разведывательному управлению США и убеждает собеседника и аудиторию в том, что изначально конфликт был спровоцирован не российской стороной.

7. «Игра на самолюбии» + суггестивный компонент.

Т. Карлсон: Аргумент — я думаю, Вы хорошо знаете — заключается вот в чём: да, вот он вторгся в Украину, у него есть территориальные притязания на всём континенте. Вы недвусмысленно говорите о том, что таких притязаний территориальных у вас нет [9]?

В. Путин: Это абсолютно исключено. Не надо быть никаким аналитиком: это противоречит здравому смыслу — втягиваться в какую-то глобальную войну. А глобальная война поставит на грань уничтожения всё человечество. Это очевидно [9].

<...>

Если у кого-то есть желание послать регулярные войска, это, безусловно, поставит человечество на грань очень серьёзного, глобального конфликта. Это очевидно [9].

<...>

Такие грубые действия, в том числе в отношении России, скажем, других стран, приводят к обратному результату. Это очевидный факт, уже сегодня это стало очевидным [9].

В приведенных репликах мы можем отметить прием «игра на самолюбии», используемый интервьюером. «Иногда нечестный полемист пытается сыграть на чувстве ложного стыда своего оппонента, приводя бездоказательный довод в следующем сопровождении: «Вам, конечно, известно...», «Давно уже установлено наукой...», «Неужели вы не читали...» и т. п. Если оппонент побоится «уронить себя», признавшись в том, что ему это неизвестно, он в ловушке» [7, с. 274]. Такер Карлсон использует оборот *я думаю, Вы хорошо знаете* с интенцией воздействовать на адресата и, как следствие, побудить его к соглашению с приведенном мнением (в нашем случае — это территориальные притязания России). Однако политический лидер не соглашается с данным тезисом, напротив, опровергает его, используя конструкции и слова, имеющие эффект суггестивности, — *это противоречит здравому смыслу, Это очевидно, Это очевидный факт, уже сегодня это стало очевидным*. То есть суггестивность осуществляется

за счет эмотивного компонента. По мнению А. Ю. Масловой и Ю. В. Кадырковой, «прагматическая функция эмотивного компонента характеризуется стремлением адресанта интенсивнее воздействовать на адресата с тем, чтобы избежать коммуникативной неудачи, и проявляется в зависимости иллокутивной силы побуждения от выбора эмотивных знаков. Именно подбор соответствующих эмотивных единиц выражает эмоциональную насыщенность высказывания и, соответственно, степень интенсивности побуждения» [5, с. 21]. Можно отметить, что В. В. Путин и в последующих высказываниях многократно использует суггестивный компонент *очевидно / очевидный факт*.

8. Переформулированный вопрос.

В одном из приведенных выше примерах Такер Карлсон задавал вопрос Путину о готовности позвонить в Белый дом с целью разрешения конфликта на Украине. Глава государства дал понять, что звонок не является целесообразным, поскольку решение конфликта заключается в ином. Однако интервьюер в конце беседы вторично задает подобный вопрос:

Т. Карлсон: *Может быть, Вы не хотите отвечать по стратегическим причинам, однако не беспокоитесь ли Вы, что происходящее на Украине может привести к чему-то куда более масштабному и куда более страшному? И насколько Вы готовы, Вы замотивированы позвонить, например, в Штаты и сказать: давайте договариваться [9]?*

В. Путин: *Послушайте, я уже сказал: мы же не отказывались от переговоров. Мы же не отказываемся — это западная сторона, а Украина, безусловно, сателлит Соединённых Штатов сегодня. Это же очевидно. Правда, я не хочу, чтобы это звучало как какое-то ругательство или оскорбление кого-то, но мы же понимаем, да, что происходит [9]?*

Т. Карлсон вновь использует «тактику намека на негативные обстоятельства», выступая в роли суггестора, который «подтверждает не только наличие проблемы, но и возводит её в ранг повышенной опасности, подчеркивая неотложность её решения» [10, с. 47]. Интервьюер задает вопрос, который уже озвучивал ранее, переформулировав его. Ряд переформулированных вопросов можно рассматривать как попытку эмоциональной дестабилизации, которая может способствовать у собеседника потери контроля, спровоцировав его использовать ряд эмоциональных высказываний, и как следствие, подорвать авторитет политического деятеля. Кроме того, переформулированные вопросы могут использоваться с целью получить ответ повторно и, в случае несовпадения ответов, подловить собеседника на противоречии. Однако в анализируемом примере приемы речевого воздействия, направленные на главу государства, не были эффективны: В. В. Путин отмечает, что давал ответ на подобный вопрос, более того, использует лингвальные суггестивы *это очевидно, безусловно* и риторический вопрос, предполагающий согласие с мнением автора: *...но мы же понимаем, да, что происходит?* Следовательно, В. В. Путин не только нивелирует используемые Т. Карлсоном речевые приемы, но и использует в ответ другие, характеризующие политика как коммуниканта доминантного типа.

Таким образом, в ходе исследования мы констатировали, что риторический идиостиль главы государства характеризуется аргументативной стратегией, рассудительностью, суггестивностью. В целом это достигается за счет использования логической аргументации (прежде всего фактов), различных лингвальных суггестивов и психологических приемов «подмазывание довода», «истина в молчании», «игра в авторитеты». Кроме того, в речи В. В. Путина наблюдается использование ряда риторических вопросов, комбинированных со стилистическим приемом градации, способствующим усилению воздействия на собеседника и аудиторию слушающих в целом. Это еще раз доказывает риторическое мастерство политического оратора как коммуниканта доминантного типа, который, как правило, стремится завладеть инициативой, оказывает активное идеологическое воздействие на собеседника, апеллируя преимущественно к фактам, обладает высоким уровнем эмоциональной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев И. А. Структурные и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста: автореф. ... канд. филол. наук. — Барнаул. — 2001. — 168 с.
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Деловая риторика: учеб. пос. для вузов. — М.: ИКЦ «МарТ», Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2004. — 512 с.
3. Кадар М. М. Намеки в речевой стратегии доминирования // Вестник Брянского государственного университета. — 2014. — №2. — С. 112–115.
4. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе (на материале речей Г. Шрёдера): дис. ... канд. филол. наук. — Орел. — 2008. — 250 с.
5. Маслова А. Ю., Кадыркова Ю. В. Прагматическая функция эмотивного компонента в коммуникативном поле побуждения // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — №339. — С. 19–23.
6. Милорадова Н. Г. Мышление в дискуссиях и решениях задач: уч. пос. — М.: Издательство АСВ, 2000 — 160 с.
7. Ножин Е. А. Основы советского ораторского искусства. — М.: Издательство «Знание», 1973 — 352 с.
8. Поварницына М. В. Манипуляция, суггестия, аттракция и фасцинация в креолизованном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2016. — №2 (106). — С. 117–124.
9. Полный текст интервью Владимира Путина Такеру Карлсону: Что сказал президент. — 2024. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.kp.ru/daily/27565.5/4889263/> (дата обращения: 14.02.2024).
10. Полуёв С. Ю. Средства суггестивного речевого воздействия в современном просветительском послании // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — №3 (19). — С. 45–50.
11. Седых А. П. К вопросу об идиополитическом дискурсе В. В. Путина // Политическая лингвистика. — 2016. — №1 (55). — С. 35–41.

Поступила в редакцию 07.03.2024 г.

A. V. Ilyukhina

**THE RHETORICAL INDIVIDUAL STYLE OF POLITICS: TECHNIQUES OF SPEECH
INFLUENCE IN T. CARLSON'S INTERVIEW WITH V.V. PUTIN**

The article deals with linguistic identity of V.V. Putin based on the T. Carlson's, the American politician and journalist, interview. The investigation considers techniques used by the journalist in his speech and the rhetorical strategies employed by the President, which contribute to achieving suggestiveness and creating protection against negative influence.

Key words: *linguistic identity, idiostyle, idiopolitical discourse, speech influence, suggestiveness, methods of speech influence.*

Илюхина Арина Владимировна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Студент.
E-mail: ilukhinaarina@gmail.com

Ilyukhina Arina Vladimirovna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Student.
E-mail: ilukhinaarina@gmail.com

Шацкая Марина Фёдоровна.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

Shatskaya Marina Fedorovna.

Doctor of Philological Sciences.
Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian language and methods of its teaching.
E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

УДК 81-115, 81'73.45

А. Д. Шацкая © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. Е. И. Алещенко)

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Статья посвящена анализу креолизованных мемов, в центре внимания которых известная личность (реальная или вымышленная). Рассматриваются особенности их смыслового приращения и вариативность, роль визуальной составляющей мемов. Определены типы таких мемов, где картинка 1) усиливает эмоциональную составляющую мема (можно говорить, что в интернет-дискурсе появился новый эмотив — креолизованный), 2) указывает на тематическую отнесённость фразы или представляет адресанта, 3) добавляет иронизацию.

Выявляются также изменения структуры исходных мемов, средства выразительности, которые их формируют (метафоры, ирония, фразеологизмы и др.).

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-жанр, комическое, креолизованный текст, мем.

Интернет стал неотъемлемой частью современной коммуникации. Это новое пространство для общения активно осваивается, в нем возникают различные типы взаимодействия между людьми, при котором возникают новый формат коммуникации, новые лексические единицы, новые речевые жанры. Именно необходимостью тщательного исследования этого нового интернет-пространства, всех языковых явлений, которые там возникают, обусловлена **актуальность** нашего исследования, поскольку подавляющее большинство интернет-связей сегодня актуализируется через текстовые формы общения. Одной из самых распространённых форм являются креолизованные тексты. Кроме того, в новой коммуникативной среде возникают новые виды речевых жанров, среди которых большой популярностью пользуются комические. Изучением текстов и новых речевых жанров в интернет-пространстве занимались лингвисты, искусствоведы, журналисты, философы, социологи, психологи, культурологи. Основополагающее значение для нашей работы имеют труды, связанные с интернет-дискурсом, Е. Ю. Воякина, Е. Н. Галичкиной, Е. В. Гориной, Е. И. Горошко, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, К. Л. Рыжков, М. Фуко, З. Харриса, А. В. Угро, а также труды, связанные с особенностями креолизации текста Е. Е. Анисимовой, И. В. Бугаевой, Р. Докинза, Н. В. Гладкой, Ю. В. Щуриной и др. (о подробном освещении данных вопросов см. [2], [10], [14]).

Под термином *интернет-дискурс* подразумевается особый тип общения, реализуемый в глобальной сети, что дает возможность с одной стороны рассматривать данное явление как разновидность коммуникации, а с другой — как ситуацию коммуникации [1, с. 28]. Интернет стал средой, в которой появились новые жанры общения, исследованием которых занимались Е. И. Горошко, Л. Ю. Иванова, О. В. Лутовинова и другие. В нашем исследовании мы обратимся к комическим речевым жанрам (РЖ). Ю. В. Щурина выделяет среди них следующие типы: «1) «заимствования» — неспецифические для интернет-коммуникации комические РЖ, заимствованные из других сфер общения: анекдоты, приколы, шутки, пародии, «садиистские стишки» и др.; 2) «аналоги» — комические РЖ, которые имеют аналоги в других сферах, но возникли и сформировались исключительно в условиях интернет-общения («стишки-пирожки», «порошки», «тавтограммы» — подобные жанры можно рассматривать как сходные с литературно-художественными вариантами типа лимериков, «гариков» и т. п.); 3) собственно интернет-РЖ — специфические для

интернет-коммуникации комические РЖ, реализуемые с использованием невербальных средств, — креолизованные жанры (демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы); 4) цитаты — речевые жанры, изначально не имевшие комической направленности, но получившие ее в результате «цитирования» и фиксации в Интернете, где обращение к ним неоднократно возобновляется» [14, с. 40].

Очень важной для нашей работы считаем следующую мысль О. В. Лутовиновой о том, что виртуальные жанры могут заменять друг друга, трансформироваться внутри других жанров, а это приводит к формированию новых жанров в виртуальном пространстве [5]. Добавим также, что у некоторых видов интернет-жанров могут появляться варианты. Именно это мы отметили, исследуя *мемы*, в основе которых лежит явление спонтанного распространения в интернет-среде некоторой информации или фразы посредством различных способов, а также саму эту информацию или фразу (подробнее об отнесенности мемов к новым жанрам интернет-дискурса см. работы Н. В. Гладкой, Е. И. Горошко, Е. А. Нежура и др.).

Мем — это комический речевой жанр, который присущ интернет-дискурсу; имеет скрытую и открытую формы информации; в нем присутствует вербальная и визуальная составляющие. Мемы, как правило, появляются в различных интернет-сообществах (социальные сети, чаты, блоги, форумы и т.д.) и при помощи этого интернет-жанра передается самая интересная, запоминающаяся, полезная информация, связанная так или иначе с нашей жизнью. Мемы анонимны. «Главным признаком того, будет ли удачен тот или иной интернет-мем, является то, основан ли он на каких-то событиях недавнего времени, которые актуальны и к которым пользователь не остался равнодушен...» [4, с. 162-163]. Таким образом, появление двух вариантов мема даже с некоторым изменением вербальной или визуальной части тоже будет свидетельствовать о его популярности.

Как считает Ю. В. Щурина, «интернет-мемы можно считать разновидностью прецедентных феноменов, т.к. прецедентные феномены в сжатом виде способны передать информацию о тексте-источнике либо о целом культурном/историческом событии, следовательно, обладают особым типом коннотации, которую можно назвать культурной коннотацией» [11, с. 86]. Чтобы расшифровать мем, человек должен обладать определенными предварительными (фоновыми) знаниями. Таким образом, шутка может быть понята не всеми. Как справедливо отмечает Ю. В. Щурина, «Включение в структуру комического жанра интернет-мемов усложняет задачу интерпретации комического жанра адресатом и приводит к увеличению возможного числа коммуникативных неудач. В целях объяснения и предупреждения коммуникативных сбоев важным представляется культурологический анализ источника комизма и выявление лингвокультурных ценностей, лежащих в основе коммуникативных неудач при интерпретации комических жанров, содержащих мемы» [12, с. 35].

В настоящее время существуют три типа мемов — классический, эдвайс, фэйс. В нашей статье мы расскажем о появлении вариантов у классических мемов, в частности креолизованные.

Итак, возникнув как текстовый мем (распространенная фраза, слово или текстовый фрагмент), этот речевой жанр приобретает через некоторое время и другую разновидность — креолизованную (один из типов креолизованных текстов, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей (вербальной и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [9, с. 180].).

Представим основные группы мемов, центром внимания в которых является известная личность (реальная или вымышленная) и всё, что с ней связано.

Первая группа включает в себя единицы, при появлении у которых креолизованного текста смысловых приращений не происходит, либо визуальная часть усиливает эмоциональную подачу всей фразы, поскольку «... интернет-мемы отвечают целям экономии усилий при интернет-общении и играют важную роль при передаче эмоциональной окраски сообщений пользователей» [4, с. 163].

Ю. В. Щурина отмечает, «что наиболее популярные лица зачастую становятся самостоятельными мемперсонажами, упоминания о которых, выходя за пределы интернет-среды, распространяются и в других сферах коммуникации» [13, с. 37]. Так, в целой серии мемов используется фотография Леонида Каневского и текст завершающих фраз ведущего программы «Следствие вели» — *Впрочем, это уже совсем другая история (Но это уже совсем другая история)*. Они используются, чтобы сменить тему разговора, показаться более загадочным или намекнуть на то, чего никогда не будет на самом деле. Эти фразы наполнены также сарказмом: сообщается то, чего на самом деле не будет никогда.

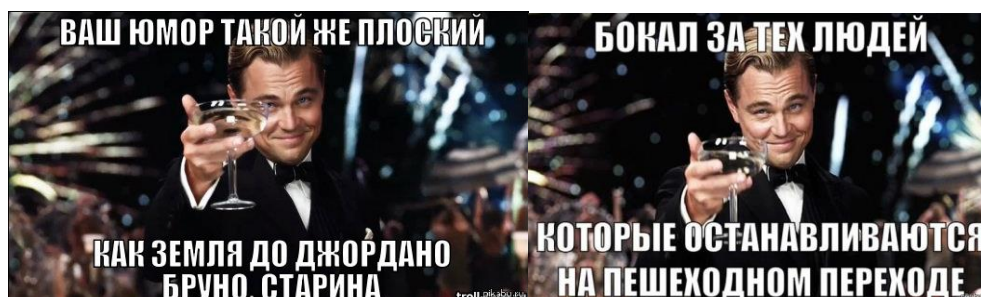
Вторая группа мемов включает такие креолизованные тексты, визуальная часть которых создаёт смысловые приращения к информации, выраженной вербально. Это может проявляться в следующем.

За себя и за Сашку — фраза из фильма «Движение вверх», ставшая мемом после видеообзора VadComedian. Мем имеет две функции. Во-первых, он стал универсальным шуточным мотиватором в ситуациях, когда человеку предстоит сделать трудный выбор. Фраза высмеивает распространенные клише, когда героя (чаще всего, спортсмена) мотивируют подобным образом. Делая что-то «за себя и за Сашку», человек возлагает на себя большую ответственность и, как правило, не имеет права на ошибку. Во-вторых, синтаксическую конструкцию «за себя и за Сашку» стали использовать и без привязки к теме ответственности. Во многих мемах эта фраза завершает другие выражения, в которых есть предлог *за*. Чем органичнее мем вплетается в предложение, тем смешнее и абсурднее получается законченная конструкция. Таким образом, в визуальной части фотография вырезанного в фотопрограмме лица тренера используется только в первом случае.

Третья группа включает мемы, где в креолизованном тексте визуальная часть также может оставлять смысл без изменения, но может и добавлять иронию. Таким является

мем, появившийся вначале в виде гиф-изображения, **Ди Каприо с бокалом** (Great Gatsby Reaction), который взят как кадр из фильма «Великий Гэтсби». Этот мем используется в следующих ситуациях: 1) как обращение к кому-то с посылом: «Так выпьем же за это»; 2) реакция, означающая одобрение. Впоследствии при употреблении этого мема развился и иронический подтекст, в котором может быть использована аллюзия или банальное утверждение:

Четвертая группа мемов содержит либо незначительное изменение компонентного состава, либо такое преобразование структуры, которое приводит лишь к сохранению основной идеи текстовой части.

Знаете, я и сам своего рода учёный (*You know, I'm something of a scientist myself*) — эту фразу произнёс персонаж Уиллема Дефо (Норман Осборн) в фильме «Человек-паук» при встрече с Питером Паркером: *Гарри рассказывал мне, что ты неплохой учёный. Знаешь, я и сам своего рода учёный.* Кадр с репликой используется, для ироничного комментария к сомнительным достижениям — как своим, так и чужим. На это указывает также заключенный в реплике фразеологизм *своего рода* — ‘в известной степени, с какой-л. точки зрения’ [6, т. 3, с. 723]. Кроме того, буквы и слова в меме иногда замазывают или переставляют, чтобы получить новый смысл и расширить применение мема. Так, к примеру, вместо слова *учёный* могут написать другие нужные подходящие под ситуацию профессии.

Когда ты разговариваешь с сотрудником компьютерного магазина и ты знаешь как открыть диспетчер задач

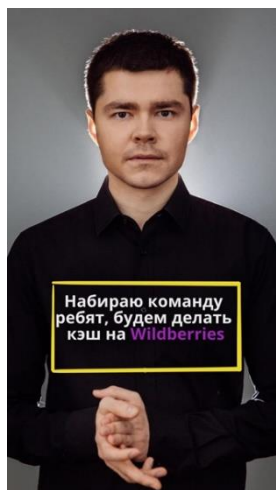

КОГДА ВЫВЕЛ СВОИ 12 ТОКЕНОВ И СРАЗУ ЖЕ ПРОДАЛ

Набираю команду ребят — мем, высмеивающий рекламу инфоцыгана Аяза Шабутдинова, предпринимателя, основателя бренда Like, который начал активно продвигать новые курсы и вебинары, являвшиеся по сути сложными мошенническими ходами. В июле 2022 года запустил очередную схему по «заработку для всех» через маркетплейс Wilberries и соответствующую рекламу. Именно она стала поводом для волны ироничных мемов.

Впоследствии оригинальную картинку подвергли фотошопу и вместо самого Аяза стали подставлять фотографии известных личностей, одной из которых стал Си Цзиньпин.

В функциональном плане можно говорить о следующих группах креолизованных мемов. Так, в них часто содержится оценка, которая всегда ироничная, ложная, а порой даже саркастическая.

Елена Малышева — ведущая телевизионных программ о здоровье, ставшая мемом из-за нестандартной подачи своих сюжетов и абсурдных советов. Любимая фраза — «Это норма». Мем «Это норма» используется в отношении всего странного, необычного как абсолютное оправдание в лице общественности. Часто употребляется в иронической форме.

На базе этого мема родился другой — «это не норма», в котором заключается истинная оценка.

Визуальная составляющая мемов отражает положительную (в первом) и отрицательную (во втором) эмоции.

Коммуникативный мем. В отличие от предыдущей группы, которая показывает характер взаимодействия, данный вид отражает вербальную или невербальную реакцию в диалоге. Так, на тавтологии построен приведенный ниже мем, который либо отражает реакцию на какой-либо запрет, либо используется для наглядного сравнения нелепости сказанного с выражением из этого мема.

Примерный список смыслов, заключенных в следующем ниже меме, таков:

- 1) *это слишком умно для меня, слишком много заумных слов;*
- 2) *я понимаю, что ты хочешь меня обмануть, хватить мне зубы заговаривать/врать про свои истинные мотивы;*
- 3) *это очень тупо, не понимаю смысл.*

Эмоционально-оценочные. Примером эмоционально-оценочного мема может послужить «Да ладно?». Он используется в ситуациях, когда говорится что-то очевидное и является реакцией на ранее сказанное.

Мемы, связанные с жизнью социума. Когда активная жизнь общества была приостановлена, люди начали отражать в мемах любые события в жизни. Так, мем *Наташа* получил широкое распространение во время пандемии. Помимо бытовых и экономических тем, фиксировались и этапы пандемии, и политические события. Например, отражение получило мнение конспирологов о сложившейся в мире ситуации.

В данном меме отмечена еще одно фразеологизированное выражение — *Наташ, ты спишь?*

В следующих мемах говорится о смягчении режима или его продлении, при этом наблюдается обращение к интертексту — к фразеологизму *Испить горькую чашу до дна*, псевдотрадициям Спарты и словам В. В. Путина.

Не преминули в мемах *Наташа* обратиться и к потустороннему миру. При этом фразеологизированное выражение *Наташ, вставай!* Преобразуется в антитезу — *Наташ, ляг обратно*.

В результате такого широкого распространения в меме *Наташа* появилась и пародия на сам этот мем.

Этот мем стал настолько популярным, что его используют теперь и в телевизионной рекламе, поскольку современные компании стараются больше ориентироваться на молодёжь, периодически используя мемы для своих рекламных компаний. Как видим, в ходе распространения мема фразеологизировались следующие выражения: *Наташ, ты спишь?*, *Наташ, вставай!*; завершение каких-либо заявлений — *честно, Наташ* — или констатации факта начинается словами *Мы там всё уронили*. Таким образом, рассмотренный выше мем *Наташа* стал своеобразным символом периода пандемии, его «летописью».

Как показал проведенный анализ, варианты классических мемов, представленные в креолизованном варианте, можно разделить на четыре группы, в которых визуальная часть может выполнять разные функции: 1) усиливает эмоциональную составляющую мема (можно говорить, что в интернет-дискурсе появился новый эмотив — креолизованный), 2) указывает на тематическую отнесенность фразы или представляет адресанта, 3) добавляет иронизацию.

Что касается вербальной части мема, то при сравнении текстовых и возникших на их базе креолизованных мы отметили следующее. Текст может не меняться, меняться частично или полностью. В основе вербальной части чаще всего лежит такой вид переноса, как метафора. Синтаксическая структура этой части может быть использована для построения похожих мемов либо без изменений, либо с заменой некоторых компонентов. Кроме того, для формирования мема используются известные фразеологизмы или фразы известных людей (из фильмов или телепередач и под.).

С функциональной точки зрения, мемы могут быть использованы для оценки событий и фактов, служить средством коммуникации в определенных ситуациях и фиксировать в ироничном ключе многие важные шаги в жизни российского и мирового сообщества.

Таким образом, новые устойчивые выражения, появляющиеся в интернет-дискурсе, постепенно приобретают все признаки фразеологизма, пополняя современный русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воякина Е. Ю. Интернет-мем и демотиватор как дискурсивные практики новых медиа / Е. Ю. Воякина // *Russian Linguistic Bulletin*. — 2023. — №2 (38). — DOI: 10.18454/RULB.2023.38.15 — Режим доступа: <https://rulb.org/archive/2-38-2023-february/10.18454/RULB.2023.38.15>
2. Гладкая Н. В. Комические речевые жанры в интернет-дискурсе: автореф. дисс. ... канд. филол. н. / Н. В. Гладкая. — Донецк, 2018. — 29 с.
3. Горошко Е. И. Теоретический анализ интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е. И. Горошко // *Жанры в Интернете*. — Киев, 2012. — С. 15–33.
4. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста / Л. Ю. Иванов. — М.: Азбуковник, 2000. — 791 с.
5. Изгаршева А. В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект / А. В. Изгаршева // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. — 2020. — № 5. — С. 86–101. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-101
6. Латипова А.Л. Лингвистические особенности языка интернет-дискурса / А.Л. Латипова // *Известия ВГПУ*. — 2018. — № 6 (129). — С. 159–163.
7. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дисс. ... д. филол. н. / О.В. Лутовинова. — Волгоград, 2009. — 519 с.
8. МАС — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981 — 1984.
9. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок // В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. — 784 с.
10. Нежура Е.А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. — 2012. № 2. — С. 47–52.
11. Рыжков К.Л. Классификация интернет-мемов в реалиях 2021 года / К.Л. Рыжков // *Культура и искусство*. — 2021. — № 9. — С. 18–28.
12. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокина // *Оптимизация речевого воздействия*. — М.: Наука, 1990. — С. 180–181.
13. Угро А.В. Виртуальное жанроведение: в поисках жанра / А.В. Угро // *Известия ВГПУ*. — 2018. — № 6 (129). — С. 168–172.

14. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 161–173.
15. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации / Ю.В. Щурина // Известия ВГПУ. — 2013. — № 6 (81). — С. 34–38.
16. Щурина Ю.В. Интернет-мемы: проблема типологии / Ю.В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — № 6 (59). — С. 85–89.
17. Щурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства Интернета / Ю.В. Щурина // Известия ВГПУ. — 2014. — № 2 (87). — С. 39–43.
18. <https://www.multitrans.ru> — Режим доступа: <https://www.multitrans.ru/c/M.exe?CL=1&s=Wasted&l1=1>
19. Ryzhkov K.L. Internet memes as a new sociocultural phenomenon / K.L. Ryzhkov // Man and Culture. — 2021. — № 4. — P. 143–150.

Поступила в редакцию 12.02.2024 г.

A. D. Shatskaya

THE MAN IN THE MIRROR OF INTERNET MEMES

The article is devoted to the analysis of creolized memes, the focus of which is a famous person (real or fictional). The features of their semantic increment and variability, the role of the visual component of memes are considered. The types of such memes are defined, where the picture 1) enhances the emotional component of the meme (we can say that a new emotive has appeared in Internet discourse - creolized), 2) indicates the thematic relevance of the phrase or represents the addressee, 3) adds irony.

Changes in the structure of the original memes, the means of expression that form them (metaphors, irony, phraseological units, etc.) are also revealed.

Keywords: *Internet discourse, Internet genre, comic, creolized text, meme.*

Шацкая Анастасия Дмитриевна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, РФ.
Магистрант.
E-mail: sorakodo@mail.ru

Алещенко Елена Ивановна.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, РФ.
Профессор.
E-mail: medal@bk.ru

Shatskaya Anastasia Dmitrievna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, RF.
Undegraduat.
E-mail: sorakodo@mail.ru

Aleshchenko Elena Ivanovna.

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Volgograd, RF.
Professor.
E-mail: medal@bk.ru

Словообразование и грамматика

УДК 81'373.611

В. А. Рязанова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОМПОЗИТНЫХ СЛОВ В РАМКАХ СИНХРОННО-ЭКВИВАЛЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА¹

В работе рассматриваются подходы российских и зарубежных лингвистов к вопросам композитообразования. Представлены основные типологии и принципы типологизации композитов, разработанные в русском и английском языкознании. Проанализированы особенности изучения композитных слов в рамках синхронно-эквивалентностного подхода к универбализации. Установлено, что синхронно-эквивалентностный подход позволяет оценить семантический потенциал композитов, который проявляется только при сопоставлении этих языковых единиц с регулярными синтаксическими расшифровками.

Ключевые слова: композиты, композитообразование, словосложение, типология композитов, синхронно-эквивалентностный подход.

Одним из объектов изучения студенческой Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого государственного университета (далее — Лаборатория) является гибридная аббревиатурная группа — совокупность сокращений с общим препозитивным гибридным конструктом, который отличается двойственной структурной трактовкой при дешифровке.

Например, слово *драмтеатр* имеет на актуальном срезе языка имеет несколько регулярных синтаксических расшифровок: *драматический театр*, *драматургический театр* и *театр драмы*. В двух случаях конструкт *драм-* формально трактуется как аббревиатурный, поскольку он компактнее, чем соответствующие ему компоненты расшифровок — прилагательные *драматический* и *драматургический*. В третьем случае конструкт *драм-* совпадает с основой компонента расшифровки — существительным *драмы*. В сопоставлении с третьей расшифровкой конструкт понимается как композитный, поскольку происходит сложение основ, а не сокращение. Мы разделяем точку зрения Е. А. Земской, которая под композитным словом понимает результат соединения «одной или нескольких основ какой-либо части речи с самостоятельным словом» [6, с. 177].

Изучение композитообразования (словосложения) получило широкое распространение как в русской, так и в зарубежной лингвистике. При этом, как отмечает Т. И. Кочеткова, в совокупности обзорных и типологических работ по композитам «отсутствует единое понимание словосложения» [7, с. 5]. Композитные слова попадают также в поле зрения исследований Лаборатории, в связи с чем возникла необходимость в описании особенностей синхронного подхода к изучению композитов в сопоставлении с традициями русского и зарубежного языкознания.

¹ Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7-6.2.1;6.2.2)

Для этого требуется рассмотреть трактовки понятия «композит» и определить типы языковых единиц, относимых разными исследователями к классу композитов; проанализировать типологии композитов и выявить критерии их построения; охарактеризовать исследование композитов в рамках синхронного подхода к процессам универбализации.

Объектом данного исследования являются композитные аппеллятивы, т. е. сложные нарицательные имена существительные, поскольку именно существительные рассматриваются в рамках синхронно-эквивалентностного подхода.

Процесс образования номинаций путём словосложения, по оценке исследователей, свойственен европейским языкам (в частности, английскому, французскому и немецкому) и отличается в них высокой степенью продуктивности [10; 15].

Под композитами в английском языке понимаются «лексемы, содержащие две или более потенциальные *основы* (выделено нами — В. Р.), которые впоследствии не подвергались деривационному процессу» [17, с. 29]. И. В. Арнольд также трактует композиты как «слова, состоящие по меньшей мере из двух *основ* (выделено нами — В. Р.), которые используются в свободной форме в языке» [1, с. 108]. М. Аронофф в свою очередь под композитообразованием понимает «тип деривации, который предполагает создание одной лексемы из двух или более других *лексем* (выделено нами — В.Р.)» [16, с. 47]. Для английского языка как для языка аналитического строя подобная разница в определениях может быть несущественной, в то время как во флективных языках процессы соединения основ и соединения лексем относятся к разным словообразовательным типам.

При этом не существует строго определённого способа графического оформления английских композитов: допускается слитное, дефисное и раздельное написание лексем (*hothouse, battlefield; bicycle-repairing, fighter-bomber; tax evasion, ivory tower*). Такая вариативность характерна для языков аналитического строя, однако она вызывает трудности при отграничении материала исследования: «определение статуса раздельнооформленных образований, состоящих из определяющего и определяемого компонентов, вызывает у лингвистов противоречивые мнения, так как подобные языковые единицы находятся на границе сложного слова и словосочетания» [10, с. 107]. Подобную проблему отмечают и в немецком языке: «разделительную линию между многословными выражениями и композитами не всегда можно провести четко», поскольку такие единицы совпадают в отношении их статуса как лексических единиц и их сложной морфосинтаксической формы; наличие же дублетных форм на подобие *Frischluf / frische Luft* усугубляет проблему демаркации [20, с. 70].

В английской языковедческой традиции представлено множество классификаций композитов, учитывающих различные параметры лексем. Например, в основе классификации, предложенной Л. Бауэром, лежит наличие или отсутствие в композите «ядра» (*head*) — центрального элемента лексемы, наиболее близкого к характеристике коллокации в целом, — а также характер гипо-гиперонимических отношений между компонентами, составляющих композиты. На основе указанных критериев исследователем предложено 4 типа композитов:

- эндоцентрические: в случаях, когда первый элемент лексемы является модификатором второго компонента, выступающего ядром, а сам композит в целом является гипонимом по отношению к ядру (*armchair* — гипоним для ядра *chair*);

- экзоцентрические: в случаях, когда семантика ядра композита не модифицируется первым компонентом, а композит не обозначает тот же вид сущностей, что и ядро (такие композиты также называют безъядерными [15]: *spoonbill* — ‘колпица’, но букв. ‘счёт за ложку’);

- аппозитивные: если композит является гиперонимом для всех составляющих его основ (*maidservant* — гипероним и для компонента *maid*, и для *servant*);

- копулятивные: в таких композитах составные части представляют собой отдельные сущности и соединены сочинительной связью (*Alsace-Lorraine*) [17, с. 30-31].

Нидерландский исследователь Г. Бои предлагает классификацию композитов, опираясь на материал английского, немецкого, греческого, итальянского, испанского и некоторых других языков. В качестве формирующих классификацию критериев условно можно назвать наличие или отсутствие ядра в лексеме; синтаксические отношения между составляющими элементами композита; внутриязыковые системные отношения между элементами. Г. Бои рассматривает следующие типы сложных лексем:

- эндоцентрические соединения — при наличии в композите ядра (англ. *machine-wash*, *underdog*);

- экзоцентрические соединения — при отсутствии ядра (англ. *pickpocket*, итал. *porta-lettere*);

- бахуврихи — композиты с особым способом толкования; «обозначают человека, которых владеет предметом, упомянутом к композите» (англ. *baldhead*, лат. *auricomus*) [19, с. 80];

- копулятивные (также аппозитивные; двандва) соединения — экзоцентрические композиты, компоненты которых находятся в отношениях согласования (англ. *blue-green*, *washer-dryer*).

С. Скализе проводит сопоставительный обзор классификаций композитов, предложенных в своё время Л. Блумфилдом, Х. Марчандом, С. Олсенем, Н. Фаббом, Л. Бауэром и др. и приходит к выводу, что представленные в обзоре классификации неполноценны, поскольку имеют нечёткие критерии классификации языкового материала. Автор предлагает собственную классификацию, в которой учитываются грамматико-синтаксические отношения между компонентами композитов и наличие или отсутствие ядра. Таким образом, исследователь предлагает 6 типов композитов:

- субординативные (эндо- и экзоцентрические), в которых между составляющими компонентами реализуются подчинительные отношения (*coffee cup*, *pickpocket*),

- атрибутивные (эндо- и экзоцентрические), которые образуются либо из соединения прилагательного и существительного, либо из двух существительных, одно из которых выражает атрибутивное значение (*key word*, *snail mail*);

- координативные (эндо- и экзоцентрические), составные части которых находятся в сочинительных отношениях (*woman doctor*, *north east*).

С. Скализе отмечает, что в качестве основополагающего критерия для определения типа композита необходимо принимать грамматические отношения между составляющими компонентами; другие возможные критерии, такие как внутренняя структура, семантические отношения между составляющими компонентами, происхождение составных частей или категориальный статус компонентов «должны быть упорядочены после грамматического уровня классификации» [18, с. 332].

В русском языке словосложение как способ образования номинаций получило в последние годы значительное распространение во всех сферах человеческой

деятельности, а сами композитные слова — как устоявшиеся в русском языке, так и имеющие статус неологизмов — стали объектом многочисленных исследований. В работах учёных-русистов также не сложилось единого понимания словосложения. В рамках лексической деривации способ словосложения рассматривается как разновидность сложения вообще (наряду со сращением, аббревиацией, чистым сложением, а также в тождестве с последним) [7].

А. О. Шишolina разделяет точку зрения И. С. Улуханова, согласно которой композит — это «дериват, словообразовательная структура которого предполагает несколько — две или более — производящих (мотивирующих) основ» [14, с. 49]. М. Т. Гурчиани под композитами рассматривает «слова, структура которых состоит, независимо от способов их образования, из двух или более компонентов» [3, с. 4]. Дж. А. Сафарова использует термин композит «в качестве обозначения сложных слов, состоящих из двух или более компонентов-корней, безотносительно к способу их образования» [11, с. 84]. С. А. Зарецкая отмечает ключевую особенность составных элементов композитных слов: «[в] композите наблюдается семантико-структурная целостность, но в то же время его компоненты относительно самостоятельны» [5, с. 83].

В результате широких трактовок термина «композит» обнаруживается тенденция к неразличению разнородных явлений, относимых авторами в разряд композитов. Традиционное определение композита — лексической единицы, состоящей из нескольких знаменательных элементов, — и может характеризовать разные способы лексической конденсации. «В силу этого композитами традиционно считают любые многокорневые сущности: и юкстапозиты (*быстрорастворимый*, *вагон-ресторан*), и собственно композиты (*белобилетник*, *взяткодатель*), и аббревиатуры (*СНО*, *автомастерская*), и сложные заимствования (филология, вокзал), и сложнопроизводные слова (*комсомолец*, *нефтедобытчик*) и т. д.» [13, с. 5].

Например, в исследовании о композитных языковых единицах сферы бизнеса и коммерции Ю. А. Дубовский и Т. Б. Заграевская в одном ряду приводят слова *авиатранспортный*, *автомат-кассир*, *бизнес-имидж*, *европолис*, *зарплата*, *конгресс-холл*, *самокоррекция*, *сельскохозяйственный*, которые трактуются авторами как композиты, хотя среди них обнаруживаются и сложносокращенные слова (*авиатранспортный*, *зарплата*), и юкстапозиты (*конгресс-холл*, *бизнес-имидж*) [4]. Е. П. Снегова относит к числу именных композитов юкстапозиты и аббревиатуры *шоу-бизнес*, *ВИЧ-инфекция*, *ЖКХ-услуга*, *ро-ро-терминал*, *нетто-импортер*, *цунами-опасность*, *быстро-сеть* и т. д. [12].

Классификация композитов в русском языке характеризуется разнообразием подходов. М. И. Носачева проводит комплексный обзор типологий композитных слов, в который вошли как общепринятые типологии, предложенные в фундаментальных исследованиях В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Н. Ю. Шведовой, так и частные классификации, разработанные В. Д. Аракиным, Л. Л. Нелюбиным, Н. Н. Перцовой и др.

Главенствующим признаётся синтаксический подход к типологии композитов, в рамках которого различаются:

- композиты с подчинительными (или же гипотаксическими) отношениями (*лесостепь*, *зоотехник*);
- композиты с сочинительными (или паратаксическими) отношениями (*железобетон*, *лесотундра*) [9, с. 26].

Некоторые исследователи (В. Н. Ярцева, М. М. Михалевич) к отдельной категории относят композиты с посессивными отношениями (бахуврихи): *многосемянка, восьмиэтажка*.

В. Д. Аракин и Л. Л. Нелюбин рассматривают следующие возможные типы синтаксической связи между компонентами композитов:

- предикативный тип (*снегопад*);
- атрибутивный тип (*чернозём*);
- объектный тип (*пылесос*) [9, с. 26].

Композиты русского языка могут оформляться с помощью или без помощи интерфикса. В соответствии с этой структурной особенностью выделяются:

- тематические композиты — образования с соединительным гласным (*овощехранилище*);
- атематические композиты — образования с непосредственным соединением компонентов (*кислородсодержание*).

В рамках морфологического подхода исследователи предлагают классификации композитов, основанные на частеречной принадлежности их компонентов.

Наконец, в рамках семантического подхода изучаются семантические отношения между компонентами композитов, среди которых представлены:

- композиты с сочинительными отношениями (*лесостепь*);
- композиты со сравнительными и уточняющими отношениями (*горе-охотник, Москва-река*);
- композиты с актантными и сирконстантными отношениями (*кораблекрушение, стекловолокно*) [9, с. 26].

Следует также упомянуть этимологический подход к типологизации композитов, поскольку в последние десятилетия русский язык значительно пополнился как заимствованными композитами, так и структурными единицами, которые входят в состав композитных слов.

А. А. Матюнова выделяет 4 типа композитов с точки зрения их происхождения:

- композиты, составные компоненты которых являются собственно русскими (*сон-трава, меч-рыба*);
- композиты, именующие новые факты социокультурного пространства, составные компоненты которых являются заимствованными и не осознаются носителями языка в полной мере освоенными (*прайс-лист, тим-лид*);
- композиты, в которых один компонент является заимствованным, а второй «является либо собственно русским, либо давно пришедшим в русский язык и ассимилированным» (*новомодный, арт-критик*);
- полностью заимствованные композиты, имеющие в русском языке эквиваленты (*бой-френд, бьюти-эдитор*) [8, с. 135].

Несмотря на разносторонность подходов, исследование русских композитов происходит в общем ключе: научному рассмотрению подвергаются композитные слова в готовом виде, а их классификации строятся на отношениях между входящим в состав основами как структурными элементами композита.

В английском языкознании проводится сопоставление значения и функций между композитом и его составными элементами как самостоятельными единицами языка, а также фиксируется трансформация указанных параметров, которая происходит в результате формирования композитного слова. С этим связаны понятия эндо- и экзоцентричности композитов. В русистике такое сопоставление проводить не принято. При этом ни в русском, ни в зарубежном языкознании композиты не сопоставляются с синтаксическими расшифровками. Более того, исследователи противопоставляют процессы словосложения, при котором сложная лексема образуется соединением двух

простых лексем, и универбализации, при котором в цельноформленную единицу сливаются устойчивые словосочетания [20, с. 79].

При синхронно-эквивалентностном подходе сложные слова, напротив, рассматриваются обязательно в совокупности с мотивационно связанными словосочетаниями — синтаксическими эквивалентами. При этом исследуются не типы синтаксической связи в готовых сложных лексемах, а способы их интерпретации (структурной и семантической) в регулярно используемых эквивалентных словосочетаниях.

Композитообразование в рамках синхронного подхода определяется как процесс лексической конденсации словосочетания в слово, при которой опорный (последний) компонент равен целому слову, а предшествующий ему компонент (или компоненты) представляет собой чистую основу: *нефтедобыча* — *добыча нефти*. Этот процесс рассматривается в одном ряду аббревиацией и сращением как формальная разновидность универбализации. Разница между аббревиатурами (в частности, сложносокращёнными словами), юкстапозитами и композитами заключается лишь в линейной протяженности их компонентов: у композита конструкт равен основе слова, у сложносокращённого слова — части основы, у юкстапозита — целому слову.

Основополагающим для синхронного подхода является положение о множественной эквивалентности сложного слова. В связи с этим в первую очередь исследуются механизмы расшифровки сокращения или композита в словосочетание.

Развёртывание компонентов сокращения в полнозначные эквиваленты происходит под влиянием дешифровальных стимулов (ДС) — имплицитных знаний носителей языка, которые обуславливают выбор модели расшифровки аббревиатуры. Дешифровальными стимулами называются также схемы стереотипных расшифровок сложных конструкций.

Лабораторией разработана типология дешифровальных стимулов по степени соответствия сложного слова и его эквивалента. Исследователями выделяются в зависимости от способа интерпретации компонентов сложного слова в расшифровке:

а) **презентативный ДС**, который реализует синтаксическую модель с адъективно выраженным признаком, передаёт обобщённое значение и полностью воспроизводит сложное слово, например пара *дизтопливо* — *дизельное топливо*; *дипсостав* — *дипломатический состав*.

б) **релятивный ДС**, который создаёт текстовый эквивалент, передающий актантно-числовые показатели референта с помощью определённой предложно-падежной формы: *канцбумага* — *бумага для канцелярии* («материал» + «назначение»); *нефтеочистка* — *очистка от нефти* («мероприятие» + «контрагентив»). Релятивные ДС конкретизируют семантику исходной лексемы.

в) **модификативный ДС**, который приводит к образованию словосочетания, включающего дополнительные синтаксические компоненты, не выраженные в структуре сложного слова: *диетменю* — *меню диетического питания*; *жилинспектор* — *инспектор жилищного надзора*. Модификативные ДС усложняют и структуру, и семантику исходной единицы [2, с. 100].

Композиты, которые попадают в поле зрения Лаборатории, относятся к субординативному типу (т.е. отражают подчинительный тип отношений). При этом одна и та же лексема, в зависимости от интерпретативных возможностей, может иметь трактовки и релятивной, и модификативной модели.

Например, сложное слово *нефтеотходы*, в состав которого входит гибридный аббревиатурно-компаративный конструкт *нефте-*, имеет несколько трактовок, среди которых выделим (1) *нефтяные отходы*, (2) *отходы нефти*, (3) *отходы переработки нефти*. В сопоставлении со словосочетанием (1) конструкт трактуется как

аббревиатурный, поскольку в развёрнутом виде он реализуется в форме прилагательного. Данная расшифровка в самом общем виде указывает на связь объекта с нефтью, в связи с чем относится к презентативному типу. В остальных случаях конструктор формально совпадает с соответствующими компонентами, таким образом, в сопоставлении с трактовками (2) и (3) слово *нефтеотходы* квалифицируется как композит. При этом в трактовке (2) указывается на посессивный характер отношений между конструктором и базисом (отходы — часть нефти), что выражается в специализированной падежной форме, и здесь мы можем говорить о действии релятивных дешифровальных стимулов. В свою очередь, в трактовке (3) появляется указание на процесс, в результате которого образовался объект, обозначаемый базисом, но это указание не находит отражения в структуре сложного слова (компоненту *переработки* нет соответствия в структуре слова *нефтеотходы*). Трактовки такого рода возникают в результате действия модификативных ДС.

Довольно часто в синтаксических расшифровках актуализируются семантические или системные аспекты функционирования композитных слов. Например, нами были обнаружены омонимы *дымозащита*¹ ('способ помешать зрительному наблюдению противника за действиями войск, ведению бомбометания, прицельного огня, состоящий в постановке дымовой завесы') и *дымозащита*² ('система сооружений и приборов для защиты людей от воздействия опасных факторов пожара на путях эвакуации'). Лексема *дымозащита*¹ имеет частотную презентативную расшифровку *дымовая защита*, которой соответствует ономаσιологическая модель «медиатив + мероприятие». В свою очередь, композит *дымозащита*² расшифровывается при помощи релятивного словосочетания *защита от дыма* (ономаσιологическая модель «контрагентив + приспособление»). Таким образом, синтаксические модели расшифровки сложных слов находятся в тесной связи с их семантикой и ономаσιологическим статусом. Установить подобные особенности функционирования композитов, ориентируясь лишь на анализ составных компонентов лексемы, на наш взгляд, невозможно.

Предложенная Лабораторией типология дешифровальных стимулов не противоречит имеющимся исследованиям в области композитообразования. Синхронно-эквивалентностный подход позволяет оценить семантический потенциал композитов, который проявляется при их сопоставлении с регулярными синтаксическими расшифровками. Таким образом, исследование композитов в рамках синхронного подхода может внести существенное дополнение в учение о композитах, направленное в большей степени на соотнесение их составных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. Изд-е 2-е, перераб. / И. В. Арнольд — М.: Флинта; Наука, 2012. — 376 с.
2. Бровец А. И. Модификационный интерпретативный дешифровальный стимул сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2017. — №6. — С. 98–107.
3. Гурчиани М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Т. Гурчиани — Казань, 2009. — 215 с.
4. Дубовский Ю. А. Структурно-семантические и орфографические черты композитов сферы бизнеса и коммерции / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2017. — №3–1. — С. 70–80.
5. Зарецкая С. А. Лексико-семантические группы композитов в русском языке новейшего периода / С. А. Зарецкая // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. — 2015. — № 7. — С. 82–97.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.

7. Кочеткова Т. И. Проблема словосложения в современной русистике / Т. И. Кочеткова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. — 2006. — № 1(43). — С. 5–12.
8. Матюнова А. А. Происхождение композитов русского языка конца XX - начала XXI веков и их лингвокультурный потенциал: вопросы взаимовлияния / А. А. Матюнова // Карповские научные чтения: сб. науч. ст. Вып. 5: в 2 ч. Ч. 1 / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.] — Минск: «Белорусский Дом печати», 2011. — С.135–138.
9. Носачева М. И. Изучение композитарного словообразования в русском и немецком языкознании / М. И. Носачева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2015. — Т. 5, № 1. — С. 26–29.
10. Петрищева Е. И. Композиты и словосочетания, номинирующие родственников в английском, немецком, русском и украинском субстандартных языках / Е. И. Петрищева // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. — 2019. — Т. 15, № 4(46). — С. 105–115.
11. Сафарова Д. А. Композиты-германизмы в современном русском языке: особенности и функционирование / Д. А. Сафарова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2018. — № 3. — С. 83–90.
12. Снегова Е. П. Сложные слова со "сложным" характером: дискуссионный статус номинативных единиц типа "фитнес-клуб" / Е. П. Снегова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. — 2017. — № 2. — С. 581–597.
13. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Теркулов Вячеслав Исаевич; ГИИЯ — Горловка, 2008. — 472 с.
14. Шишолоина А. О. Типология новейших композитов русского языка / А. О. Шишолоина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2016. — № 4(192). — С. 49–53.
15. Adams V. Complex words in English. Harlow: Pearson Education/Longman, 2001, 173 p.
16. Aronoff M., Fudeman K. A. What is morphology? Oxford: Blackwell Publishing, 2005, 257 p.
17. Bauer L. English word-formation. Cambridge etc. : Cambridge univ. press, 1983, 332 p.
18. Bisetto A., Scalise S. Classification of compounds. Lingue e Linguaggio IV.2 (2005), pp. 319–332.
19. Booij G. The Grammar of Words: An Introduction to Linguistic Morphology. Oxford University Press, 2005, 360 p.
20. Schlücker B. Compounds and multi-word expressions in German. Complex Lexical Units: Compounds and Multi-Word Expressions. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2019, pp. 69–94.

Поступила в редакцию 19.03.2024 г.

V. A. Ryazanova

PECULIARITIES OF COMPOUND WORD RESEARCH WITHIN THE FRAMEWORK OF SYNCHRONIC-EQUIVALENCE APPROACH

The paper considers the approaches of Russian and foreign linguists to the issues of compound formation. The main typologies and principles of composite typologization developed in Russian and English linguistics are presented. The peculiarities of the study of composite words within the framework of the synchronic-equivalent approach to universalization are analyzed.

Key words: *compounds, compounding, word formation, typology of compounds, synchronic-equivalence approach.*

Рязанова Валерия Александровна.
Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
Ассистент кафедры русского языка.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.
Candidate of Philological Sciences.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Assistant Professor of the Department of Russian Language.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru

УДК 81'42

И. Р. Смирнова © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов)

ИСКОННЫЕ АББРОКОНСТРУКТЫ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА²

Статья посвящена описанию исконных абброконструктов русского языка, которые выделяются в противопоставлении перенесенным единицам. Критерием выделения исконных абброконструктов является их роль в процессе образования сложносокращенных слов. В спектр рассматриваемых единиц входят абброэквиваленты, абброморфемы и абброаффиксоиды русского языка, которые выступают в качестве формального средства различных словообразовательных процессов. В ходе исследования обоснованы отличия разных типов исконных абброконструктов от морфемы и аффиксоида, а также представлены различные классификации рассматриваемых единиц, описывающие формальные, семантические, формально-эквивалентностных и др. характеристики и свойства исконных абброконструктов.

Ключевые слова: сложносокращенное слово, исконный абброконструкт, абброэквивалент, абброморфема, абброаффиксоид.

Под **абброконструктом** (далее — АК) понимается часть сложносокращенного слова, «представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [9, с. 74], например АК *взаимо-* в слове *взаимопомощь* (*взаимная помощь*). **Сложносокращенное слово** (далее — ССС) определяется как лексическая единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) абброконструктом. **Неинициальным** называется абброконструкт, состоящий как минимум из двух звуков и соответствующий части основы эквивалентного ему слова: например, абброконструкт *взаимо-* в ССС *взаимопомощь* равен части основы слова *взаимный* в словосочетании *взаимная помощь*.

Данное исследование посвящено описанию исконных АК русского языка. Термин «исконный абброконструкт» используется нами в рамках выделения двух типологических разновидностей неинициальных АК — исконного и перенесенного. **Исконный абброконструкт** определяется как неинициальная единица, принимающая участие в процессе образования ССС в качестве словообразовательного средства: например, *велосипедный спорт* > *велоспорт* (АК *VELO-*); *путешествие* > *автопутешествие* (АК *АВТО-*); *чартер* > *авиа charter* (АК *АВИА-*). Исконные АК противопоставляются **перенесенным** — компонентам сложнопроизводных слов, которые не участвуют в образовании ССС: например, абброконструкт *авто-* не используется при образовании слова *автопутешественник*, а переносится из производящего для последнего слова *автопутешествие*.

Объектом данного исследования выступают исконные АК — единицы, которые выступают формальным средством образования ССС, а **предметом** исследования являются формальные, семантические и функциональные характеристики и свойства таких единиц.

Цель исследования — представить общее описание исконных абброконструктов, которое позволит выявить языковую специфику рассматриваемых единиц. В диахронии

² Исследование проводилось по теме государственного задания «Структурно-функциональные параметры существования и развития русского языка XX-XXI столетий в его региолектном и общезыковом аспектах» (№ госрегистрации НИОКТР 1023111500001-7-6.2.1;6.2.2)

данные единицы могут быть типологизированы и описаны с точки зрения своей функциональной роли в словообразовательных процессах, а в синхронии — охарактеризованы со стороны особенностей их структуры, семантики, а также формальной эквивалентности. В связи с этим нами были поставлены следующие **задачи**: 1) описать роль исконных абброконструктов в процессах универбализации, квазиаббревиации и псевдоунивербализации; 2) охарактеризовать типы исконных АК в соответствии с их словообразовательной ролью; 3) определить отличия различных типов исконных АК от таких словообразовательных средств, как морфема и аффиксоид (в частности, префиксоид); 4) представить типологии исконных АК в рамках синхронного описания таких единиц.

Следует отметить, что разделение неинициальных АК на «исконные» и «перенесенные» принадлежит диахронной методологии исследования данных единиц, так как отражает способы формирования сложнокращенного слова с участием или без участия абброконструкта в словообразовательном процессе. В синхронии, где учитываются только мотивационные связи ССС, а отношения производности не рассматриваются, исконные и перенесенные АК не разграничиваются, так как для обоих типов единиц на актуальном срезе языка обнаруживаются развёрнутые соответствия, что позволяет также рассматривать сокращенные компоненты сложнопроизводных слов как АК.

К исконным АК относятся все неинициальные единицы, которые непосредственно используются для образования сложнокращенных слов. В лингвистике является устоявшимся мнение, что аббревиатуры, в частности ССС, образуются на базе словосочетаний (подробнее об этом см. [9, с. 78]) Процесс синтаксической компрессии развернутого наименования в слово, выступающее в качестве дублета замещенного им словосочетания, определяется как **универбализация**. Механизм процесса аббревиационной универбализации заключается в формировании на базе словных компонентов компрессируемых словосочетаний особых сокращенных конструкторов, за счет которых обеспечивается возможность формальной трансформации развернутой конструкции в однословную, сопровождающейся формальной и семантической конденсацией развернутого наименования: например, *комбинированный корм — комбикорм, магазин зоотоваров — зоомагазин* и т. д. Такие конструкторы соответствуют диахронному представлению о ССС как о «сокращенных» лексических единицах, представляя собой усечения на базе компонентов словосочетаний и выступая их эквивалентами в составе аббревиатуры (так называемыми «абброэквивалентами»).

Однако «часто единицы, которые традиционно трактуются как аббревиатуры, не могут считаться таковыми <...>: большое количество слов, имеющих на синхронном срезе языка мотивационно связанные эквивалентные словосочетания, возникли не в результате универбализации этих словосочетаний, а по другим причинам: вследствие либо прямого присоединения абброконструкта к производящему слову, либо аббревиатурного калькирования иноязычного слова, либо сохранения абброконструкта в сложнопроизводном слове» [9, с. 79]. Процесс прямого присоединения АК к слову определяется как **квазиаббревиация** (см. [4], [8]), так как его цель заключается в имитации формально-семантической структуры неинициальной аббревиатуры. По своей природе он является деривационным и схож по словообразовательной модели с аффиксацией (в частности, с префиксацией). В силу этого абброконструкт, выступающий формальным средством квазиаббревиации, формально, семантически и функционально сближается с морфемой, поэтому вслед за рядом исследователей (В. И. Теркуловым, К. Ю. Емельяновой и др.) определяется нами термином «абброморфема» и противопоставляется «абброэквиваленту».

Таким образом, некоторые ССС содержат формально сокращенные конструкты, которые не формируются при усечении слов, а используются при словообразовании в «готовом виде» (в результате «деривационной абсолютизации абброэквивалента» [9, с. 79]) либо «переносятся» из других слов (при калькировании иноязычного слова или словопроизводстве на базе ССС). Очевидно, что перечисленные словообразовательные процессы (универбализация, квазиаббревиация, калькирование, образование сложнопроизводных слов) можно разделить на основании роли в них конструктов аббревиатур — активной или пассивной. Вследствие этого все используемые для образования ССС сокращенные конструкты, или исконные абброконструкты, можно охарактеризовать в рамках следующих функциональных типов, которые были выделены В. И. Теркуловым и К. Ю. Емельяновой:

1) Абброэквивалент — АК, являющийся сокращенным дублетом слова исходного словосочетания, подвергшегося универбализации. Абброэквивалент обладает конкретной (понятийной) семантикой, которая закладывается у него на основании формально-семантического дублирования другого слова с контекстуальным значением. Например, *поездка на автомобиле* > *автопоездка*.

2) Абброморфема — морфематизированный АК с ассоциативной семантикой, возникший на базе абброэквивалента и используемый при квазиаббревиации, т.е. вне связи с какими-либо словосочетаниями. Языковая специфика АК, состоящая в его тесной формально-семантической связи с лексическими единицами, обеспечивает возможность дешифровки абброморфемы — её «развёртывания» в слово в процессе псевдоунивербализации.

Псевдоунивербализация понимается как процесс формально-семантической интерпретации сокращенных компонентов ССС, которая осуществляется с целью установления эквивалентности АК и обеспечивает её формирование, в первую очередь, у «синхронных» АК (абброморфем и перенесенных АК, выделяемых только в синхронии): например, *автогонщик* (< *автогонка*) > *автомобильный гонщик*; *биосфера* (< *сфера*) > *биологическая сфера*.

К. Ю. Емельянова выделяет ещё одну разновидность исконного АК — так называемый «абброаффиксоид», который определяется как «упрощённая» разновидность абброморфемы, практически не способная разворачиваться в слова, то есть не имеющая регулярно употребляющихся текстовых эквивалентов [4, с. 207], например *авиа-* в словах *авиапират*, *авиабензин*; *астро-* в словах *астробиология*, *астрогеолог* и т. д. Абброаффиксоид функционально идентичен абброморфеме — используется для словообразования посредством прямого присоединения к слову: *путешественник* > *авиапутешественник*. Однако если на базе абброморфем для ССС могут разворачиваться эквивалентные им словосочетания, например *библиомикс* > *библиотечный микс*; *медвата* > *медицинская вата*, то абброаффиксоиды не способны продуцировать в языке узуальные синтаксические корреляты для квазиаббревиатур.

Формальная неполнота исконных АК, а также словообразовательная функция, выполняемая ими, являются основанием для сопоставления таких единиц с морфемами. Надо отметить, что сокращенные компоненты сложносокращенных слов в целом часто рассматривались лингвистами (Л. В. Щербой (см., например, [11]), В. Н. Троицким (см. [10]), Д. И. Алексеевым (см. [1]) и др.) в ряду морфем: аффиксальных, в частности, префиксальных (см.), или же морфем особого типа, которые «нельзя в полной мере назвать ни корневыми, ни аффиксальными» [1, с. 19]. Однако, на наш взгляд, исконные АК представляют собой особые типы словообразовательных единиц.

Иную функцию, чем аффиксальная морфема, выполняет при словообразовании абброэквивалент, который, в отличие от префикса (и префиксоида), с которым он нередко сравнивался (см., например, [10], [5]) на основании, как минимум, занимаемой

им в слове позиции, представляет собой формальное средство для осуществления универбализации, а не префиксации: например, слово *автодорога* возникает на базе словосочетания *автомобильная дорога*, а не на базе слова *дорога*. Также в отличие от морфемы, которой присуща ассоциативная семантика, абброэквивалент обладает специализированным значением, формируемым на основе лексической семантики его развернутого эквивалента. Например, АК *вело-* в ССС *велодорога* является эквивалентом таких лексем, как велосипедный (*велодорога* — *велосипедная дорога*), велосипед (*велодорога* — *дорога для велосипеда, дорога для велосипедов*) и т. д., на базе которых у него формируется следующее понятийное значение: ‘относящийся к велосипедам, предназначенный для них’.

Можно отметить особое формальное, семантическое и функциональное сходство таких типов исконных АК, как абброморфема и абброаффиксоид, с морфемой и аффиксоидом. Во-первых, формальный облик этих единиц в русском языке может совпадать, как, например, в словах *библиосфера* (префиксоид) и *библиоцентр* (АК) — *библиотечный центр, радионяня* (префиксоид) и *радиостанция* (АК) — *станция радиовещания* и т. д. Во-вторых, вследствие морфематизации АК приобретает обобщенное значение, которое накладывается на семантику производных с его помощью слов. Например, тому же АК *вело-*, используемому в функции абброморфемы при образовании слова *велоновости* (*новости* > *велоновости* ‘сообщения о последних событиях в отрасли, связанной с велоспортом’), присуща ассоциативная семантика ‘относящийся к чему-то (к отрасли) [rel¹], что связано с чем-то (со спортом) [rel²], где используются [rel³] велосипеды (где соревнуются на велосипедах)’. В-третьих, эти единицы принимают участие в деривационных процессах и используются «в готовом» виде, подобно морфемам. Однако и абброморфема, и абброаффиксоид способны подвергаться псевдоунивербализации, то есть «разворачиваться» в полноценные лексические эквиваленты, регулярные или окказиональные, что не наблюдается для морфем. Так, слово с префиксоидом (например, *сверх-, псевдо-, полу-, недо-* и т. д.) не может быть трансформировано в словосочетание без потери исходной семантики: например, слово *сверхдержава* не является эквивалентным словосочетанию **сверхъестественная держава*, которое может быть сконструировано для него окказионально, так как значение лексемы *сверхъестественный* («СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; <...> 1. Необъяснимый естественным образом, чудесный. Сверхъестественные силы. 2. Превышающий обычную меру чего-н., поразительный (разг.). Сверхъестественная скорость» [6]) не вполне соответствует семантике префиксоида *сверх* и в сочетании со словом *держава* не передает понятийного значения термина «сверхдержава»: «СВЕРХДЕРЖАВА, -ы; ж. О государстве, превосходящем экономической, военной мощью многие государства и оказывающем решающее влияние на международную политику. Две сверхдержавы. Политика сверхдержав» [2].

Синхронное описание исконных АК затрагивает их формальные и семантические особенности, а также соотнесенность с синтаксическими эквивалентами, соответствующими им на синхронном срезе языка. Синхронная типология исконных абброконструктов объединяет в себе классификации изучаемых единиц по признаку их формальной и внутренней (для составных единиц) структуры, формально-структурной эквивалентности компонентам словосочетания, семантической эквивалентности, качественных структурных моделей их эквивалентов.

По сложности формальной структуры, которая может быть представлена цельно или складываться из нескольких компонентов, абброконструкты делятся на:

1. простой АК — разновидность, объединяющая монолитные и неделимые единицы, эквивалентные одному слову в пределах эквивалентного словосочетания.

Например, *гумпомощь* — гуманитарная помощь, *автопарковка* — парковка для автомобиля;

2. составной АК — единица, обладающая членимым многокомпонентным составом, соотносящаяся сразу с несколькими компонентами связанного с ССС словосочетания. Например, *военморфлот* — *военно-морской флот*, *гослесфонд* — *лесной фонд государства*.

У составного АК можно выделить несколько подтипов, которые характеризуют различные виды связи между составляющими его простыми компонентами.

2.1. собственно составной, или фузионный АК представляет собой единый абброкомплекс из двух или более простых единиц, для которых возможна как дискретная (*автотехбаза* — *автомобильная техническая база*), так и интегрированная дешифровка (*автотехбаза* — *автотехническая база*). Во втором случае эквивалентом составного АК зачастую может быть производящее существительное (например *автотехнический* < *автотехника*).

2.2. сложный, или агглютинативный АК является структурным объединением нескольких конструкторов разного типа в пределах ССС, поэтому не обладает вышеперечисленными признаками. В большинстве случаев он представляет собой результат присоединения простого конструктора к составному для указания статуса объекта (например *автотехбаза* > (*гос*)*автотехбаза* — *государственная автотехбаза*, *государственная автотехническая база*). На основе агглютинативных АК не образуются абброгруппы, так как они не представляют собой функционально-ономасиологического единства.

По типу соответствия компонентам эквивалентного словосочетания выделяются следующие АК:

3. эквивалентные базисному слову (например *комдивизией* — *командующий дивизией*);

4. эквивалентные зависимому слову (например *авианалёт* — *авиационный налёт*, *налёт авиации*).

По типу семантической интерпретации при дешифровании АК подразделяются на:

5. однозначные — единицы, обнаруживающие стереотипные варианты дешифровки, семантически относящиеся к одному классу (например *бензо*: *бензобак* — *бензиновый бак*, *бак для бензина*).

6. симультанные — АК, которые имеют несколько семантических трактовок, так как в языке для таких АК существует нескольких актуальных синтаксических коррелятов. А. И. Бровец (см. [3]) выводит следующие подтипы таких АК:

6.1. абсолютный симультант — омонимичная единица, связанная с различными референтами, в силу чего представляет в языке несколько классов семантических эквивалентов (*авто*: ‘автомобиль’ (*автокресло* — *автомобильное кресло*) — ‘автомат’ (*автокормушка* — *автоматическая кормушка*).

6.2. включенный симультант — АК, связанный с одним референтом, для которого имитируется множественность семантики. В большинстве случаев эквивалентами включенных симультанных АК выступают паронимы: *электро* — *электрический* и *электронный* (например, *электрогитара* — *электрическая гитара*, *электронная гитара*).

По качеству «представления» синтаксических эквивалентов выделяются такие типы конструкторов ССС:

7. аббревиатурные конструкторы — равны части основы эквивалента (например *бортпаёк* — *бортовой паёк*).

8. композитные конструкторы — равны основе эквивалента (например *виноторговля* — *торговля вином*).

9. юкстапозитные конструкты — целиком равны эквиваленту, представленному неизменяемым словом (например *аудиорелиз* — *релиз аудио*, *автоаксессуары* — *аксессуары в авто*).

10. мутантные конструкты, выделенные В. А. Рязановой (см. [7]) — единицы, которые могут трактоваться при помощи эквивалентов одновременно и как аббревиатуры, и как композиты или юкстапозиты (например *газо/конденсат* — *газовый конденсат / конденсат газа* (абброконструкт и композит); *евро/вклад* — *вклад в евро / вклады в европейских банках* (абброконструкт и юкстапозит)).

Таким образом, исконные АК представляют собой единицы, которые выступают в качестве словообразовательного средства в процессе образования ССС. В рамках исконных АК выделяются такие функциональные типы единиц, как абброэквивалент, абброморфема и абброаффиксоид. Абброэквивалент выступает формальным средством аббревиационной универбализации, а абброморфема и абброаффиксоид используются для образования ССС при квазиаббревиации. Сущностным отличием исконного АК любого типа от морфемы является наличие у него мотивационных и деривационных связей с лексическими единицами, посредством которых осуществляется дешифровка ССС: например, *автодорога* — *автомобильная дорога, дорога для автомобилей, дорога для авто* и т. д. В синхронии исконные АК классифицируются на основании их формальной структуры, формально-структурной эквивалентности компонентам словосочетания, семантической эквивалентности, качественных структурных моделей их эквивалентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка: сб. науч. работ. М.: Наука, 1966. — С. 13-37.
2. Большой толковый словарь русского языка [Текст]: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: Норинт, 1998. — 1534 с.
3. Бровец А. И. О симультанных абброконструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практическая конференция (8–11 июня 2016 г.): сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. — Т.1. — с. 41–52.
4. Емельянова К. Ю. Типологические черты абброаффиксоидов как сокращённых конструктов аббревиатур / К.Ю. Емельянова // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. — С. 207-213.
5. Лопатин В. В. Аффиксоид // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. — URL: <https://bigenc.ru/c/affiksoid20e7c7/?v=9341088>
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Азъ, 1994. — 907 с.
7. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул и дешифровальная матрица мутантной группы: модель описания / В.А. Рязанова // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 198–204.
8. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2015. — № 3 (98). — С. 127–134.
9. Теркулов В. И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — М., 2017. — Серия 9: Филология. — № 6. — С. 73–97.
10. Троицкий В. Н. Основные принципы словообразования // Ученые записки первого Ленинградского государственного педагогического института иностранных языков. — Л., 1940. — Т. 14. — С. 290-302.
11. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М.: Гос. учеб. пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957.

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

I. R. Smirnova

PRIMORDIAL ABBROCONSTRUCTIONS: GENERAL CHARACTERISATION

The article is devoted to the description of primordial abbreviated contracts of the Russian language, which are singled out in opposition to the transferred abbreviated contracts. The criterion for singling out primordial abbroconstructs is their role in the process of formation of compound abbreviations. The spectrum of the units under consideration includes abbroequivalents, abbromorphs and abbroaffixoids of the Russian language, which function as a formal component of various word-formation processes. As the results of the study, the differences between different types of primordial abbroconstructs and morphemes and affixoids are substantiated, and various classifications of the studied units describing formal, semantic, formal-evaluative and other characteristics and properties of primordial abbroconstructs are presented.

Key words: *compound abbreviation, primordial abbreviated construct, abbroequivalent, abbromorpheme, abbroaffixoid.*

Смирнова Ирина Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Аспирант.
E-mail: smirinaa15@gmail.com

Smirnova Irina Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk, RF.
Postgraduate student.
E-mail: smirinaa15@gmail.com

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Заведующий кафедрой русского языка.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Doctor of Philological Sciences.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Head of the Department of Russian Language.
E-mail: terkulov@rambler.ru

Литература и лингвистический анализ художественного текста

УДК 81'373.612.2

Н. М. Вишнякова © 2024

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. О. А. Горбань)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ОРИЕНТАЦИОННАЯ ОСНОВА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье на материале современных поэтических текстов описан один из основных видов пространственного метафорического сходства — по ориентационному признаку. Утверждается необходимость разграничения терминов «ориентационная метафора» и «метафора с ориентационной основой сходства». Выделены одновекторные и двухвекторные сходства, смешанные (функционально-ориентационные, акционально-ориентационные, ассоциативно-ориентационные) и одноосновные. Обнаружен ряд сближений на основе противоположных ориентационных векторов — членов классических бинарных оппозиций, благодаря чему сделан вывод о двух тенденциях, по которым между ними выстраиваются метафорические отношения, — тяготение к соединению физически противопоставленных по направлению единиц и снятие или разрушение оппозиций.

Ключевые слова: русский язык, язык поэзии, метафора, ориентационная метафора, метафора с ориентационной основой сходства, пространство.

Введение. Структурирование пространства в современном поэтическом тексте нередко происходит при использовании метафор — языковых конструкций, актуализирующих сближение одного объекта с другим. Несмотря на то что они «растягивают язык за пределы его эластичности» [4, с. 234] и часто поиск критериев и логическое обоснование для создания таких оборотов речи представляются затруднительными, сходство между целью переноса (денотатом) и носителем признака, накладываемого на нее (сигнификата), может иметь сущностный характер, исходя из тех общих сем, которые содержатся в лексических значениях слов. Рассуждая о мотивации для использования иноказательного выражения, Н. Д. Арутюнова утверждает, что «спор о выборе метафоры — это спор об истинной сущности предмета» [1, с. 28]. При этом бытует мнение об уникальности представлений человека о мире, ввиду чего сближения возникают стихийно, а не заданы изначально [2, с. 22]. Это согласуется с утверждением И. А. Солодиловой, считающей, что сходство необходимо понимать «не как реально существующее между объектами реальной действительности, а как явление интенциональной природы» [6, с. 118]. Этот вопрос остается дискуссионным. Однако стоит отметить, что отдельные черты сходства между явлением, поддающимся метафоризации, и источником накладываемого на него признака, носят сущностный характер, принадлежат объекту вне зависимости от контекста. К ним, в частности, относится ориентационная основа сближения понятий.

Объект исследования — пространственные метафорические единицы с ориентационной основой сходства.

Предмет исследования — семантико-прагматические особенности пространственных метафорических единиц с ориентационной основой сходства.

Цель работы — охарактеризовать особенности ориентационного сходства между источником (сигнификат) и целью (денотат) пространственного метафорического переноса в современном поэтическом тексте.

Изучение признаков ориентационного сходства между компонентами метафорических выражений произведено на поэтическом материале, опубликованном в литературных журналах Южного федерального округа и Сибирского федерального округа за 2020–2022 гг. («Сибирские огни», «Перископ», «Дон», «Южный маяк», «День и ночь», «Белая скала», «Отчий край»).

Пространственные метафоры в широком понимании (в том числе сравнения, перифразы, метаморфозы, олицетворения), извлеченные из поэтических текстов региональных литературных журналов, показывают, что уровень связи между сигнификатом и денотатом определяется видом основы сходства. Имеют место случаи, в которых ее выявление не представляется возможным ввиду сложного комплекса индивидуальных иллюзий и перлюкций, в соответствии с которыми автор выстраивает уподобление, придающее высказыванию поэтическую силу (это требует отдельного изучения). При этом в конструкциях, где локация отождествляется с другим объектом действительности по ориентационному признаку, эта проблема снимается ввиду предельно четкой пространственной соотнесенности метафорически сближаемых объектов.

Компоненты метафор находятся в оппозитивных семантических отношениях, что часто дает возможность их соотнесения с членами пространственных бинарных оппозиций (верх — низ, право — лево и т. д.), соответствующих аксиологическим (счастье — грусть, любовь — ненависть, успех — поражение и т. д.). Это и стало тем основанием, по которому Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют в отдельную группу ориентационные метафоры [3, с. 35]. Следует отметить, что метафоризируемый член в них представлен не пространственным выразителем, а когнитивным, эмоциональным, психическим и т. д. При этом авторы утверждают, что в конструкциях такого типа можно обнаружить как физическую, так и культурную основу.

Мы же, соглашаясь с тем утверждением, что в ориентационных метафорах «счастье соответствует верху; печаль — низу» [3, с. 35], находим в них не ориентационное, а ассоциативное сходство. В связи с этим на данном этапе исключаем соответствующие контексты из поля исследования, например: *воспарят мечты, как самолеты* (И. Лишенко «Доминикана» // День и ночь. 2022. № 3), поскольку направленность *мечты* вверх обусловлена не ее сущностным физическим свойством, а связью между понятиями, закрепленной в сознании человека. В данном случае речь может идти только о ряде сопутствующих ориентационных оценок. Такое мнение подтверждается и в работе М. Осборна, указывающего на ассоциативное метафорическое размещение человеком нежелательных символов внизу пространственной оси [7, с. 116].

В связи с этим внутри ориентационных метафор предлагаем выделять в отдельную группу метафоры с ориентационной основой сходства. Последнюю можно охарактеризовать с помощью универсального инструмента определения структуры мира — соотнесения репрезентированных в выражении объектов с конкретными членами бинарных оппозиций. Ориентационное сближение источника и цели связано с набором следующих противопоставлений: <север — юг>, <запад — восток>, <право — лево>, <верх — низ> (частный случай — <над — под>, когда речь идет о более близкой связи объектов, особенностях их взаимного расположения), <центр — периферия>, <реальное — идеальное>, <спереди — сзади>. Они могут быть представлены как тождество репрезентантов разных векторов, так и тождество выразителей одного и того же направления (см. рисунок).

Рис. 1. Классификация метафор с ориентационной основой сходства по количеству направлений и общим признакам уподобления

Область источника и область цели (в когнитивной терминологической системе сигнификат и денотат соответственно) могут репрезентировать один и тот же член оппозиции относительно других объектов, не включенных в иносказательное выражение. В таких метафорах эксплицируется один ориентационный маркер:

– <верх> (*журавли — небо, самолетик — птица, гнездятся облака, рай — гнездо*). Здесь накладываемый признак принадлежит к той же области пространства, что и целевой показатель (в представленных контекстах — к воздушному), без условия связи с конкретным субъектом / объектом относительно которого он направлен вверх: *Мокровласая церковь, / Встрепенув купола / В небе, — солнечно цепка!*

– <над> (*крыша — зонтик, небеса — покров, небо — шатер, посмертная маска — корка пространства, небосвод потолка*). Сходство указывает не на конкретный участок пространства, а на отношения между объектами. Часто один из них эксплицирован, а другой только подразумевается, создавая еще один слой значения. Так, метафора *асфальт, как кожа саламандры* указывает не только на покрытие, но и на соотношение с животным, позволяя метафорически интерпретировать находящееся под асфальтом пространство как живое существо.

– <под> (*укутаны крыши снегом, под белоснежным платком земля, июль на лес накинул тюль, парк надел сирени облаченье, под белой шапкой зимний лес*). В конструкциях с такой основой сходства пространственный объект часто метафоризируется как человек, на что указывает лексика, замещающая элементы одежды, служащие культурно обусловленным покрытием, в то время как под ними могут подразумеваться атмосферные осадки (*снег, дождь*), время года / суток (*ночь — тюль, весна — сирень*), то есть изменения, оказывающие воздействие на состояние пространственного объекта.

– <центр> (*на грудь земли, сердца антарктических пиков, храм предсердий, у города в сердце, сердце столицы, сердце эфиопий*). Для такого сходства характерны соматические сближения по расположению относительно пространства в целом и пространства тела.

– <периферия> (*острог — погост, подмосковные гетто, итака* (орфография источника сохранена. — Н. В.) — *тюрьма-одиночка Европы*).

– <вокруг> (*стал амфитеатром лес, синеватые веки луны, земля греет солнцем бока*).

Ряд контекстов указывает на сближение по двум ориентационным маркерам, когда речь идет о взаимном расположении пространственных объектов:

1. Вертикальное (<над — под> — *перебинтованная дорогами степь, облака утюжат небосвод, небо склонилось к реке, небо с волною сошлись в горизонте объятием, сшейте рану меж землей и небом*). Так, в сравнении *листва на земле, как броня* происходит отождествление по признаку покрытия, по защитной функции. В то же время слово *земля*, напрямую не участвующее в метафорическом сближении, приобретает значение 'тело воина' с ориентацией <под>.

2. Горизонтальное (*тянется огнями град к деревне, река утесу как жена, звездная отара по небу разбрелась, переулочек — хрустальный мост, а дома — берега, улица дом обнимала*). Горизонтальным маркером здесь может также выступать живое существо, по отношению к которому структурируется расположение метафоризируемого пространства (в данном случае путем олицетворения): *лес провожал лесника, безучастно приветствует улица*.

Об ориентационной основе сходства в некоторых случаях нет возможности рассуждать в отрыве от сопровождающего действия. Это, как правило, созидание — разрушение, рост — падение. Ввиду этого закономерно выделить такую смешанную основу сходства, как ориентационно-акциональную:

– по направлению вверх (*небоскребы растут как грибы, виноград рождает земля, небоскреб перстом небо скреб, смотришь небу в глаза*).

– по направлению вниз (*слеза — лодка в момент падения; небеса, дождем скорбящие; горизонт, прикинувшийся к реке; солнце садится на переносицу города; возьми меня на руки, небо; небо взглянуло в глаза; дома наклоняются; храм рухнул, опустился на колени; степенно солнце закатилось; из глаз текут водопады; выплакало небо слезы*).

Как мы можем видеть, конструкции, иллюстрирующие направление вниз, имеют более ярко выраженную отрицательную коннотацию, в то время как репрезентанты направления вверх, как правило, нейтральны, что только отчасти соответствует традиционному представлению об ориентационных метафорах.

В целом корреляция ориентационной и акциональной основ сходства чаще наблюдается в олицетворениях, когда актуализируется направление действия: *облака глядят виновато, ручьи весело бросались с обрыва, солнце глядит, облака плывут* и др., что должно стать предметом отдельного исследования.

К другим смешанным видам основ сходства относятся ориентационно-функциональная, ориентационно-визуальная, ориентационно-ассоциативная и другие, например: *листва — ковер* (ориентация под ногами + функция защиты, утепления, уюта), *зонтик — крыша* (ориентация над субъектом + функция защиты), *под куполом неба, небесный храм, лунный колокол* (ориентация над субъектом + функция защиты + ассоциация с сакральностью верха), *глаз неба* (ориентация верх + цвет), *храм предсердий* (ориентация у центра + ассоциация с сакральностью тела).

В иносказательных конструкциях наблюдаются и смешения единиц, принадлежащих к разным членам одной и той же бинарной оппозиции. Центральное становится периферийным, и наоборот. Так, если в первом случае мы отмечаем коннотацию, сопряженную с негативным отношением автора к локации (*в столицу изгнан из Сибири, столичная глушь*), то во втором можем наблюдать ироничное сближение пенитенциарной и рекреационной локаций (*путевка в Воркуту*). Реальное становится идеальным как способ визуализации верхнего (*горние дачи, ангельский аэровокзал*) и нижнего (*чернозем небытия, подземный огород*) миров. Воздушное становится водным или земным (*небо — река, облака — поплавки, на небе минарет, облака — горы*), и наоборот (*море — небо, подземный переход — небосвод*). С одной

стороны, это свидетельствует об изменении соотношенности локации со своим вертикально или горизонтально маркированным уровнем, о тенденции к разрушению иерархии оппозиций: «Здесь **небо**, как **надгробная плита**, накрывшая и предков, и потомков» (Е. Рыжов «***» // Отчий край. 2020. № 3). В приведенном контексте происходит снятие оппозиции <верх — низ> (но не <над — под>) и одновременно с этим — <живое — мертвое>. С другой стороны, такие замещения внутри противопоставлений могут иллюстрировать традиционные интуитивные попытки человека с помощью языковых средств структурировать пространство, находящееся вне зоны досягаемости. Так, например, воздушное выстраивается по аналогии с земным, где «**небо — нетвердая почва**» (С. Михня «***» // Сибирские огни. 2021. № 6), «**на небе аулы — белые облака**» (И. Васильцов «***» // Сибирские огни. 2020. № 7), «**за горные воздушные причалы / зацепится ночная благодать / и облачные ялики**» (Ю. Самородова «Альфа и Омега» // День и ночь. 2020. Спецвыпуск).

Помимо этого, иногда оппозиции в контекстах не снимаются, а обрастают другими: «**Небо и море — любовники — сливаются в мнимой черте горизонта**» (Д. Близнюк «***» // Перископ. 2020. № 1). Так, здесь посредством ориентационного указателя *горизонт* выстраивается пространственный образ, сопряженный с оппозицией <верх — низ>, на которую наслаивается другая — <мужское — женское>, а ввиду наличия предикатной части высказывания *сливаются в мнимой черте* — <хаос — космос> как <расчлененное — единое>. В то же время путем метафорического сближения верхнего и нижнего миров может происходить возвращение к мифологической идее об изначальной нерасчлененности всего сущего: «**Сшейте рану меж землей и небом, миллионы нитей белоснежных!**» (П. Великжанин «Снегопад на Рождество» // Южный маяк. 2022. № 3). Здесь снимается религиозная оппозиция «небо и земля», целью метафоризации которой, как правило, является утверждение несовместимости понятий по признакам <высокое — низкое>. Кроме того, метафоризации могут поддаваться и объекты с опосредованно прямым и соотносительным ориентационным значением: «**Я шар земной под голову кладу / И ночью слышу стон его тяжелый**» (В. Коротеев «Шар земной» // Дон. 2020. № 4–6). Формально здесь сохраняется противопоставление <над — под>, как и фактически: субъект находится над планетой Земля. При этом последняя приобретает признаки подушки посредством литотизации.

Наблюдаются две тенденции при построении таких конструкций на ориентационной основе сходства: 1) простое структурирование мира, при котором сигнификат сближается с денотатом по аналогии (метафоры с одновекторными маркерами и одноосновным сходством); 2) сложное структурирование мира, к чему относится и намеренное искажение соотношенности единиц метафорических / сравнительных оборотов с членами оппозиций (метафоры с двувекторными маркерами и смешанным сходством).

Заключение. Метафорические единицы в современных поэтических текстах наглядно демонстрируют процессы, происходящие при языковой концептуализации мира в настоящее время. Проведенный анализ показал, что ориентационная основа сходства, как правило, представлена именно в тех метафорах, где областью цели становится пространственный объект. В результате исследования сделан вывод о неоднородности метафор с ориентационной основой сходства, что связано с разновекторностью маркеров в высказываниях и случаями репрезентации разных видов сходства между денотатом и сигнификатом. В дальнейшем требуется отдельное изучение других сущностных основ сходства — акциональной, функциональной, фундаментальной, визуальной, параметрической — для подтверждения гипотезы о потенциале метафор как выразителей непосредственных признаков объектов реальной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сборник. — М. : Прогресс, 1990. — С. 27–28.
2. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. — М. : Яз. слав. культуры, 2014. — 632 с.
3. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
4. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони // Теория метафоры : сборник. — М. : Прогресс, 1990. — С. 219–235.
5. Петрова, О. О. Культурно-идеологические созначения в семантике ориентационных метафор «верх — низ» / О. О. Петрова // Преподаватель XXI век. — 2014. — № 3. — С. 268–275.
6. Солодилова И. А. Метафора: когнитивные основы оценочности / И. А. Солодилова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11 (160). — С. 118–123.
7. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family / M. Osborn // Quarterly Journal of Speech. — 1967. — Vol. 53, iss. 2. — P. 115–126. — DOI: <https://doi.org/10.1080/00335636709382823>.

Поступила в редакцию 12.02.2024 г.

N. M. Vishnyakova

**SPATIAL ORIENTATION BASIS OF METAPHORICAL TRANSFERENCE
IN A MODERN POETIC TEXT**

One of the main types of spatial metaphorical basis of similarity is described in the article by orientation. It is argued that in the traditionally distinguished group of orientation metaphors, the convergence of objects dominates not by determining the direction or place, but by association. There are one-vector and two-vector orientation, mixed (functional-orientation, action-orientation, associative-orientation) and single-base similarities. It has been found a number of convergences based on the opposite orientation markers — members of classical binary oppositions, from which it follows that there are two trends on which metaphorical relations are built between these oppositions — connecting tendency between units that are physically opposed in space and elimination or destruction of oppositions in the terms of postmodernism.

Key words: *Russian language, language of poetry, metaphor, orientation metaphor, metaphor with an orientation basis of similarity, space.*

Вишнякова Надежда Михайловна.

Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ.
Аспирант.
E-mail: kosayaarka@bk.ru

Vishnyakova Nadezhda Mikhaylovna.

Volgograd State University,
Volgograd, RF.
Postgraduate student.
E-mail: kosayaarka@bk.ru

Горбань Оксана Анатольевна.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русской филологии
и журналистики.
E-mail: o.gorban@mail.ru

Gorban Oksana Anatolyevna.

Doctor of Philology.
Volgograd State University,
Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.
E-mail: o.gorban@mail.ru

УДК 811.161.1'373.2

В. В. Дащинский © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Супрун)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕДТЕКСТОВОГО И ВНУРИТЕКСТОВОГО БИБЛИОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «СЛЕПЫЕ ПОВОДЫРИ» Е. Ю. ЛУКИНА)

В статье обосновывается изучение термина «библионим» (в терминологии Донецкой ономастической школы — «библиопозтоним») и различие предтекстового библионима и внутритекстового библионима в силу их функциональной и онтологической специфики. Проводится функциональный анализ библионима «Слепые поводыри», его подзаголовка «Повесть об осознанной необходимости» и внутритекстового библионима. Устанавливается их роль в смыслообразовании романа.

Ключевые слова: внутритекстовый и предтекстовый библионим, литературная ономастика, хронокоррекция.

Имя текста — это сущность, разнообразие которой не полностью охватывается термином «библионим» (в терминологии Донецкой ономастической школы — «библиопозтоним»). Достаточно указать на то, что, те специалисты, которые используют термин «библионим» (вернее отметить, что этот термин проигрывает конкуренцию понятиям «заглавие» и «название» даже в работах исследователей-позтонимологов), практически не дифференцируют его употребление, когда говорят о заглавии произведения и заглавии (-ях) в произведении. Основным материалом в различных поликритериальных классификациях библионимов — это имя книги, а не имена произведений, функционирующих в созданном автором художественном мире. И такое неразличение, на наш взгляд, мало оправданно, хотя и не всегда критично. Во-первых, очевидно, что персонажам имя мира, в котором они бытийствуют, неизвестно, но известны имена окружающих их текстов. Во-вторых, явно некоторое несовпадение библионимов в функциональном отношении, обусловленное их за- и внутритекстовым расположением. Например, внутрикнижному названию не свойственны такие функции, как рекламная, прогнозирующая, кумулятивная, интегрирующая, функция организации читательского восприятия и некоторые другие, тем не менее его тоже следует рассматривать как полифункциональную единицу.

Таким образом, по нашему мнению, подходя к изучению библионимов, недостаточно использовать термин «библионим», следует подбирать к нему определенные идентификаторы, чтобы точнее отразить специфику обозначаемого им референта. Отдельного и серьезного изучения заслуживает вопрос о названии частей произведения, тоже имен собственных. В исследовании для обозначения имени произведения мы будем использовать понятие *предтекстовый библионим* и понятие *внутритекстовый библионим*, обозначающий упоминаемые повествователем или персонажами названия произведений. Данные понятия не претендуют на вхождение в терминосистему литературной ономастики.

Настоящая работа посвящена изучению названия романа «Слепые поводыри» (2000), входящего вместе с повестью «Миссионеры» (1989) и романом «Разбойничья злая луна» (1997) в фантастический цикл «Слепые поводыри». Сюжетная хронология произведений не совпадает с хронологией их написания. Проанализируем

название хронологически (с точки зрения сюжета) первого произведения, романа «Слепые поводыри». Части романа не именованы, представлены в нумеративном виде, и это отличает данный текст от других произведений цикла с разработанным оглавлением. Отличает его и наличие в заголовочно-финальном комплексе (Ю.Б. Орлицкий) подзаголовка — «Повесть об осознанной необходимости», не во всех изданиях романа имеющегося.

Структурный тип библионима — атрибутивное словосочетание, прилагательное + существительное. Входящие в состав словосочетания лексемы семантически конфликтны, но символически обоснованы: *поводырь* — ‘тот, кто сопровождает слепого, указывая путь’ [1, с. 853]. Читателю остается узнать, в каких исторических масштабах осуществляется поводырство, кто ведёт и кто ведомый. Библионим выступает текстовой реминисценцией (А. Е. Супрун), выполняет *аллюзивную функцию*, отсылая к библейскому выражению *слепые поводыри слепых* (в более ранних переводах — «вожди»), восходящему к притче Иисуса Христа: «Оставьте их, они — слепые вожди слепых; а если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15:14)», предположительно, на ней основан сюжет картины Питера Брейгеля Старшего «Притча о слепых», в которой слепой поводырь ведет цепочку слепых за собой. Происхождение идиомы даже древнее, она восходит к упанишаде Катха: «Пребывая в глубине незнания, [но] считая себя разумными и учеными, / Блуждают, скитаются дураки, словно слепцы, ведомые слепцом» [2, с. 101].

Усеченность библеизма в заглавии, возможно, обусловлена желанием автора увести читателя от явной цитации с её обличительным пафосом, одновременно и спойлером сюжета, оставить перед загадкой на этапе предпонимания текста: кто поводырь — собака или человек? если человек, то поводырь одного человека или масс? слепой физически и/или духовно? почему слепой? (интригующая функция библионима). Это значимое отсутствие, концептуальное сокрытие ведомого субъекта и его характеристики — слепоты, ведь провожатым можно выступать и для зрячих; в зависимости от конфигурации «слепой — слепой», «слепой — зрячий» по-разному будут выстраиваться идейно-проблематические линии романа.

В романе М. де Сервантеса «Хитроумный Идальго Дон Кихот Ламанчский» строки Иисуса Христа цитировал оруженосец рыцаря Леса в ответ на комплементарные высказывания Санчо Панса в адрес Дон Кихота. Даже если читатель не обладает общекультурной компетенцией, чтобы распознать религиозный, искусствоведческий и литературный пласт, имплицитированный в названии, он скорее всего «зацепится» за его метафорический потенциал, станет предполагать негативный сценарий развития романного действия, так как соединение слепоты и поводырства вряд ли обещает позитивное содержание.

Замыслу Игоря Челканова, главного героя романа, отчасти присущ донкихотизм, быстро принявший катастрофический характер, когда возникли условия для достижения благородной цели: если бы была возможность технологически подготовить туземцев островных цивилизаций к встрече с христианскими миссионерами, с Конкистой, то история, возможно, пошла бы другим, менее кровавым путем, самобытные культуры не подверглись бы уничтожению или ассимиляции. И такая возможность предоставляется герою и его знакомым. Сувенир, бездомный, показывает им случайно обнаруженную пространственно-временную лазейку. Пройдя сквозь неё, компания оказывается на острове, географические координаты которого сложно определить, трудности возникают и с установлением времени (прошлое или настоящее — от этого зависят и некоторые жанровые особенности романа).

Постепенно герои понимают, что оказались не только не в прошлом или настоящем, но совсем в другом мире, впрочем, довольно-таки похожим на реальный.

Игорь становится местным богом для туземцев (в реальности же он имеет незаконченное высшее, возрастом «за пятьдесят», любитель выпить). С миссионерским «прогрессорством» жители островов ещё не столкнулись, поэтому соблазн изменить историю, вдохновившись конкистадором-перебежчиком Гонсало Герреро, успешно воевавшим с испанскими экспедициями, захватывает сознание персонажей. Но как замечает «историк из котельной» Игорь Челканов, индуцирующий в молодые и неопытные головы «филологов-недоучек» свои «прогрессорские» мысли, «любой малейший поворот истории — это сотни тысяч трупов» [5, с. 1043] — мысль, неизменно реализующаяся в ходе повествования. И сам замысел идеалистичным оказывается только на словах. Сын Президента финансовой компании «Атлантида» Сергея Самсоновича Имярекова случайно обнаружил лазейку и, с шумом выведенный из иномирья, пожаловался отцу на обидчиков и рассказал об увиденном там море. Тот, заинтересовавшийся секретностью места, заставил показать Игоря с Владом и Андреем, что они скрывают, и на увиденное у Сергея Самсоновича сразу появился бизнес-план (добыча черного жемчуга). Планировавший стать депутатом, чтобы попытаться превратить Россию, «эту паршивую федерацию в аристократическое государство Платона» [там же, с. 1077], он в скором времени попадает под пресс процессов, связанных с финансовыми пирамидами РДС, МММ, и, чтобы сохранить и приумножить финансовый капитал, а самому временно переждать административную бурю, назначает Игоря соучредителем в торговом доме и перед этим верно замечает: «Траванулся ты, Игорёк!.. Власть вкусил — думаешь, не видно? Ты сейчас ради своего островка на всё пойдёшь... А островок-то — он денежек просит!..» [там же, с. 1117]. Отравление властью и миазмами «лихих 90-х» приводит преуспевающего в политике и бизнесе историка из котельной к мыслям о незначительной разнице между Россией и первобытным архипелагом, ставшим испытательным полигоном по управлению человеческим капиталом: «Так, спрашивается, какой же мне смысл рулить историей там, когда с тем же успехом я могу это делать здесь?!» [там же, с. 1145]. Поэтому в заглавии считывается и аллюзия на тех народных избранников, олигархов, элиту, кто под предлогом красивых слов о переменах к лучшему, занимался перераспределением собственности, бизнесом с нечеловеческим лицом. Участие в смыслообразовании произведения обуславливается текстообразующей функцией библониима.

В связи с Сергеем Самсоновичем отметим деталь — томик Платона. К. С. Федотова, широко определяя термин «библиопоэтоним», относит к нему «не только названия литературных произведений, но и метонимические именованья книг по фамилии или имени их автора: *Барон Брамбеус, Сократ*: «Что я прочел? Вам скучно, Лери, / И под столом лежит Сократ, / Томитесь Вы по древней вере? / - Какой отличный маскарад!» [Гумилев, 1998-2007, т. 3, с. 107] — поэтоним *Сократ* в этом контексте может отсылать к какой-то монографии о жизни древнего философа, к воспоминаниям о нем (например, труд Ксенофонта «Воспоминания о Сократе»), возможно, к «сократическим» диалогам Платона...» [6, с. 142]. Безусловно, что важными факторами для определения названия книги в подобном случае обязательно должны быть контекст и конситуация, иначе одного метонимического употребления будет недостаточно для вывода. Проприальное имя обладает референциальной определенностью, поэтому в приведенном исследователем примере настораживает неконкретность отсылки («в какой-то... возможно...»). В библиотеке Игоря Сергей Самсонович «узрел орлиным оком знакомый корешок на стеллаже и, изумлённо заломив бровь, вынул потрёпанный песочного цвета томик Платона» [5, с. 1073], увидел сделанные отметки. Примерно в таком цвете было издано собрание сочинений Платона в четырёх томах (1990-1994). Неясно, какие по содержанию отметки оставил Игорь, но можно догадаться, в каком томе он их сделал. В том же томе, который читал Сергей Самсонович на острове: «Пытаясь хотя бы отчасти восстановить душевное равновесие, бывший президент “Атлантиды” раскрыл прихваченный на остров томик

Платона, где тут же наткнулся на скрупулёзный подсчёт, *во сколько раз лучше быть царём, чем тираном*, — и захлопнул со злостью. Сам давно знал наизусть, что в *семьсот двадцать девять раз...*» [там же, с. 1135–1136] (Курсив наш. — В. Д.). Выделенные курсивом слова — вопрос, обсуждаемый Платоном в диалоге «Государство» (т. 3, кн. 9). В указанном томе находятся диалоги «Тимей» и «Критий», знаменитые, в частности, легендой об Атлантиде. Название одноименной фирмы, президентом которой является Сергей Самсонович, образовано в результате трансонимизации: мифотопоним «Атлантида» эргоним «Атлантида». Являются сквозными проблемы власти (на примере Игоря и Сергея Самсоновича) и осуществления идеального государства в конкретных национальных и островных координатах (на примере Сергея Самсоновича). Внутритекстовый библионим, таким образом, выполняет следующие функции: *символическую* — судьбу Атлантиды повторяют планы бизнесмена, с островными жителями, «людоедами», по определению Сергея Самсоновича, вряд ли можно организовать идеальное государство; *характерологическую* — служит маркером интенциональной направленности персонажа, образованности его и автора: «Библионимия... вскрывает... общий кругозор автора, степень знания национальной и мировой культуры, выполняя тем самым *констатирующую и характерологическую* функции» [4, с. 328]. О функциях, осуществляемых именами собственными по отношению к автору, персонажам, читателю и др. пишет М. Гибка [7, с. 52–57].

Предтекстовый библионим «Слепые поводыри» не развёртывается в тексте в виде дистантного повтора или синонимических конструкций. Заглавное словосочетание принадлежит авторской речесубъектной сфере. С корнем «слеп» встречаются 8 выражений, 4 из которых связаны с оценкой зрительного восприятия физических качеств природных и рукотворных объектов (*ослепительно-белый песок, ослепительный свет солнца; ослепительный свет белых фонарей, ослепительный свет прожекторов*; лексема «ослепительный» использована в прямом значении); 4 — с действиями персонажей: *слепо прищурился, ослепительно улыбнулся, сослепу не налетел, вслепую передвигаться*. Несмотря на то, что библионим не эксплицирован в речевой структуре произведения, не дублирован в исходной форме, он не позволяет пройти мимо контекстов, где лексемы содержат семантику кратковременного *физического* ослепления, квазислепоты. Внимание читателя должно сосредоточиться на поиске возможного присутствия перехода от ситуативной физической слепоты персонажей к слепоте мировоззренческой. Например, группа попаданцев обустроила подвал под временную лазейку, чтобы скрыть её от посторонних людей, служб ФСБ или местной милиции, перед которыми в начале испытывала страх из-за своего открытия. Пересекая границу, герои, как правило, пребывают на острове в светлое время суток, в это время удобнее проводить технологические работы: «Спрыгнул вниз, ощутил сквозь подошвы ботинок податливость песка и, заранее зажмурясь, шагнул вперёд. *Переход из мрака в ослепительный свет* был особенно неприятен» [5, с. 1049] (Курсив наш. — В. Д.). Может быть, и не стоит искать символизма ни в этом переходе, ни в том, что спуск в подвал можно интерпретировать как будущее моральное падение героев, как духовно-нравственное испытание. Локус подвала способен «символизировать нижние этажи психики» [3, с. 23], спуск в бессознательное. Архипелаг в таком случае становится катализатором его расшатывания. Несмотря на частую вражду между островами, присутствие людоедского племени, здесь не встретишь той атмосферы первобытного ужаса, описанного Дж. Конрадом в повести «Сердце тьмы», рассказывающей о путешествии Марлоу в глубины Африки, но обнаружишь сходство в постановке писателями некоторых философских проблем: добро и зло в человеческой природе, соотношение дикого и цивилизованного, метаморфозы власти.

В центр читательского внимания выдвигается в начале знакомства с романом не только его заглавие, но и подзаголовок. Он, в отличие от библионима, имеет в тексте прямые

лексические параллели. Выражение *осознанная необходимость* встречается в речи Игоря (5), Андрея (1), в сокращённом в препозиции варианте — *необходимость* — в речи Самсона Самсоновича (1). Подзаголовок носит интертекстуальный характер: определение, что свобода есть осознанная необходимость, приписывают Канту, Гегелю, Спинозе и др. Появляется впервые это определение в речи Игоря на следующий день, после того как его знакомый, Влад, убил Сувенира из-за страха, что тот раскроет местоположение лазейки другим, после физической работы над подвалом, организованной Игорем, чтобы чувство вины и самоедство группы притупилось. Влад хотел выяснить, действительно ли Игорь с Андреем задумали попытаться скорректировать ход истории, и на слова о необходимости принять решение в этом вопросе, историк из котельной отвечает, что за них уже всё решено: «Обстоятельствами, Влад, обстоятельствами. Ты же сам видишь, что каждый наш ход — вынужденный... Что решать-то? Лазить сюда или не лазить? Так мы уже здесь, мы уже влезли — причём, по уши... Чёрт бы драл этого лысого, но, похоже, свобода — это, действительно, осознанная необходимость...» [5, с. 1043]. Осознание героем того, что любой поворот истории сопровождается многочисленными жертвами, освобождает его от моральных терзаний, якобы оправдывает необходимость совершенных и будущих поступков, хотя и не сразу. Показателен в этом отношении эпизод с убийством в порыве ненависти Игорем туземца за то, что тот уличил жрица в неточности исполнения сакрального текста: «Он только что снова застрелил человека. И — ни угрызений совести, ни даже осознания того, что произошло: застрелил — и всё» [там же, с. 1063] и чуть позже: «Чёртова подкорка! В гробу она видела осознанную необходимость! Снится дикарь и снится...» [там же, с. 1058].

В конце романа подвал оказывается подорванным возжелавшим власти в реальном мире Игорем. Влад, Андрей, Сергей Самсонович, приглашенные специалисты оказываются навсегда отрезанными от реального мира. Замыслы Сергея Самсоновича, поклонника Платона, оказались потопленными, как «затонула» ранее его фирма «Атлантида», как и черный жемчуг, топимый им в финальной сцене романа, за который он хотел купить всю Россию. Мечтая о переустройстве России в духе идеального государства Платона: «А наверху должны быть лучшие! Умные! Честные!.. Такие, как я!.. Может быть, такие, как ты!.. Ну не тот в России народ...» [там же, с. 1077], он выбрал символически опасное имя для своей фирмы, политической компании: судьба Атлантиды настигла планируемое несостоявшимся депутатом идеальное государство. Так смыкаются томик Платона (с диалогами «Государство» и «Критий») и библионим «Слепые поводыри». *Слепой* выбор мог обернуться трагедией для страны, если бы планы героя состоялись, что было заведомо невозможно, так как его частные интересы на самом деле сводились к обыкновенному обогащению. Впрочем, трагедии стране избежать и не удалось, потому как бывшее прежде единым государство СССР распалось, и к власти начали стремиться такие личности, как Игорь, относительно безобидный человек во времена работы в котельной, чтения исторических и философских книг, обсуждения политических событий, но претерпевший отрицательные личностные изменения, как только начал обладать властью. В истории всегда находятся настоящие поводыри или претендующие на поводырство. В эпоху лихолетья снижается идеологическое, мировоззренческое персональное зрение индивида и коллективное зрение общества, отсюда и появление поводырей-самозванцев, слепых поводырей.

Итак, онтологическая природа предтекстового и внутритекстового библионимов во многом схожа, но имеет и существенные функциональные различия, отсюда и стремление дифференцировать их употребление и изучение. Библионим «Слепые поводыри» выполняет аллюзивную, интригующую, информационную, символическую, текстообразующую функции. Внутритекстовый библионим (прямо неназванные диалоги Платона «Государство», «Тимей» и «Критий») осуществляет характерологическую и

символическую функции. Названия взаимодействуют между собой: поводыри, оба читающие Платона, а один из них также интересующейся историей Конкисты, оказываются слепыми не столько физически, сколько духовно, деятельно. Можно сказать и по-другому: Игорь оказывается зрячим, но зрячим не морально, а антигуманно (см. его план по милитаризации острова, подготовке к встрече с миссионерами и цивилизаторами). Его, на первый взгляд, благие намерения и цели из-за неразумного подбора средств обернулись в итоге предсказуемой катастрофой, но это уже тема других произведений цикла, где главный герой этого романа не принимает участие, так как остался заниматься бизнесом и политикой в реальном мире, а не в мире параллельном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. / С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Катха упанишада // Упанишады: В 3 кн. / Пер., предисл. и коммент. А.Я. Сыркина. — М.: Наука, 1992. — С. 97–112.
3. Куляпин А.И. Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина: монография / А.И. Куляпин. — Барнаул: АлтГПУ, 2016. — 160 с.
4. Климкова Л.А. Библионимы: в тексте и вне текста / Л.А. Климкова // Православие и русская литература: сборник статей участников VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (18–19 мая 2023 г.) / отв. редактор С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. — Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2023. — С. 321–328.
5. Лукина Л., Лукин Е. Слепые поводыри / Л. Лукина, Е. Лукин // Разбойничья злая луна: роман, повести, рассказы, эссе. — СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — С. 1016–1054.
6. Федотова, К.С. Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект: на материале творчества Н.С. Гумилёва: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Федотова Ксения Сергеевна. — Волгоград, 2018. — 232 с.
7. Gibka M. Literary Onomastics: a Theory / M. Gibka. — Łódź: ArchaeGraph Wydawnictwo Naukowe, 2019. — 170 с.

Поступила в редакцию 11.02.2024 г.

V. V. Dashchinsky

FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE PRE-TEXT AND INTRA-TEXT BIBLIONYMS (BASED ON THE NOVEL «SLEPYE POVODYRI» BY E.YU. LUKIN)

The article examines the hierarchy of titles in a literary text. The necessity to distinguish between the pre-text biblionym, the intra-text biblionym and the titles of the parts of the work due to their functional and ontological specificity is substantiated. A functional analysis of the biblionym «Slepye povodyri» and its subtitle «Povest' ob osoznannoj neobhodimosti» is carried out. Their role in the meaning formation of the novel is being established.

Key words: *intra-text and pre-text biblionyms, literary onomastics, chronocorrection.*

Дашинский Владислав Викторович.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Аспирант.
E-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

Dashchinsky Vladislav Viktorovich.

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Postgraduate student.
E-mail: dashchinskiy.vlad@mail.ru

Супрун Василий Иванович.

Доктор филологических наук.
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, РФ.
Профессор кафедры русского языка и методики его преподавания.
E-mail: suprun@vspu.ru

Suprun Vasily Ivanovich.

Doctor of Philology.
Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, RF.
Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods.
E-mail: suprun@vspu.ru

УДК 81'28 (076)

А. С. Марченко © 2024

Н. П. Курмакаева © 2024

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ДОНБАССА ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Статья выполнена в русле исследования современного донецкого поэтического пространства с точки зрения динамики развития лексико-семантического и лексико-стилистического уровней в нем как недостаточно изученных. Произведен анализ эмпирического материала, собранного из сборников стихотворений за период 2014–2022 годов. Обращено внимание на развитие языка войны, его ключевые концепты, смысловые узлы, характер тропеичности, лексические новации, стилистические приемы. Сделаны выводы об усилении экспрессивного и оценочного элемента в поэтическом дискурсе, об актуализации лексики войны как в поэзии, так и в живой речи дончан.

Ключевые слова: динамические процессы, донецкий поэтический дискурс, ключевые концепты, тропеичность, экспрессия, язык войны.

Поэтический дискурс первых десятилетий XXI века в его лингвистическом преломлении пока остается практически слабо изученным. Однако необходимо учесть, что почти кардинальные социокультурные изменения, которые переживает страна, не могли не повлиять на художественные практики, включая язык современной поэзии, в частности поэзии Донбасса последних лет. **Актуальность** нашего исследования подтверждается тем, что в реалиях «новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды в русском языке последних лет продолжают происходить значительные изменения» [1, с. 3]. Особенно заметны перемены в региональной поэтической картине мира сегодняшнего Донбасса, обусловленные серьезными военно-политическими и социокультурными трансформациями, которым подвержен наш регион, к тому же постоянно находящийся в жестком информационно-пропагандистском поле. Поэзия, чутко реагирующая на любые эти события, заметно обновила инструментарий своего воздействия и влияния на адресата, освоив так называемый «язык войны». Поскольку серьезность роли поэтических произведений в наше время никем не оспаривается, считаем уместным и важным рассмотреть и проанализировать реализующиеся в них динамические процессы в сфере поэтической вербализации положения дел в окружающей поэта действительности.

Цель данного исследования — рассмотреть динамические процессы в поэтическом дискурсе Донбасса и понять, какие преобразования произошли на лексико-семантическом и лексико-стилистическом уровнях в языке поэзии последних лет.

Знакомясь с литературой вопроса, мы заметили, что среди множества лингвистических явлений, которые вызывают неизменный интерес в науке, неослабным вниманием пользуется поэтический дискурс. Можем назвать работы Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарина, В. И. Карасика, А. Ю. Корбут, Н. А. Николиной, О. Г. Ревзиной и др. Например, В. И. Карасик говорит о поэтическом дискурсе как образце личностно-ориентированного дискурса, где «...участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик» [3, с. 199]. Стихотворная форма преобразуется при этом в

уникальный, очень тонкий инструмент превращения слова в один из предметов искусства, особенно, когда текст приобретает четкую стилистическую рамку и выразительный эмоциональный фон для читателя-реципиента.

Традиционный подход к анализу поэтического текста, как известно, предполагает изучение текстовых единиц, грамматических категорий, связей и стилистических средств [16, с. 103]. Р. О. Якобсон в известном труде отождествляет поэзию с «поэтической тканью поэтического дискурса», состоящей из элементов языка всех уровней, участвующих в формальной, содержательной и звуковой организации поэтического текста [17, с. 81]. А когда эта «ткань поэтического дискурса» соткана из слов и смыслов, актуальных для некоторого субэтноса, и напрямую связана с осмыслением его жизненных принципов и установок, норм поведения, осмысления случившегося и выстраивания стратегий и тактик поведения на будущее, то она («ткань поэтического дискурса») становится важной и необходимой для поддержания жизнеутверждающего прагматического стержня сообщества с его мировидением и ценностным потенциалом.

Вслед за специалистами по лингворегионоведению региональное дискурсивное пространство мы понимаем как текст, созданный на местной (регионально обусловленной) экстралингвистической основе и предназначенный в первую очередь для реципиента, погруженного в реалии окружающей действительности и владеющего, как и продуцент, региональной картиной мира [7, с. 42]. Такой подход обусловлен исследованиями, например, белгородских ученых В. К. Харченко, И. И. Чумак-Жунь, М. С. Малышевой и др. и подтвержден образцами исследований донецкого текста последних лет в наших работах, например, в [5; 6; 7; 8], и научных разработках М. Н. Панчехиной [11], И. А. Поповой-Бондаренко и А. В. Поповой [12], Е. В. Скрипченко [14] и др. о языковых особенностях поэтов Донбасса.

Художественные тексты современных творцов, как и в целом весь региональный поэтический дискурс, привлекают внимание исследователей не только актуальностью поднимаемой темы, но в первую очередь оригинальностью, нестандартностью мышления творца, неожиданными оборотами, словотворчеством, специфической метафоричностью, новым прочтением региолектных слов и выражений. Стоит вспомнить ставшие популярными строчки Д. Трибушного: *«Еще один обстрел — и Новый год. // Украсим елку льдом и стекловатой. // И Дед Мороз, наверно, придет / На праздничные игры с автоматом»* [15, с. 14]. В авторской версии время на войне измеряется количеством обстрелов и интервалами между ними, что придает лексеме *обстрел* новое прочтение; красоту и хрупкость елочных игрушек заменяют лед и стекловата, надежность мира стала соотноситься с оружием — с условным автоматом. Читая такие стихи, реципиент невольно должен улавливать новые, порой неожиданные смыслы, вкладываемые автором в слова текста, чтобы отразить те изменения в картине мира, которые внесла война.

Следует согласиться с проф. О. А. Кравченко, что «донбасский поэт по своей экзистенции — шахтер, провидец и прорицатель» [4, с. 93], поскольку он пишет о состоянии своей родины так, как может излагать истинный донбассовец, связывая с помощью регионализмов в тугой, неразрывный узел шахтерский мир с ворвавшейся в него войной: *Грянет «бахом» недальний отвал, / пласт вздохнет и хребтом шевельнет. / Не туда, но как будто попал. / Недолёт. Недолёт. Недолёт. // Плунет штыбом, смыкаясь, забой. / Воздух прочь — как с разбегу об лёд. / Он и наш, и не наш этот бой... / Раз прилёт. Два прилёт. Три прилёт* (В. Русанов). Стилистический прием повторов, примененный автором, усиливает воздействие на психику адресата, четче фиксирует ситуацию, прочнее входит в сознание.

Как провидец и прорицатель выступает поэт Анна Ревякина в стихотворении «Здесь так тихо, что слышно часы и вены»:

*«В эту землю вложили душу, подняли в гору,
эту землю явили миру, как символ ада,
и на ней построили пыльный суровый город.»* [15, с. 26]

Это можно сравнить с тем, что когда-то писал греческий автор трактата «О высоком»: «Иудейский законодатель до глубины души проникся могуществом божества и перед всеми раскрыл это могущество, написав в начале своей книги о законах: „Сказал Бог“. — А что сказал он? — „Да будет свет!“ И он возник. — „Да будет земля!“ И она возникла» [10, с. 30]. И воистину прав ученый, говоря, что «донецкий свет оттуда — из сполоха метановых взрывов, из лабиринта штреков и лав. Но важно то, что “пыльный суровый город” не просто стоит над шахтными пустотами как провалами в бездну, но вытягивается, стремится к иному — горнему свету» [4, с. 93] и очень хочет выжить. Но в период военных испытаний он, как и его люди, страдает, *«снарядом изранен / Город (русский исконно) — / Голубь наш сизокрылый, / Так желающий мира»* (И. Горбань «Один день и вся жизнь»). В описание его состояния вплетаются народные мотивы и образы (*голубь наш сизокрылый*), и автор стилизует речь под фольклорную, так понятную тем, к кому он обращается.

Речь современных поэтов аллюзивна, предельно метафорична. Новые метафоры, как и новые ощущения, творцы нередко связывают с ним, родным городом, любимым Донцом, несгибаемым, гордым, волевым: *«Мой город стоит на крови... / За то, что не стал на колени»* (Е. Ромащук); *«Не хочу ничего знать про твоего Месси. / У меня тут город родной девяную зиму в замесе. В кровавом замесе»* (А. Ревякина «Ничего не хочу знать»). Аллюзия Е. Ромащук на знаменитые строки П. Беспощадного *Донбасс никто не ставил на колени...* и военный сленгизм *кровавый замес* формируют глубинное представление о несломленном Донбассе-воине, его героическом прошлом и трагическом, но не менее героическом настоящем. Лексема *кровь* и ее деривационный ряд сделались ключевыми во многих поэтических творениях современных авторов, таких, как А. Долгарева, А. Кучерявый, А. Ревякина, С. Тесла и др. Строчки А. Ревякиной *«Мария кричала и падала навзничь в почву, / и кровь ее растекалась, как сок граната...»* [13, с. 48] вызвали ряд библейских ассоциаций у донецких исследователей И. А. Поповой-Бондаренко и А. В. Поповой (см. [12, с. 43]), что не лишено основания. Библейские мотивы вносят в свои поэтические творения Д. Трибушный, А. Федорова и др.

Рассматривая поэтический дискурс Донбасса последних лет, убеждаешься, что безусловно доминирующей в поэзии остается тематика войны, а сохраняющийся «донецкий свет» происходит из несмолкающих бомбежек («бахов», «выбивания ковров»), взрывов гранат и мин по всей территории. Война, пришедшая в 2014 году в регион, внесла кардинально иные, чем прежде, краски в региональную картину мира, а начавшаяся СВО в феврале 2022 года усилила их многократно.

Динамику сложившегося к периоду начала СВО «языка войны» в донбасском поэтическом дискурсе мы можем проследить по вышедшей недавно антологии донбасской поэзии 2014–2022 гг. «Великий Блокпост» — внушительному своду написанных в Донбассе и о Донбассе стихотворений 45 поэтов, к которым нельзя остаться равнодушным. Составитель антологии Анна Ревякина называет ее авторов «хроникерами Донбасса», которые, «не жалея себя», «вглядываясь в графичный бесперспективный горизонт», «написали словно бы поэтический учебник истории» [2, с. 18]. Пожалуй, так и есть, ведь антология имеет сюжет, начиная с 1990-х, а потом от 2014 к 2022 г. Это своеобразная летопись, «повесть временных лет», где части озаглавлены по годам.

Отточенность речевых практик войны бесспорна у многих известных современных поэтов Донбасса, помимо названных выше: А. Савенкова, В. Скобцова, А. Сигиды-старшего, А. Сигиды-младшего, Д. Трибушного, Е. Заславской, И. Горбань, А. Федоровой, В. Русанова, Е. Воронова, а также погибшего в 2022 г. Е. Мокина и мн. других, стихи которых частично вошли в сборник.

Следует отметить, насколько существенны трансформации, произошедшие как в лексико-семантическом, так и в стилистическом плане нынешнего репертуара «хроникеров Донбасса». Так, например, читаем в стихотворении А. Кучерявого:

Услышишь вновь средь бела дня

плюс, минус. И смотри:

кричит и плачет ребяшня

под «триста тридцать три».

Несведущему читателю потребуются толкования выделенных слов, поскольку язык войны в Донбассе уже требует создания словаря лексем и выражений, отсутствующих в литературном варианте национального языка. Так, в артиллерии плюсом обозначаются, как правило, перелеты, а минусом — недолеты в корректировке целей. Однако в языке войны в Донбассе *плюсы* — это ‘прилеты к нам’, а *минусы* — ‘отлеты от нас’. Выражение «триста тридцать три» — это неуставная команда для залпового огня артиллерии, впервые примененная в Сирии и активно используемая в зоне СВО вместо команды по уставу «Батарея, залпом, огонь!». В ней три «тройки» с рыкающей буквой «Р», которая четко отпечатывается в подкорке головного мозга, как в раскатистой команде: «Р-р-равняйся!», с последующим произнесением «Смирно!», к которой солдат уже готов. Таким образом, услышав от командира «триста тридцать», боец получает секунду для подготовки к механическому действию рукой, с последующим «три», что означает команду «Огонь!» [18]. Данное выражение с 2022 года стало обыгрываться в солдатском фольклоре, в детских забавах.

Как точно отмечает А. Ревякина в Предисловии к сборнику, в стихах авторов «много военных слов, которые не всегда понятны гражданским, но, к сожалению, они постепенно входят в наш лексикон» [2] и незаметно становятся актуальными и вполне понятными: «*Над городом спустились беспилоты*» (Д. Трибушный «Двухсотый день зимы»); «*Я молюсь обо всех двухсотых с наступлением темноты*» (А. Ревякина); «*и опять над Донбассом грохочет арта*» (И. Караулов). Несмотря на серьезность ситуации войны, художественная речь пишущих о ней отличается насыщенной тропеичностью, в ней активно создаются и весьма творчески обыгрываются регионально осмысленные стилистические фигуры. Приведем лишь некоторые примеры:

1) метафоры различного типа:

– ментальные (когнитивные) — «*Над городом гуманитарный снег*» (Д. Трибушный); «*Миномётных стрельб силлаботоника, / рукопашных гибельный верлибр*» (И. Караулов) [2, с. 70]; «*Кто-то ходит налево / через минное поле / за тональностью гнева, / за метафорой боли*» (А. Дмитриев) [2, с. 58];

– метафорическое опредмечивание абстрактных понятий: «*плыл кровавый август по Донбассу, / и горели тучные хлеба*» (Е. Заславская) [2, с. 308];

– историософского плана — «*...в степях Московия воюет с Древним Римом*» [2, с. 361];

– культурно-исторические — «*реконкиста русская*», «*братоубийственные саги и песни Старшей и Младшей Эдды*» (А. Сигида (младший) — позывной «Захар»), [2, с. 398], «*война севера и юга*» (И. Караулов) [2, с. 299];

– эмоционально-экспрессивные — «*В небе шелест, в небе свист, / баю-бай, ложись, ложииииись! / Заворкуют пули, чтобы мы уснули*» (О. Старушко) [2, с. 337];

– субъективно-авторские ситуативно ассоциативные: «*Стоят березы в желтом камуфляже, / И в ватники укутаны дома. // Четвертый водоем берет под стражу / Бунтующая русская зима*» (Д. Трибушный);

2) метонимия: «*Сонные степи с тех пор у нас топчет кирза*» (А. Ревякина) [2, с. 328];

3) метафоро-метонимический микс с элементами гиперболы с риторическими вопросами: «*Из руин достаю игрушки // По кускам собирают сына // Что ж ты делаешь / Украина? / А в ответ // канонадой пушки / На престол возвратился Ирод / пилатствует без разбора / И растут у нас трупов горы / Что ж ты делаешь, Украина?!*» (В. Даренский);

4) олицетворение: «*Канонада беду пророчит*» (И. Горбань);

– олицетворение + персонификация: «*Только будет утро, и наступит вечер / Сосчитает небо всех своих бойцов / Но уже не верим фразе «время лечит» / ведь над стенью радуга ранена свинцом*» (Л. Гонтарева);

– олицетворение + сравнения: «*ползут кровавые закаты, и каждый день, рассвета ад, / здесь терриконы, как солдаты, грудь подставляют под снаряд*» (А. Кучерявый);

6) фигуры речи перечисления с нарастанием: «*Их не остановят ни Javelin, ни Bayraktar, ни нацбат*» (Д. Молдавский) [2, с. 314];

7) парцелированная конструкция для усиления восприятия: «*Только вот вместо дома — воронки открытая рана — Восемь. Донбасских. Лет.*» (А. Ревякина) [2, с. 330];

8) окказиональная лексика и авторское словообразование как стилистический прием смыслового расширения: «*позже / нас назовут придонбашенными*» (А. Долгарёва) [2, с. 116]; «*Сталь плющит пули **всмяточно***» (Г. Егоркин) [2, с. 390].

В современном поэтическом дискурсе Донбасса к ядерному (функционально активному) кластеру наиболее востребованных концептов можно отнести такие, как «страх», «неизбежность», «крушение», которые воплощаются в том числе в словосочетаниях: «*страшная война*»; «*не страшно умирать*»; «*страшнее выжить*», «*смерть как неизбежность*», «*крушение надежд*» и т.п. Так образуются ассоциативные ряды актуализирующих в сознании читателя разные грани эмоций, связанных с этими лексемами, целью чего является как передача собственных пережитых эмоциональных состояний, так и нагнетание их у читателя: «*Да в небе летит самолет / Гадаю / в кого попадет? / С тоской понимаю / бомбить //*» (А. Вечкасова); «*какая странная война / и в длинный перечень трагедий / утрат / разрух / внесет она междоусобицу соседей / Развал семей и крах надежд и нескончаемость разлуки*» (И. Черненко). Нередко в поэтическом сознании субъекта эти ситуации и эмоции обыгрываются шутливо-комично: «*Похоже, всё капутово, кирдыково, каяюково*» (Г. Егоркин) [2, с. 390].

Понятийная составляющая ядра «война» формируется из таких лексем, как: *смерть, разруха, мины, кровь, боль, плач, тело, ранение, взрывы, бомбежка, бомба, прилёт, отлёт* и многих других. Причем от 2014 к 2023 году наблюдается возрастающая интенсивность их реализации не только в плане номинационном, но, особенно, в смысловом, когнитивном, например: «*До боли сжимаю руки / В окно прогремел раскат / Сканирую кожей звуки / Гроза // "Ураганы" // "Град"?*» (А. Вечкасова).

В поэтическом дискурсе последних лет (2022–2023 гг.), как нам кажется, с одной стороны, присутствует зримое ощущение собственной жертвенности творца, а с другой стороны — это перекрывается чувством веры, ощущением силы и правоты. Так, например, в стихотворении А. Долгаревой «Русские солдаты — лучшие из людей» словесные ряды построены так, что можно заметить сразу обе стороны, переходящие в процесс катарсиса: в начале звучит «*Наши кости станут стенами новой империи. / Наша кровь станет космическим топливом. / Мы потомки Юры Гагарина и Лаврентия Берии, / винтики госмашины неповоротливой*» [2, с. 345], а финал несет очищение и

просветление: «*Но к чему прикоснулась Россия — то навсегда Россия. // Мы излучаем Россию, в Бозе почия, / мы возвращаемся живыми аль неживыми, / на истлевших наших неся ее имя*» [2, с. 345]. Лексико-стилистическое микширование только усиливает патетику и уверенность в правоте.

И, конечно, в поэтическом дискурсе Донбасса последних лет отчетливо прослеживается мотив культурной и языковой идентичности: русского слова, русского языка, русской культуры, русской литературы, русской поэзии [2, с. 19]. Языковая личность поэта Донбасса однозначно себя идентифицирует с русским миром и русской культурой, неоднократно это подчеркивая: «*Мое сердце опять под бомбежкой. / Моя родина — русский язык*» (Г. Титов) [2, с. 322]. И. Асвальд называет свое стихотворение «Русское слово», где название становится синонимом «правому делу»: «*И ради победы / мы к смерти готовы! / За правое дело. / За русское слово*» [2, с. 404].

Подводя итоги, следует сказать о том, что прагматика современного поэтического дискурса Донбасса вызывает к жизни всё новые и новые как лексико-семантические, так и стилистические элементы, несущие явно выраженную экспрессию и оценочность в репрезентации сложившейся лингвокультурной ситуации региона. Затянувшиеся военные действия в Донбассе спровоцировала «переоценку ценностей» в сознании социума, что отразилось на современном поэтическом дискурсе и на языке региональной поэзии. И, как показывает материал исследования, лексико-семантические новшества апроприированы языком поэзии настолько гармонично, что легко и свободно становятся для реципиентов частью их собственной региональной речевой практики., поскольку поэт затрагивает то, что прочно сформировано и ощущается донбасским субэтносом как неотъемлемая часть его существа, его сознания, его мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Активные процессы в русском языке новейшего периода : учебное пособие / Т. Б. Радбиля, Л. В. Рацибурская, Е. В. Щеникова и др.; под ред. Т. Б. Радбиля. — М.: ФЛИНТА, 2022. — 232 с.
2. Великий Блокпост : антология донбасской поэзии 2014–2022 гг. / Поэтическая антология / Составитель А. Ревякина. — «Питер», 2023. — 400 с.
3. Карасик В. И. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — 228 с.
4. Кравченко О. А. Донбасс как топос и пафос / О. А. Кравченко // Современное есениноведение. — 2018. — № 4(47). — С. 93–96.
5. Курмакаева Н. П. О лингвокультурной ситуации в Донбассе Н. П. Курмакаева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей V Международного симпозиума, включённого в программу Международного фестиваля «Великое русское слово». В 2-х томах. Симферополь, 08–12 июня 2021 года / отв. редактор Е. Я. Титаренко. Том 1 — Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021 — С. 21–27.
6. Курмакаева Н. П. Региональная составляющая в идиолекте языковой личности поэта Донбасса / Н. П. Курмакаева // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье. Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума Редколлегия: С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. Брянск, 2022. С. 398-403.
7. Курмакаева Н. П. Донецкий речевой дискурс в фокусе креативности: вчера и сегодня / Н. П. Курмакаева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2023. — № 1. — С. 41-49.
8. Марченко, А. С. Региональная языковая личность поэта Донбасса: лингвальный мир и ценностные ориентиры / А. С. Марченко // Новые горизонты русистики. — 2021. — № 13. — С. 50–56
9. Матвеева Ю. В. Поэзия Донбасса как документ и свидетельство / Ю. В. Матвеева // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2023. — Т. 29, № 2. — С. 5-20.
10. О возвышенном. — М.: Наука, 1966. — 150 с.
11. Панчехина М. Н. Донецкий диффузный региолект в творчестве Алексея Парщикова / М.Н. Панчехина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сб. статей по итогам III

- Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.Ф. Новикова. — Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. С. 191–194.
12. Попова-Бондаренко И.А. Фольклорное начало в современной поэзии Донбасса (к вопросу о культурной самоидентификации региона) / И.А. Попова-Бондаренко, А.В. Попова // Современное есениноведение. Рязань. 2018. № 3–4. С. 40–47.
 13. Ревякина А.Н. Шахтерская дочь. Поэма / Ревякина А.Н.. — Харьков: Водный спектр Джи-Эм-Пи, 2016. — 56 с.
 14. Скрипченко Е.В. Донецкий текст Анны Ревякиной / Е.В. Скрипченко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д : Филология и психология. — Донецк. — 2018. — № 2. — С.43–47.
 15. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов. Сборник стихов. — М.: Издательство «Перо», 2015. — 112 с.
 16. Черняк В. Д. Семантические доминанты текстов новейшей русской поэзии / В. Д. Черняк, Е. С. Редкина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2017. — № 4(79). — С. 103–108.
 17. Якобсон Р. О. Работы по поэтике: переводы / Р. О. Якобсон / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Прогресс, 1987. — 464 с.
 18. <https://dzen.ru/a/Y9QXThOPVxu9MZnX>

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

*A. S. Marchenko
N. P. Kurmakayeva*

**DYNAMIC PROCESSES IN THE POETIC DISCOURSE OF DONBASS IN RECENT YEARS:
LEXICO-SEMANTIC AND STYLISTIC ASPECTS**

The article is framed as a study of the modern Donetsk poetic space from the perspective of the dynamics of the development of its lexical-semantic and lexical-stylistic levels, which are insufficiently studied. An analysis of empirical material collected from poetry collections for the period 2014-2022 has been carried out. Attention is drawn to the development of the language of war, its key concepts, semantic nodes, the nature of tropes, lexical innovations, and stylistic devices. Conclusions have been drawn about the strengthening of the expressive and evaluative elements in the poetic discourse, and about the actualization of the lexicon of war both in poetry and in the spoken language of Donetsk residents.

Keywords: *dynamic processes, Donetsk poetic discourse, key concepts, tropes, expressiveness, language of war.*

Марченко Анастасия Станиславовна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: nastena_marchenko_99@mail.ru

Marchenko Anastasiya Stanislavovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat.
E-mail: nastena_marchenko_99@mail.ru

Курмакаева Нина Петровна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakayeva Nina Petrovna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 82.0

А. А. Михалев, И. В. Логвинова © 2024
Государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования города Москвы
«Московский государственный институт музыки имени А. Г. Шнитке»

МУЗЫКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ В РАССКАЗАХ СБОРНИКА «ГРЕХ» ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

В статье рассматриваются рассказы Захара Прилепина, входящие в сборник «Грех» (2007). Анализируется рассказ «Какой случится день недели», в котором явственно прослеживается музыкальный рисунок. Также речь идет о музыкальных деталях в других рассказах сборника. Мы выяснили, что музыкальный рисунок у Прилепина опирается на лексические повторы и на зарифмованные слова на конце ритмико-синтаксических единств.

Ключевые слова: рассказ, Захар Прилепин, русская литература XXI в., музыкальность, ритмическая проза, стиль.

Многие исследователи прозы Захара Прилепина спорят о сюжете, о герое и т.п., однако проходят мимо стилистических особенностей, связанных с музыкальностью [3; 6; 7]. Так, Л. С. Янковская отмечает лиричность, но не видит музыкальности: «Несмотря на то, что не все новеллы схожи по содержанию и повествовательному тону, можно сказать, что Прилепин-прозаик выступает здесь в роли лирика: текст, напитанный неожиданными сравнениями, развернутыми метафорами, выразительными эпитетами, обретает поистине поэтическое звучание...» [7]. При этом исследовательница отмечает, что «ощущение того, что верно и правильно, а что греховно, в герое не энциклопедически выверено, а как «дикое», природное начало даровано кем-то свыше» [7]. Лучше было бы сказать, что ощущение правильности или неправильности поступков у героя неосознанно. Он сознательно не думает, как видит читатель, о том, что правильно или неправильно, но сама жизнь ему подсказывает, как нужно поступать в той или иной ситуации. Однако, моральными ценностями и лирическим звучанием проза Прилепина не исчерпывается. У него во многих рассказах можно проследить музыкальный рисунок.

О музыкальности пишет И. Г. Минералова, отмечая, что у Прилепина важна музыка, «ее строй, ее лад, ее ритмы. И дело не только в том, что он вводит музыку как фон повествования, приводит афористичные цитаты из сочинителей и исполнителей рока, она ощутима в синтаксисе, в нервной системе, что называется, внутренней форме его отдельных произведений и книги в целом» [4, с. 5]. Говоря о первом рассказе сборника «Грех», «Какой случится день недели», И. Г. Минералова отмечает гипнотичность начала этого произведения: «... читатель попадает в мир чужой жизни, которая почти осознается своей, потому что нет ни экспозиции, ни какой бы то ни было завязки, нет портрета героя, мы попадаем в само его сердце, и оно, оказывается, бьется в такт в твоим. А финал рассказа выписан в той самой сложной стилистике «рока», где сведены разноуровневые, разнополярные музыкальные темы и переключаемые регистры...» [4, с. 6]. Нужно отметить, что анализировать прозу Захара Прилепина нелегко, поскольку мы, как отмечает И. Г. Минералова, находимся внутри картины мира автора, которая не сразу нам открывается и становится понятной. Также и не во всех рассказах сборника «Грех» мы обнаруживаем музыкальный рисунок. Каждый рассказ имеет свой набор приемов: «Вообще писатель, как это ни странно, никогда не повторяется в приемах, он варьирует их, иногда изменяя до неузнаваемости» [4, с. 7]. Наиболее явственно музыкальный рисунок прослеживается в рассказе «Какой случится день недели», открывающем цикл.

Остановимся подробнее на музыкальном рисунке в этом рассказе Захара Прилепина, продолжая мысль И. Г. Минераловой о важной роли музыкальности у этого писателя. Действительно, с первых строк этого произведения отмечаешь некий внутренний ритм, пронизывающий весь текст от начала и до конца. Сразу вспоминается И. А. Бунин с рассказом «Легкое дыхание», в котором повествование как будто повторяет ритм дыхания главной героини и парит над суетой мира сего. Подобный прием обнаруживается и в тексте Захара Прилепина. Интересно проследить, как он осуществляется. М. М. Гиршман, исследуя ритм прозы, говорит об индивидуальности особенностей интонирования. Нужно также учитывать особенности ударения: мужское ударение — на последнем слоге, женское — на предпоследнем. При анализе синтаксического единства учитываются зачины и окончания, обрамляющие это единство.

Рассматривая построение фразы и особенности ритмического рисунка в начале рассказа «Какой случится день недели», мы можем сказать, что повествование как будто повторяет ритм спокойного, глубокого человеческого дыхания. Поэтому когда И. Г. Минералова говорит о том, что мы как будто находимся в сердце главного героя, то это подтверждается анализом ритма рассказа. При этом мы чувствуем, как герой то затаит дыхание, то дышит ровно, то прерывисто. Нечто подобное, по нашему читательскому опыту, ощущается при чтении романов А. Белого «Петербург» и Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», где у каждого персонажа свой ритмический рисунок, соответствующий их характерам. Такой эффект достигается синтаксическими средствами: инверсией, парцелляцией, лексическими повторами и т.п. Однако по вопросу, как правильно считать ритм текста, ведутся споры [1].

При чтении рассказа «Какой случится день недели» в глаза бросаются лексические повторы. На них в каждом абзаце опирается ритмическая композиция, имитирующая вдох и выдох. Поэтому создается впечатление, что мы вместе с рассказчиком дышим, в его ритме. И когда ритм сбивается, рассказчик начинает дышать чаще, мы ему сопереживаем и наше дыхание также учащается. Также в рассказе присутствует ритм качелей: «Все вокруг стало замечательным; и это „все“ иногда словно раскачивалось, а иногда замирало, чтобы им насладились» [5, с. 9], «вернулся к качелям, мимо которых только что прошел, коснувшись их рукой, пальцами, унеся на них холод и шероховатость ржавчины железных поручней. Я сел на качели и несильно тронулся ногами. Качели издали легкий скрип. Он показался мне знакомым, что-то напоминающим. Я качнулся еще раз и услышал вполне определенно: „В-ва... ли... ес...“ Качнулся еще раз. „Валиес“ — скрипели качели. „Ва-ли-ес“. Я улыбнулся и чуть неловко прыгнул — в спину качели выкрикнули что-то с железным сипом, но я не разобрал что. в тон качелям хмыкнула входная дверь подъезда» [5, с. 15]. Валиес Константин Львович — это старик-актер, у которого Захар, а потом и его девушка, брали интервью. Если проследить музыкальный ритм всего рассказа, то в начале — это раскачивание на качелях, ровное дыхание, почти кружение вальса. Например, в абзаце (полужирным выделены рифмы на конце ритмико-синтаксических единств): «Я забыл сказать, что Валиес был старейшим **актером** / Театра комедии нашего **города**: // иначе зачем бы мне к нему идти. Никто не стал **допытываться** / у меня через дверь, кто я такой, - в самых добрых советских **традициях** // дверь раскрылась **нараспашку**, Константин Львович **улыбался**» [5, с. 15]. В основе музыкального рисунка этого абзаца — дактилический ритм. Вальс, кружение.

В середине рассказа, когда речь заходит о том, что потерялись дворовые щенки, которых Захар кормил каждое утро, ритм становится прерывистым, как частое, взволнованное дыхание: «Спустя несколько секунд / я уже прыгал по ступеням, / думая в лихорадке: / „Машина задавила? / Как? Всех четверых? / Быть не может...“ / Я выбежал на солнце, / и в запах растеплевшейся земли и травы, / и в негромкие звуки авто за углом

/ и сразу засвистел, / зашумел, / повторяя имена щенков / поочередно и вразнобой. // Я обошел поросший кустами, / неприбранный дворик. / Я заглядывал под каждый куст / - и никого там не находил» [5, с. 18]. Вся сцена поиска щенков и похода к бомжам написана этим прерывистым ритмом, который выравнивается, когда щенки находятся. При этом лексические повторы, на которых держится ритм, создают впечатление потока сознания или течения жизни, вернее, даже кружения жизни: «Мы были очень *голодные*. Почти невесомы от *голода*» [5, с. 34], «Марысенька задумчиво улыбалась и не позволяла мне *острить* по поводу старика. / Я и не **собирался**. // Мне было по поводу кого *острить* / и на кого **умиляться**» [5, с. 35]. Создается впечатление, что мысль Захара вертится вокруг повторяемых слов, цепляется за них, как за перекладину, на которой держатся качели. Каждая мысль — свой набор лексических повторов.

В других рассказах также используется прием лексического повтора, но каждый раз по-разному. Если в рассказе «Какой случится день недели» ритм определяется кружением и раскачиванием и речь идет о влюбленных, то в рассказе «Грех» ритм строится на своеобразном нервном пунктире — подросток 17-ти лет представляет собственную смерть: «Пытался представить, / как кто-нибудь заплачет, / и еще закричит его двоюродная сестра, / которую он юношески, / изломанно, / странно любил. // Он лежит мертвый, / она кричит» [5, с. 41]. Фразы делятся на короткие смысловые отрезки, с перечислительной интонацией, что создает впечатление задержанного дыхания. Мысль как будто пульсирует. Юноша сосредоточен на себе, на своих переживаниях, на проживании опыта смерти (убил крысу, бил мух хлопучкой, визг зарезанной свиньи), морока при мысли о сестрах Ксюше и Кате, при слишком вольном общении сестры с ним. Весь рассказ ритмически выдержан как бы на грани совершения греха. И Захарка думает о том, что всякий грех будет его терзать, а добро «легче пуха», и «как все правильно», и «какая длинная жизнь предстоит», и «будет еще лето другое, и тепло еще будет, и цветы в руках» [5, с. 68]. Однако рассказ заканчивается тем, что другого лета никогда не будет. Эту фразу можно понять так: герой уже никогда не окажется в такой же ситуации, он повзрослеет, юношеская любовь пройдет.

В рассказе «Карлсон» ритм несколько напоминает интонационный рисунок композиции группы Хаски «Поэма о Родине» (2018): «Бараки-недоростки топорщатся **кое-как** / Неприветливые, словно пропойцы **на голяках** / Или как из крадущейся кареты **ПШС** / Две пары глаз блестящих, что конфеты **M&M's** / Небо подпирают новостройки-**костыли** / Всё та же чёрная девятка разрезает **пустыри** / И работяга тащит горб, что тарантул **кокон** / И человечья требуха в фоторамках **окон** / Я пройду, как по Манхэттену, по улицам **Восточного...**»³. Начало рассказа «Карлсон» напоминает рэп: «В ту весну / я уволился из своего **кабака**, где работал **вышибалой**. // Нежность к миру / переполняла меня **настолько**, / что я решил устроиться в иностранный легион, **наемником**. // Нужно было как-то себя унять, / любым **способом**. // Мне исполнилось двадцать три: / странный возраст, когда так легко **умереть**. // Я был не женат, / физически крепок, бодр и **весел**. // Я хорошо **стрелял** / и допускал возможность стрельбы / куда угодно, тем более в другой **стране**, / где водятся другие боги, / которым все равно **до меня**» [5, с. 69]. Как видим, сильную, ударную позицию в тексте Прилепина занимают рифмованные слова (отмечены полужирным), обозначающие границы ритмико-синтаксических единств. Рифмовка рэп-текста Хаски и рифмовка и ритм прозы рассказа «Карлсон» имеют сходную структуру — речитативную, с ударением на ключевых словах. У Прилепина как раз на этих ключевых словах строится весь сюжет: кабака, вышибала, наемник, стрелять. В таком рэп-ритме выстраивается повествование о странной подруге, которая познакомила Захара с не менее странным Алексеем, с которым он стал выпивать без

³ <https://proza.ru/2022/01/26/1983?ysclid=ltw13t0i9c786319140>

всякой цели и посещать книжный магазин. В пьяном угаре проходят дни, герои обсуждают литературу русской эмиграции (Гайто Газданова, Набокова) с ее «тайной эстетикой насилия» и неприятным презрением ко всем [5, с. 78], свойственными, по наблюдению Алексея, Захару, и книгу о Карлсоне, которую Алексей любит и перечитал много раз. В пьяном виде герои говорят друг другу то, чего не могут сказать на трезвую голову: «Не берут тебя в твой... Как его? Пансион... Легион... Соскучился по мужской работе? Башку хочется кому-то отстрелить, да? — Алеша старательно захохотал в трубку. — Лирик-людоед... Ты, ты, о тебе говорю... Людоед и лирик. Думаешь, так и будет всегда?..» [5, с. 80]. По-видимому, из-за неприязни к Захару, к его заносчивости, Алексей приводит к нему на работу (Захар разгружал машину с хлебом) своего пьяного друга, они устраивают драку ради забавы, но Захара ударили всерьез: «Я потряс **головой** / и скосил на него **глаза**: // голову поворачивать **было больно**. / Он курил, / очень **спокойный**, / в прямом и ярком от снега свете **фонаря**» [5, с. 84]. Как в ритме рэпа трудно уловить смысл с первого прочтения (это поток сознания, флоу), так и в хмельном угаре трудно жить осмысленно. Сознание героев затуманено алкоголем, они не задумываются над тем, почему судьба свела их вместе. И решение Захара не служить в иностранном легионе, хотя ему на следующий день позвонили из представительства легиона, не очень ясно на фоне происходящих в рассказе событий. Возможно, Алексей с другом выбили из него тягу ко всему иностранному и заставили обратиться к родному, русскому. Рассказ звучит как исповедь: в ритме рэпа все казалось «так будет всегда», но был нанесен рукой друга отрезвляющий удар.

В следующем рассказе «Черт и другие» уже не так явно прослеживается ритм рэпа. Как будто Захар еще повзрослел и больше стал присматриваться к жизни, к людям, проявлять к ним интерес, эмпатию. В этом рассказе большую роль играют метафоры. Построение фразы напоминает протокольные заметки: «Потом Нина задумывается надолго... / ее зовут Нина, / ей сорок лет, / она давно в разводе» [5, с. 85], «Другой сосед профессор, / изучает какие-то точные науки, / зовут Юрий, / отчество забыл. / Он никогда не улыбается и, / уверен, / даже не умеет этого делать» [5, с. 87]. Рассказчик описывает своих соседей так, как следователь составлял бы протокол. Тем более, что студенты, которых он прозвал чертом и бедолагой, оказались втянуты в историю с наркотиками и в конце рассказа их увозит полиция. Лейтмотивом рассказа звучит подбираемый одним пальцем на фортепиано гимн Советского Союза, который безуспешно пытается играть Нина.

В рассказе «Колеса» также прочитывается ритм рэпа. Есть рифмы на концах ритмико-синтаксических единств: «Тут в неприкрытую, / в пинках и пятнах **дверь** / влез котенок мерзкого вида, / как будто всю жизнь обитал в помойном **ведре**»; «Мы только что **курили**, / отплеываясь в осеннюю сыр, / и окно было **открыто**» [5, с. 103]. Но это отдельные вставки, они реже, по сравнению с предыдущими рассказами, вклиниваются в повествование. Могут рифмоваться последние слова соседних абзацев, помимо того, что эти абзацы пронизаны внутренними рифмами:

«Нам нужно найти себе место, / и мы начинаем свое кружение по городу, / все меньше ощущая сырость в ногах и ледяные *сквозняки*, / все больше раскрывая *воротники*, задирая *шапки*, ртами **снег лоя**».

Мы не застали дома случайно помянутого дружка / *Вовы, то ли Вади*, / который *вряд ли* порадовался бы нам, / но приютил бы *на час*; / Вадина, то ли Вовина, тетка *погнала нас*, / не открыв дверь; / а шалавая подруга и Вади и Вовы, как выяснилось, **съехала**» [5, с. 110]. В этом рассказе рэповый ритм также служит маркером бесцельности, бессмысленности бытия главного героя, который в конце в полубессознательном состоянии едва не попал под поезд: «Скользнув ногою, я упал на бок, в гравий насыпи, и сразу, в ту же секунду, увидел, как перед глазами со страшным

грохотом несутся черные блестящие колеса» [5, с. 123]. Собственно, и название рассказа, «Колеса», говорит о том, что в сознании героя явственно запечатлелись именно колеса поезда, а действительность осталась вихрем прожитых как в дурмане впечатлений. В этом рассказе, предположительно, можно проследить ритмический рисунок композиции «Ай» (2017) группы Хаски. Возможно, автор вдохновлялся этим ритмом: «(Ай) Останови вечеринку // (Ай) Я буду петь свою музыку // (Ай) Самую честную музыку // (Ай) Музыка сломанных глаз // (Ай) Музыка жёлтого снега // (Ай) Музыка чёрного пьянства // (Ай) Музыка нашего детства // (Ай) Музыка про нас...»⁴. Здесь имеется в виду беспросветность жизни, ее быстротечность. Лирический герой рэп-композиции ритмично, как под стук колес поезда, рассказывает о безнадежности своей жизни и жизни своего окружения, перемежая свой рассказ стонами-вздохами «ай», как будто ему плохо или больно. Эти стоны — анафоры, связывают всю композицию в единый текст. В рассказе Прилепина для связи служат рифмованные слова на конце ритмико-синтаксических единств. Ритм композиции «Ай» напоминает ритм рассказа, например, в таких фразах: «— Вова, ты никогда не думал... / что каждый год... / ты проживаешь день своей смерти? / — спросил я. — // Может быть, он **сегодня?** / Мы каждый год его проживаем... **Вова!**» [5, с. 122]; «Забыв о своих товарищах, я побрел **домой.** / Денег на такси у меня не было, трамвай уже не ходили, и я шел **пешком,** / еле догадываясь, **куда иду,** / иногда лишь возвращаясь в **рассудок** / и опознавая приметы своего **района**» [5, с. 122]. Ритм и настроение как в композиции «Ай» — флоу, движение как будто в тумане, по течению, куда жизнь вынесет, без всякой инициативы со стороны идущего.

В рассказе «Шесть сигарет и так далее» рассказчик — взрослый человек, работающий вышибалой в ночном клубе. В этом произведении прослеживается кольцевая композиция мысли главного героя. В начале рассказа: «По рукам догадался: он не противник мне. И сразу расслабился» [5, с. 124]. Далее идет портретная характеристика героя, которого Захар окрестил Позером. После наблюдений за его поведением, как бы разворачивающимися и подтверждающими первую реакцию, первое впечатление, следует резюме: «Здесь я догадался: он не противник мне. Пухлые пальцы, розовые; кулак вялый мягкий, как лягушечий живот, этой рукой давно никого не били» [5, с. 125].

В рассказе «Белый квадрат» речь об умершем мальчике Сашке, с которым разговаривает главный герой, вспоминая, как они играли в прятки. Сашка спрятался в морозильную камеру, которая не открывалась изнутри, и замерз там насмерть. В рассказе «Ничего не будет» Захар, погруженный в воспоминания о бабушке, о смерти которой сообщила ему любимая, выгоняет в непогоду машину и едет куда-то среди муромских лесов, потому что деревня, где вырос Захар, «лежит далеко, и добираться туда долго, и поезда туда не идут» [5, с. 176], а «ехать придется всю ночь, чтобы помочь деду разобраться с похоронами» [5, с. 177]. В этих двух рассказах ритмический рисунок, как в первом рассказе цикла, повторяет ритм дыхания главного героя. Воспоминания из детства, переживание смерти друга и бабушки. Ритм раскачивающихся качелей, как безуспешная попытка вернуться в детство: «Мы много разговаривали с бабушкой, / она играла со мной и пела мне, / и я тоже сильно ее любил; // но все, что так живо помнилось, — / отчего-то сразу рассыпалось, // ни одно радостное происшествие из близкого прошлого / не становилось живым и теплым, / и дворники со скрипом / разгоняли воспоминания с лобового» [5, с. 178]. Ритм как бы качается туда-сюда, как качели: то подъем, то спуск. И завершается рассказ тем, как Захар переключает скорость на скользкой дороге с первой на четвертую. В этом смысле заглавие звучит как приговор: ничего не будет, все осталось в детстве, вместе с несбыточными мечтами: «И мир вокруг,

⁴ <https://text-lyrics.ru/x1/haski/16849-haski-aj-text-pesni.html>

который я мерю маленькими шажками, еще веря, что едва подрасту — пройду его весь» [5, с. 178]. Невозможность пройти весь мир звучит и в образе пустоты, в которой падают белые хлопья снега. Между строк в этом рассказе читается мысль, что невозможно пройти весь мир, а можно только жить, не понимая цели этой жизни, на собственном опыте понимая, что такое грех. Очень созвучно настроению всего цикла стихотворение:

Я все еще надеюсь: как ребенок,
Разбивший вазу, в ужасе притихший
Мечтает, чтоб она сама собою
Срослась и промостилась на серванте.

Читая книги, все еще мечтаю,
И все еще уверен в том, что жизнь
И смерть между собою разрешатся,
И я — один — останусь ни при чем.

Я все еще надеюсь, и надежда,
Не ластит, а, скорее, чуть горчит. [5, с. 196].

Это о невозможности вернуть что-то непоправимо испорченное. Совершив грех, человек может только каяться и жить дальше в надежде, что покаяние уничтожит следы неблагоприятного поступка. И эта надежда горчит, потому что человек ждет, что все разрешится само собой, без его участия. Собственно, и главный герой рассказов цикла «Грех» уклоняется от каких-либо решительных действий, он чаще наблюдатель, не вмешивающийся в естественный ход событий. С одной стороны, такая позиция ставит его в уязвимое положение, потому что он то получает удары, то его увольняют с работы. С другой стороны, это сильная позиция, герой находится как бы над схваткой и может предвидеть, чем все закончится (как в рассказе «Шесть сигарет и так далее», где герой не позволяет себе ни одного лишнего движения и ловко разруливает неприятную ситуацию).

Таким образом, в прозе Захара Прилепина можно обнаружить музыкальный рисунок, который позволяет читателю как бы побывать в шкуре рассказчика, чтобы лучше понять его настроение, его внутренний мир. Полного слияния с рассказчиком, однако, не происходит, но понимание движущей силы его поступков приходит. Можно отметить своеобразную кольцевую композицию цикла: начинается он рассказом взрослого Захара, потом мы видим его подростком, потом юношей 23-х лет, потом молодым человеком, потом в роли клубного вышибалы, потом в последних рассказах снова взрослый человек, который пытается пережить свое детство, но воспоминания рассыпаются. При этом ритм прозы меняется от раскачивающегося и кружащегося в начале к жесткому, ритмичному рэпу, потом он идет к фоновому рэп-ритму и завершается снова близким к вальсовому, трехдольному ритму, раскачивающемуся и кружащемуся. Как будто это воспоминания взрослого человека с элементами исповеди, попыткой объяснить себе себя, свои подростковые и юношеские искания, пробы и ошибки. Таким видится музыкальный рисунок рассказов сборника «Грех» при первом прочтении. Мы в своей статье ставим вопрос о перспективности дальнейшего анализа ритмической и интонационной структуры рассказов Захара Прилепина и их связи с рэп-музыкой. Мы наметили пути, по которым будущие исследователи могут пойти при анализе прозы Прилепина и, в частности, рассказов из цикла «Грех».

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева В. В. Русский прозаический ритм. Динамический аспект. — СПб.: Геликон Плюс, 2017. — 142 с.
2. Гиршман М. М. Ритм художественной прозы. — М.: Советский писатель, 1982. — 366 с.
3. Местергази Е.Г. Жанровое своеобразие романа Захара Прилепина «Грех» // Проблемы поэтики и стиховедения. №5, 2009. — С. 191–195.
4. Минералова И. Г. Захар Прилепин: стиль художника и национальный мир // Слово-образ-речь: грани филологического анализа литературного произведения. — Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера», 2017. — С. 193–198.
5. Прилепин З. Грех. Ботинки, полные горячей водкой. — М.: Издательство АСТ, 2023. — 413 с.
6. Юферова А. А. Проблема жанрового определения книги Захара Прилепина «Грех» // Вестник ННГУ. 2010. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zhanrovogo-opredeleniya-knigi-zahara-prilepina-greh> (дата обращения: 29.02.2024).
7. Янковская Л. С. Система ценностей главного героя книги З. Прилепина «Грех» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, т. 18, №1(2), 2016. — С. 277 — 281.

Поступила в редакцию 23.03.2024 г.

*A. A. Mihalev
I. V. Logvinova*

**MUSICAL DRAWINGS IN THE ZAKHAR PRILEPIN'S SHORT STORIES OF THE SERIES
“SIN”**

The article examines the stories of Zakhar Prilepin, included in the series “Sin” (2007). The story “What day of the week will happen” is analyzed, in which the musical pattern is clearly traced. We are also talking about musical details in other stories in the collection. We found out that Prilepin's musical drawing is based on lexical repetitions and on rhymed words at the end of rhythmic-syntactic units.

Keywords: *short story, Zakhar Prilepin, Russian literature of the XXI century, musicality, rhythmic prose, style.*

Михалев Артём Алексеевич.

Московский государственный институт музыки имени А.Г.Шнитке, г. Москва, РФ.
Студент.
E-mail: a4847365@gmail.com

Mihalev Artem Alekseevich.

Moscow State Institute of music named after A. G. Schnittke, Moscow, RF.
Student.
E-mail: a4847365@gmail.com

Логвинова Ирина Владимировна.

Кандидат филологических наук.
Московский государственный институт музыки им. А.Г. Шнитке, г. Москва, РФ.
Доцент кафедры философии, истории, теории культуры и искусств.
E-mail: Lo-grina@yandex.ru

Logvinova Irina Vladimirovna.

Candidate of Philological.
Moscow State Institute of music named after A. G. Schnittke, Moscow, RF.
Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Theory of Culture and Arts.
E-mail: Lo-grina@yandex.ru

Д. Г. Сидоренко © 2024

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук, доц. И. А. Сафонова)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛОРАТИВОВ В ПОВЕСТИ САШИ ЧЕРНОГО «ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО»

Объект исследования в работе составили прилагательные-цветонаименования. Особое внимание в статье уделено их семантическим и функциональным особенностям. Источником для отбора фактического материала послужил текст повести С. Черного «Чудесное лето». С опорой на имеющиеся в науке представления о системе колоративов в русском языке определены группы анализируемых единиц. Установлено наполнение этих групп; показаны возможности использования прилагательных разных групп.

Ключевые слова: колоратив, прилагательное, лексическая семантика, текст для детей.

Обретая словесную форму, цветовой образ становится предметом изучения лингвистики. Для выражения семантики цвета используются единицы разной частеречной отнесенности — существительные (*белизна, синева* и мн. др.), прилагательные (*голубой, малиновый* и мн. др.), глаголы (*желтеть, чернеть* и мн. др.), предикативы (*красно, фиолетово* и др.) [о языковых единицах с семантикой цвета см.: 14].

Цветонаименования традиционно обозначаются в науке как «колоративы». При этом среди исследователей нет единства в понимании термина «колоратив» и, соответственно, определении состава множества этих единиц. Согласно широкому пониманию, представленному, в частности, в работах Е. А. Рыбальченко, в состав множества колоративов («цветослов») входят прилагательные, существительные, глаголы, наречия, объединенные интегральной семой 'цвет' [14, с. 3]. По мнению А. В. Зубаревой, колоратив — это языковая или речевая единица, чей корневой морф семантически или этимологически связан с цветообозначением [7, с. 109].

В узком понимании колоративы представляют собой достаточно четко очерченную в языке группу прилагательных, обозначающих цвета. Эта группа, как отмечает О. И. Кулько, не замкнута, хотя, скорее всего, и не имеет явной тенденции к расширению» [10, с. 224].

Исследование колоративов имеет давнюю традицию в отечественной науке о языке. Учеными рассмотрена этимология и история цветообозначений [см., например: 5; 8], употребление их в памятниках письменности XI–XVII вв. [1]; определены функции слов-цветонаименований, установлены особенности использования их в современных рекламных текстах [см., например: 4]; описаны семантические отношения колоративов [17].

Нередки работы, посвященные функционированию колоративов в художественных текстах. Так, исследователями выделены основные функции терминов-цветообозначений [11]; выявлены нецветовые значения цветослов [3]; описан потенциал цветонаименований как средств создания образов персонажей [6]; определены особенности употребления цветонаименований в текстах для детей [9]. Из указанных вопросов наименее разработанными остаются вопросы, связанные с функционированием цветообозначений в произведениях для детей.

Тексты для детей обладают возрастной и жанровой спецификой. Информативно-когнитивный потенциал текстов данного типа специфичен: они предназначены для

читателя другого возраста, нежели возраст автора, потому многое из того, о чем говорится в произведениях для детей, повышает уровень знаний ребенка об окружающем мире. В текстах, ориентированных на юного читателя, колоративы становятся средством передачи эмотивной и / или ассоциативной информации, их использование способствует формированию положительного или отрицательного отношения к герою или явлению [см. 9, с. 120].

Источником для отбора языковых фактов в нашей работе послужила повесть Саши Черного «Чудесное лето». Большинству современных читателей писатель известен прежде всего как поэт-сатирик, создававший произведения для взрослого читателя. При этом он не столь широко известен как автор поэтических и прозаических произведений для детей. Его вклад в русскую детскую литературу ещё только предстоит осмыслить и оценить. Как следствие, специфика его произведений для детей пока не нашла достаточного осмысления в лингвистических исследованиях.

С использованием метода сплошной выборки из текста повести «Чудесное лето» нами был извлечен 321 случай употребления колоративов — прилагательных-цветообозначений. Цель работы состоит в выявлении специфики употребления цветоименований в тексте повести.

При систематизации языкового материала мы опираемся на классификацию, представленную в «Словаре-тезаурусе прилагательных русского языка» под редакцией Л. Г. Бабенко [15]. В данном словаре прилагательные группируются на понятийной основе, в связи с чем располагаются не по алфавиту, а по смысловым группам, внутри которых соотносятся с общим для них понятием. В изучаемом тексте представлены цветообозначения, формирующие три группы.

Группа «Цвет» представлена такими лексемами, как *алый, багровый, белоснежный, белый, бронзовый, бурый, васильковый, голубой, желтый, зелененький, зеленый, золотистый, золотой, изумрудный, канареечный, каштановый, коричневый, кофейный, красный, кремовый, лазурный, лиловый, лимонный, малиновый, оранжевый, пегой, ржавый, розовый, румяный, рыжеватый, рыжий, сапфирный, седоватый, седой, серебристый, серебряный, серенький, серый, сизый, синий, синий-синий, сиреневый, черненький, чернильный, черный, янтарный*. Данная группа насчитывает 250 случаев употребления, составляющих 76 % от общего количества случаев употребления колоративов: *Игорь живет в тупичке, в старом солидном, сером доме* (с. 213)⁵; *Слюна черная, слезы черные и, когда в летнюю жару пот с трубочиста градом капает, пот тоже, должно быть, черный* (с. 249); *Дядя Вася вскочил на велосипед и покатил в соседнее местечко покупать Игорю купальные трусики: полосатые, синие с белым, — матросских цветов* (с. 254).

Преобладающей в группе является лексема *зеленый*, которая представлена 39 случаями употребления. Она может быть использована автором для описания растений: *Зашипела над лодкой зеленая лоза, кролики по кустам брызнули...* (с. 227); животных: *И приснилось ему, что из пруда вылез огромный зеленый крокодил...* (с. 228); одежды: *Химик решительно надел на себя зеленый непромокаемый балахон, словно он и не химик, а бродячий куст можжевельника...* (с. 295).

При этом в анализируемом тексте находим контекст *Широколиственная библейская пальма перед навесом, наверно, за все долгие годы своей мирной, зеленой жизни такой удивительной песни не слыхала...* (с. 284), в котором прилагательное *зеленый* используется в сочетании с существительным *жизнь*. Как представляется, с

⁵ В круглых скобках приводятся номера страниц по изданию: Чёрный С. Избранная проза. — М. : Книга, 1991. — 432 с.

помощью данного прилагательного автор метафорически описывает размеренную жизнь вечнозеленого растения.

Второе место по частотности занимает лексема *черный*, которая представлена 35 случаями употребления. Автор использует ее для описания животных: *Выбежал Игорь из будки, — в самом деле на берегу пруда пудель, лохматый **черный** друг...* (с. 229); предметов быта: *Когда ни пройдешь, все пудрит. Сбоку за колонкой — **черная** колясочка* (с. 214); одежды: *И встречали их совсем уже старомодные родственники — дамы в **черных**, похожих на деревенские зонтики, платьях...* (с. 214).

Одним из самых употребительных можно назвать также прилагательное *белый*, которое использовано в 30 контекстах с целью описания бытовых реалий: *Матрос уже успокоился и аккуратно расставлял на **белой** клеенке стаканы...* (с. 237); одежды: *Пудель ушел, но к углу окна незаметно подкрался в **белом** бумазейном халатике другой визитер* (с. 242); *Платица у них **белые** — тюльпанчиками, измажутся, как крысы в погребе* (с. 313).

В ряде случаев прилагательное *белый* используется в непрямом значении, например: *Верьте, не верьте, но он ел самые неподходящие для кота вещи. Помидоры, **белый** хлеб, маслины, макаронны, рис, овсянку* (с. 272). В приведенном контексте рассматриваемое прилагательное используется в сочетании с существительным *хлеб* и реализует значение «светлый» [16, I, с. 121–122]. Прилагательное *белый* номинирует в данном случае не цвет, а разновидность хлеба.

Единица *белый* представлена также в составе онима, например: *Плавали мы под Архангельском в **Белом** море...* (с. 238). Номинирование моря с помощью данного прилагательного стало возможным в результате метонимического переноса в его значении: море было названо белым, так как большую часть года оно покрыто белыми льдами.

К группе «Цвет» относится также прилагательное *голубой*, которое используется в тексте повести в прямом и переносном значениях. В прямом значении данное прилагательное употребляется, например, в описании одежды: *В разгар беседы с берега примчались босоногий Мишка и Игорь в **голубых** штанах об одной подтяжке по голому телу* (с. 289).

Прилагательное *голубой* отмечено также в контекстах, содержащих метафорическое описание детей, например: *А девочка зубки стиснула, кудряшки светлым одуванчиком вскинулись, головой в восторге крутит, в глазах **голубое** сияние* (с. 320). Данные более широкого контекста показывают, что с помощью этого прилагательного писатель создает образ смелой и ловкой девочки Люси с голубыми глазами, которая быстрее всех научилась кататься на самодельной карусели.

В непрямом значении рассматриваемое прилагательное представлено в следующем контексте: *А вдруг пилот, жарко ведь, бутылку пива из горлышка высосет и выбросит ее прочь в **голубой** воздух!* (с. 310). В приведенном фрагменте писатель использует прилагательное для описания воздуха на большой высоте, там, где вокруг только голубое небо. Перенос в семантике прилагательного может быть определен как метонимический, на основе пространственной смежности.

Лексемы *алый, багровый, белоснежный, бурый, васильковый, изумрудный, каштановый, кофейный, лазурный, лимонный, пегий, пегой, рыжеватый, седоватый, серебристый, серебряный, серенький, синий-синий, чернильный, янтарный* отмечены в единичных случаях употребления. Например: *Детские ноги мелькнули в воздухе и скрылись за окном в **чернильной** тьме палисадника* (с. 241); *Кукольная нянька нашла, что если волосы **лимонного** цвета, то дырку в голове надо заткнуть лиловым* (с. 214). Прилагательное *чернильный* называет глубокий черный цвет, отливающий

фиолетовым [2, с. 1473]. С помощью прилагательного *лимонный* писатель подчеркивает яркость волос куклы, чтобы ребенок мог более точно воспроизвести ее в памяти.

Отдельного рассмотрения требует случай употребления индивидуально-авторского колоратива: *У станции путешественников встретил знакомый дяди Васи, русский фермер — бритый, коренастый, руки и лицо цвета копченого сига, поперек живота широченный голубой пояс* (с. 257). В приведенном контексте писатель использует колоратив, описывающий смуглого мужчину, кожа которого отливает на солнце. Представляется, что описание цвета с использованием существительного, называющего рыбу, не случайно. Автор таким образом описывает то, что в сознании ребенка связано с морем: *Игорь встrepенулся: за поворотом зашипели пологие, сверкнувшие на солнце золотисто-голубой чешуей волны. Раскрылся тихий залив, кремовая полоса пляжа, прорытая волнистыми грядами гравия... Острый мысок с зелеными коронами сосен. Далекий остров, — маяк, — сонный парусок. Море!..* (с. 258).

Группа «Расцветка» представлена лексемами *бирюзово-зеленый, буро-зеленый, золотисто-голубой, пегий, пестрый, полосатый, сизо-голубой, сине-белый, сине-голубой, сине-зеленый, цветной, черно-красный*, зафиксированными в 32 случаях употребления, например: *Бережно зажав под мышкой свою драгоценную плетушку, Игорь сунулся было к пестрому игрушечному ларьку против кассы, но испугался...* (с. 221); *Пробегают лохматые виноградники, между ними цементные, квадратные чаны с сизо-голубыми краями* (с. 256); *У Игоря есть любимый финский нож в черно-красных ножнах с золотом* (с. 331). Случаи употребления прилагательных этой группы составляют 10 % от общего количества случаев употребления исследуемых единиц.

В изучаемом материале прилагательные данной группы представлены в большинстве случаев в прямых значениях, что связано с адресованностью текста детям, которые должны понимать текст: *Игорь встrepенулся: за поворотом зашипели пологие, сверкнувшие на солнце золотисто-голубой чешуей волны* (с. 257); *Какие чудесные цветные ободки на рукоятках и шарах...* (с. 292).

При этом в тексте отмечены и случаи функционирования рассматриваемых колоративов в переносных значениях. Например: *Вздыхнул, вот и еще одна страница пестрой детской жизни перевернулась* (с. 220); *Ветер шелестит на беседке ржавыми хмелевыми листьями и перелистывает в голове пестрые смешные мысли...* (с. 248). Прямым для прилагательного *пестрый* является значение «такой, поверхность которого покрыта пятнами, полосами разного цвета, состоящий или составленный из чего-л. окрашенного в разные цвета; не одного цвета, разноцветный» (17, III, с. 243). В приведенных контекстах оно используется для характеристики динамичной, наполненной яркими моментами жизни, а также различных мыслей. В обоих случаях рассматриваемое прилагательное употребляется для метафорического описания жизни ребенка и отдельной ситуации.

Группа «Проявление цветового признака» представлена прилагательными *бледно-зеленый, бледный, блекло-зеленый, густо-лазурный, мутно-зеленый, полутемный, светлый, темно-желтый, темно-зеленый, темно-серый, темно-синий, темный, тускло-красный, ярко-васильковый, ярко-синий*, случаи употребления которых составляют 14 % от анализируемого материала (39 сл. уп.): *Они решили, что под деревьями появился новый музыкант, двуногий, без крыльев, со светлым куском в руках, которым он так трещит и скрежещет, что и сотне цикад его не заглушить* (с. 266); *Нос у нее был похож на руль, только тоньше, конечно, но глаза славные: рассеянные, добрые и такого же блекло-зеленого цвета, как платье и колпачок* (с. 304).

В описании окружающей природы находим: *Небо было такое ясное, густо-лазурное, что и карандаша такого цветного не найдешь, чтобы эту лазурь передать* (с. 259). Вторая часть сложного прилагательного *густо-лазурный* обозначает собственно

цвет (светло-синий). Первая часть связана не со зрительным, а, скорее, тактильным восприятием (*густо*-). В отношении данного прилагательного можно говорить об отражении в его значении синестезии, представляющей собой феномен, определяемый особенностями физиологии, которые обуславливают нестандартный способ перцепции, когда в ответ на стимул для одного канала восприятия одновременно реагируют ещё один или несколько сенсорных каналов (например, цветной слух). Ощущения, переживаемые при этом субъектом, как правило, обладают большим количеством вариаций и индивидуальных особенностей, существует множество различных типов синестетического опыта [подробнее о синестезии см.: 13].

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод о количественном доминировании колоративов, формирующих группу «Цвет». Прилагательные, входящие в состав групп «Расцветка» и «Проявление цветового признака», используются в тексте повести значительно реже.

Наиболее употребительными в исследуемом тексте являются наименования цветов основного спектра — *зелёный, чёрный, белый*. Тогда как обозначения оттенков цветов и их сочетаний отмечены в единичных случаях функционирования.

Изучаемые прилагательные используются преимущественно в прямых значениях. Случаи функционирования анализируемых единиц в переносных значениях единичны. Все это представляется неслучайным: в тексте, созданном для детей, не должно быть большого количества колоративов со сложной семантикой.

Колоративы используются в повести для художественного, в том числе образного, описания людей, предметов, явлений, а также в составе наименований разновидностей объектов (*белый хлеб*) и в составе онимов (*Белое море*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. — М.: Наука, 1975. — 286 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Изд-во «Норинт», 2000. — 1536 с.
3. Братчикова, Н. С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Братчикова Надежда Станиславовна. — М., 2006. — 319 с.
4. Василевич, А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. — М.: КомКнига, 2005. — 216 с.
5. Гмызина, Э. В. Цвет в культуре средневековой Руси: слово и образ / Э. В. Гмызина // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. Т. 3: Культурная динамика / отв. ред. Д. Л. Спивак. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 344–349.
6. Закирова, О. В. Качественные прилагательные как средство создания образов персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Закирова Оксана Вячеславовна. — Казань, 2008. — 22 с.
7. Зубарева, А. В. Проблематика колоративной лексики в современной лингвистике // Сборник материалов конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия». — 2013. — Вып. 3. — С. 107–114.
8. Иссерлин, Е. М. История слова *красный* / Е. М. Иссерлин // Русский язык в школе. — 1951. — № 3. — С. 85–89.
9. Кузьмина, И. С. Специфика функционирования колоративной лексики в англоязычных текстах для детей / И. С. Кузьмина // Известия ВГПУ. Филологические науки. — 2020. — № 8. — С. 117–123.
10. Кулько, О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. — Казань: Издательство Казанского университета, 2004. — С. 224–225.
11. Матросова, Я. Е. Функции терминов цветообозначения в художественном тексте / Я. Е. Матросова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 1. — С. 14–21.

12. Панченко, А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян / А. М. Панченко // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 23. Литературные связи древних славян. — Ленинград: Наука. — 1968. — С. 4–15.
13. Разлогова, Е. Э. Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур / Е. Э. Разлогова, П. В. Ярошенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 77 — С. 68–71.
14. Рыбальченко, Е. А. Колоративная лексика в языке романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01 — русский язык / Рыбальченко Елена Александровна. — М., 2011. — 22 с.
15. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2012. — 834 с.
16. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Изд. центр Терра, 1996.
17. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа / отв. ред. В. Н. Телия. — М. Наука, 1984. — 173 с.

Поступила в редакцию 26.03.2024 г.

D. G. Sidorenko

**SEMANTICS AND FUNCTIONING OF COLORATIVE VOCABULARY
IN THE STORY OF SASHA CHERNY «WONDERFUL SUMMER»**

The object of study in the work were adjectives-color names. Particular attention in the article is paid to their semantic and functional features. The source for the selection of factual material was the text of S. Cherny's story «Wonderful Summer». Based on existing scientific ideas about the system of coloratives in the Russian language, groups of analyzed units are determined. The content of these groups has been established; the possibilities of using adjectives of different groups are shown.

Key words: colorative, adjective, lexical semantics, text for children.

Сидоренко Диана Геннадьевна.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Студент.

E-mail: flb-201_346725@volsu.ru

Sidorenko Diana Gennadyevna.

Volgograd State University, Volgograd, RF.
Student.

E-mail: flb-201_346725@volsu.ru

Сафонова Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, РФ.

Доцент кафедры русской филологии и
журналистики.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru

Safonova Irina Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Volgograd State University, Volgograd, RF.

Associate Professor of the Department of Russian
Philology and Journalism.

E-mail: ia_safonova@volsu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

2. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

Статья отправляется на электронный адрес редакции (donrus452@yandex.ru).

Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (статус — студент (Student), магистрант (Undergraduate student), аспирант (Postgraduate student)), место работы, прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452)., на обработку моих персональных данных.

3. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 6 до 12 страниц;
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;

- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- первая строка — индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и начертания);
- вторая строка — инициалы (перед фамилией) и фамилия автора печатаются с выравниванием по правому краю полужирным курсивом: *М. Н. Иванова*;
- третья строка — официальное полное название учебного заведения (*выравнивание по правому краю, курсив*);
- четвертая строка — сведения о научном руководителе — печатается с выравниванием по правому краю курсивом в круглых скобках — (*Научн. рук. — д-р филол. наук, проф. В. И. Теркулов/канд. филол. наук Н. В. Гладкая*);
- пятая (и при необходимости 6, 7 и т. д.) строка — название статьи — печатается большими буквами жирным шрифтом с выравниванием по центру;
- через строчку — **аннотация** на русском языке (10 кегль) **объемом от 80 до 100 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова (5–7 слов, курсивом)**;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчеркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:
Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...); если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пуниша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

ЛИТЕРАТУРА (10 кегль без абзацного отступа, полужирное начертание, выравнивается по центру). Список литературы оформляется как нумерованный в алфавитном порядке; публикации, принадлежащие одному и тому же автору, располагаются в соответствии со временем их опубликования. Выравнивание по ширине. Описание производится на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках издания: [15, с. 12]; при необходимости указать том издания, его вписывают римскими цифрами после номера: [7, VII, с. 35–36] Ссылки допускаются только на опубликованные

работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Образцы оформления литературы:

1. Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С.В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.
3. Влавацкая М.В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М.В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
4. Комаров, Г.В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 — теория языка / Комаров Георгий Владимирович — Краснодар, 2007. — 24 с.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди (психология человеческих взаимоотношений) / Э. Берн. — Режим доступа: <http://www.lib.ru/PHINO/BERN>

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю)

на английском языке;

- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**

- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);

- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (если есть) (без выделения).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант) (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Прецедентные высказывания как характерная особенность креолизованных текстов в интернеткоммуникации

Gladkaya N. V. The precedent statements as a main characteristic of creolized texts in internet communication

Студенты, магистранты, аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

Плата за публикацию статей с авторов не взимается

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

УДК 81'42

М. А. Капиносова © 2024

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
(Научн. рук. — канд. филол. наук Н. В. Гладкая)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ОСОБЕННОСТЬ КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются основные функции и наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, а также его воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей различных лингвокультур. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень влияния на реципиентов. В ходе исследования были определены роль и значение визуальной информации в интернет-коммуникации.

Ключевые слова: прецедентное высказывание, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

Текст, текст, текст...

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста. К постановке проблемы / Е. Е. Анисимова // Филологические науки. — М., 1996. — № 5. — С. 74–85.
2.

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

М. А. Капиносова

THE PRECEDENT STATEMENTS AS A MAIN CHARACTERISTIC OF CREOLIZED TEXTS IN INTERNET COMMUNICATION

This article discusses the key features and the most common mechanisms of creating creolized text in the Internet communication, its impact on the recipient and the impact of logoepistems units precedent phenomena on members of a linguistic culture. The topic relevance due to the need to establish a system of basic models of

formation creolized texts to better study the types of connections between verbal and nonverbal components that allow a deeper insight into the nature of the comic effect and determine the degree of impact on the recipients. It was identified the role and importance of visual information in the Internet communication.

Key words: precedent statement, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential

Капиносова Мария Александровна.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Магистрант.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Kapinosova Maria Alexandrovna.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Undegraduat student.
E-mail: mkapinosova@yandex.com

Гладкая Наталия Витальевна.
Кандидат филологических наук.
Донецкий государственный университет,
г. Донецк, РФ.
Доцент кафедры русского языка.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Gladkaya Nataliia Vitaliivna.
Candidate of Philology.
Donetsk State University, Donetsk, RF.
Associate Professor of the Department of Russian
Language.
E-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2024. — № 2 (24)

На русском языке

Технические редакторы: В. А. Рязанова, А. С. Бурляй